

РЕГИОНОЛОГИЯ

Научно-
публицистический
журнал

Учредители:

Министерство
образования
и науки
Российской
Федерации

Правительство
Республики Мордовия

НИИ регионологии
ГОУВПО «Мордовский
государственный
университет
им. Н. П. Огарева»

Журнал издается
с октября 1992 г.

Выходит 1 раз
в квартал

4/2009
(№ 69)

СОДЕРЖАНИЕ

- 4 **В. И. Сухарев.** Проблемы и перспективы развития государственной промышленной политики Российской Федерации в условиях кризиса

Теоретические проблемы регионологии

- 9 **М. Э. Рябова.** Формирование новых идентичностей: диалектика глобального и регионального

Проблемы федерализма

- 17 **И. В. Бахлов, О. П. Березина.** Отечественный опыт конструирования государства с автономными образованиями как типа федерации

Политическое пространство региона и территориальное управление

- 27 **Е. В. Головацкий.** Ресурсное оснащение политических новаций: региональное измерение
- 32 **О. В. Бахлова.** Межрегиональное сотрудничество как фактор российско-белорусской интеграции
- 42 **Л. Н. Рузавин.** Технологии формирования имиджа субъекта Федерации в условиях современной территориальной организации России
- 50 **Э. Р. Янборисова.** Внедрение социальной технологии механизма антикризисного PR в регионе

Экономика региона

- 57 **Р. А. Абрамов.** Проблемы формирования антикризисных региональных инновационных программ
- 65 **А. В. Акишева.** Инновационный подход в сотрудничестве коммерческого банка и предприятия-заемщика в минимизации кредитного риска

Редколлегия:

А. И. СУХАРЕВ
(главный редактор)
П. Ф. АНИСИМОВ
Н. М. АРСЕНТЬЕВ
И. В. БАХЛОВ
В. Д. ВОЛКОВ
Н. И. ВОРОНИНА
В. И. ГРИШИН
Д. В. ДОЛЕНКО
В. В. ИВАНОВ
Л. В. КАЛАЧИНА
(ответственный секретарь)
Б. Ф. КЕВБРИН
В. В. КОЗИН
(заместитель главного редактора)
В. В. КОНАКОВ
Н. С. КРУТОВ
Г. Ф. КУЦЕВ
Н. П. МАКАРКИН
В. В. МАРЕСЬЕВ
М. В. МОСИН
В. А. НЕЖДАНОВ
В. А. НЕЧАЕВ
С. В. ПОЛУТИН
В. А. ЮРЧЕНКОВ

- 74 **С. А. Бартанов.** Влияние энергетического потенциала на экономику регионов Приволжского федерального округа
- 82 **А. Ч. Коков, А. М. Апеков.** Проблемы и перспективы развития ценовой политики в электроэнергетическом комплексе Северокавказских республик
- 89 **З. А. Шарафутдинова.** Рентные отношения в землепользовании региона
- 95 **Н. Н. Семенова.** Бюджетное финансирование сельского хозяйства региона
- 102 **Л. С. Раужина.** Послевоенное развитие кооперативной промышленности в регионе

Региональные проблемы науки и образования

- 107 **Т. А. Кузнецова, А. А. Ташкинов, С. И. Пахомов.** Межвузовская кооперация при реализации программ подготовки научных кадров
- 114 **Н. А. Чеканина.** Региональные аспекты финансирования высшей школы
- 122 **А. В. Макаркин.** Динамика трудоустройства выпускников вуза

Социология региона

- 134 **Е. В. Еремина.** Предметная область и проблематика социологических исследований в регионе
- 143 **А. С. Плигузов.** Некоторые проблемы развития человеческого капитала
- 148 **А. Н. Ершов, О. С. Ивлева.** Проблема гендерного равенства в социальном управлении: региональный аспект
- 158 **Ю. Ю. Кудашкина.** Устойчивое развитие и качество жизни населения региона
- 164 **А. А. Аношкин.** Развитие предпринимательства в регионе
- 169 **М. С. Третьяков.** Молодежь на региональном рынке труда
- 173 **В. А. Смирнов.** Развитие молодежных общественных объединений в регионе

Социальное развитие региона

- 183 **М. М. Гудов, Э. Р. Цулая.** Оценка характера развития социальной инфраструктуры села региона
- 190 **Г. А. Вознюк.** Влияние элементов социального страхования на качество жизни работников промышленного предприятия региона
- 195 **Е. В. Рязанцев, В. Е. Рязанцев.** Организационно-методическое и кадровое обеспечение урологической службы

Информационное пространство региона

- 206 **К. А. Антонов.** Постановка повестки дня региональными средствами массовой коммуникации
- 213 **А. А. Кошелев.** Региональные особенности восприятия телевизионной рекламы молодежью

Экология региона

- 219 **С. А. Туменова.** Конкурентные преимущества рекреационного комплекса региона

Провинциальная культура

- 223 **Э. Р. Сафаргалиев.** Субстрат культуры как фактор динамических трансформаций в условиях полиэтничности региона
- 232 **И. А. Купцова.** Ценностно-смысловое взаимодействие русской провинциальной и массовой культуры
- 245 **Т. В. Юркина.** Языковое сознание, культурный концепт и проблема самоидентичности
- 250 **Г. С. Попова.** Анима, тотем, фетиш в корневой культуре — триединство духовной связи природы и человека
- 257 **Р. М. Шарипова.** Татарская хоровая культура в 1917—1930 гг.
- 261 **Е. Ю. Куляева.** Художники российской провинции: И. С. Горюшкин-Сорокопудов и Ф. В. Сычков

В. И. СУХАРЕВ

**ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ
РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ
ПРОМЫШЛЕННОЙ ПОЛИТИКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА**

Ключевые слова: производительные силы; производительность труда; социально-экономическая политика; промышленная политика; стратегия; кризис; инновационное развитие

Key words: production forces; labour productivity; social and economic policy; industrial policy; strategy; crisis; innovative development

В современном обществе качество жизни людей и степень их социальной защищенности зависят от уровня развития производительных сил, уровня производительности труда и проводимой социально-экономической политики. Как отметил Президент РФ Д. А. Медведев, мировой экономический кризис показал, что двадцать лет бурных преобразований так и не избавили нашу страну от унижительной сырьевой зависимости. Сегодня надо думать о том, как выйти из кризиса в кратчайшие сроки с обновленной, более сильной экономикой. В связи с этим поддержка, которая оказывается сегодня отдельным предприятиям, должна быть обусловлена внедрением современных технологий, повышением энергоэффективности и производительности труда, выпуском продукции самого высокого качества по самым передовым стандартам. В условиях кризиса мы будем помогать только тем российским компаниям, у которых есть четкие планы повышения эффективности и реализации высокотехнологичных проектов¹.

Президентом выделены основные научно-технологические направления: энергоэффективность и ресурсосбережение, ядерные технологии, космические технологии, технологии в области медицины, стратегические компьютерные тех-

¹ СУХАРЕВ Вячеслав Иванович, первый заместитель министра промышленности Республики Мордовия.

нологии и программное обеспечение. Сегодня как никогда назрела необходимость разработки промышленной политики России. Место России в мире будет зависеть не только от разнообразия и количества располагаемых и добываемых природных богатств, но и от умения обрабатывать металл, лесоматериалы, пластмассы и др., а также получать новые материалы с заданными свойствами. Партнеры и соперники России во всемирном соревновании будут постоянно и внимательно отслеживать и оценивать объем и качество российских естественно-научных и гуманитарных знаний, трансформированных и преобразованных в технические средства и технологии.

В том случае, если имеются твердые намерения упрочить и преумножить национальную и экономическую безопасность страны, необходимо заниматься вопросами промышленной политики, производительности и качества труда. Иначе Россия расположится между топливно-сырьевым экспортом и машинно-техническим, потребительским импортом. При неблагоприятном стечении обстоятельств это может привести к весьма болезненным последствиям.

К чему приводит отказ от промышленной стратегии, хорошо видно на примере отечественного станкостроения, катастрофически сократившего объемы производства. В настоящее время внутреннее производство металлообрабатывающих станков меньше импорта в десятки раз, а зависимость от зарубежных поставок машинно-технической продукции давно превысила критический уровень. Такая картина наблюдается практически во всех обрабатывающих секторах реальной экономики.

Очевидным становится то, что при отсутствии промышленной стратегии отсутствуют и долгосрочные инвестиционные приоритеты. По-прежнему главный получатель инвестиций — организации-экспортеры топливно-сырьевых товаров и низкопередельной продукции. Станкостроительные предприятия (сердцевина обрабатывающей промышленности) пока «на диете». Не исправив ситуацию, так и будем выпускать в год по сотне обрабатывающих центров и несколько сотен металлорежущих станков с ЧПУ, имея фактическую потребность, измеряемую тысячами и десятками тысяч единиц. Ни одно государство «Большой восьмерки» не может «похвастаться» таким положением дел в станкостроении.

С потерей станкостроения будет утрачен важнейший элемент отечественной базы производства других видов машин и оборудования. Положение усугубляется тем, что в настоящее время на большинстве российских предприятий установлены миллионы единиц морально устаревшего и физически изношенного оборудования.

Промышленная политика — это экономическая политика с позиций товарного производства, составной элемент государственного строительства, направленный на трансформацию отечественной экономики в одного из мировых лидеров по параметрам технологичности, производительности и качества.

Сегодня как никогда становится актуальной разработка стратегических планов и запуск масштабных долгосрочных проектов. Реализация долгосрочной стратегии облегчит развитие бизнеса, поскольку появятся долгосрочные ориентиры. Кроме того, они появятся у общества и, что важнее всего, у молодежи, которую волнуют вопросы «Кем быть?», «На кого учиться?», «Как выстроить свою личную жизненную стратегию?». Ответить на эти вопросы можно лишь тогда, когда у страны есть стратегия развития. В противном случае многие будут искать ответы на эти вопросы у других берегов.

Решение задач модернизации экономики, обозначенных Президентом России в Послании, потребует значительных инвестиций. Однако возможности главы государства в презентации новых инициатив, требующих бюджетного финансирования, сведены к минимуму. Утвержденный в первом чтении проект бюджета 2010 г. предусматривает сокращение государственных расходов по разделу «Национальная экономика» на 27 %, в том числе по сельскому хозяйству — на 58 млрд руб., по транспорту — на 47 млрд руб. Образование недополучит 14 млрд руб. по сравнению с 2009 г., здравоохранение — 15 млрд руб., фундаментальная наука — 3 млрд руб. Другими словами, у Министерства финансов денег на модернизацию нет.

Как показывает мировой опыт, инновационное развитие не может быть связано только с государственным бюджетом, а должно определяться спросом на исследования и разработки со стороны негосударственного (частного) сектора экономики. Поэтому, исходя из сложившейся финансовой ситуации в стране, Президент РФ видит три источника

финансовых ресурсов для перестройки экономики. Первый — оптимизация расходов бюджета. «Кроме того, надо провести независимый аудит корпораций, а также крупных компаний с госучастием, внедрить в каждой из них современные модели управления, а оплату труда руководства этих компаний прямо увязать с показателями снижения издержек, повышения энергоэффективности и, естественно, повышения производительности труда, результатами внедрения технологий и инноваций»².

Вторым ресурсом модернизации суждено стать государственным монополиям. Министр экономического развития Э. С. Набиуллина на правительственном часе в Государственной Думе отметила, что затраты на НИОКР у госмонополий сегодня составляют от 0,1 до 0,4 % бюджета. «Мы не сможем существенно повысить частное финансирование НИОКР, пока к этому не подключатся компании естественных монополий, компании нефтегазового сектора»³. По последним данным Всемирного банка, в Японии расходы на технологические изыскания достигают 75 % от общих затрат бюджета, в США — 70 %, в России — 6 %. Итогом такой политики служит то, что пока лишь 10 % крупных предприятий России занимаются инновациями. На мировом рынке наукоемкой продукции России принадлежит менее 1 %, в то время как Китаю — 7 %, США — 37 %.

Весьма перспективный, но пока практически не задействованный источник ресурсов для модернизации экономики — налоговая система. По мнению Президента РФ, под задачи модернизации должна быть настроена налоговая система. Очевидно, что наша налоговая система нуждается в изменениях. Основными направлениями совершенствования являются освобождение от уплаты налога на имущество в первый год эксплуатации нового энергоэффективного оборудования и недопущение роста налоговой нагрузки для резидентов технико-внедренческих зон. Кроме того, Министерство экономического развития разработало и направило на согласование законопроект, сокращающий с десяти до двух лет срок амортизации нематериальных активов, важных для технологического и инновационного развития предприятий, а также ряд других поправок, стимулирующих инновационную активность предприятий.

Необходимо учитывать и тот факт, что в современных условиях наряду с крупным производством должен разви-

ваться мелкий бизнес. Более того, он должен быть производным от крупных компаний, обслуживать их, концентрируя изготовление деталей, требующих кропотливого, неспешного индивидуального труда. Сегодня малые предприятия России обеспечивают 40 % рабочих мест, хотя на них приходится только 17 % ВВП (в странах «Большой восьмерки» доля малого производства составляет 60—70 % ВВП).

Таким образом, модернизация промышленности должна иметь широкомасштабный характер, основанный на хозяйственных преобразованиях всей экономики. Итогом должно стать развитие социальных процессов, которые будут вовлекать все слои населения России. Начинать ее следует со снижения затрат, повышения качества продукции, определения стратегии на краткосрочную и долгосрочную перспективы и привлечения финансовых ресурсов и разработки механизмов реализации стратегий. Как отметил Д. А. Медведев, «пять стратегических направлений технологической модернизации являются, безусловно, приоритетными. Но, конечно, ими не исчерпывается перечень государственных задач. Правительство должно активно проводить программы развития и других секторов экономики, ориентируясь на повышение доли добавленной стоимости, производимой внутри страны. Это ключевая вещь»⁴.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Медведев Д.А. Выступление на пленарном заседании Петербургского международного экономического форума 5 июня 2009 года. URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/4336> (дата обращения: 10.06.2009); Медведев Д.А. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации 12 ноября 2009 года. URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/5979> (дата обращения: 16.11.2009).

² Медведев Д.А. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации ...

³ Тезисы выступления Министра экономического развития Российской Федерации Э.С. Набиуллиной «Модернизация, инновации и региональные аспекты» на заседании Совета по взаимодействию с законодательными (представительными) органами государственной власти субъектов Российской Федерации, Совет Федерации Федерального собрания Российской Федерации, Москва, 9 ноября 2009 г. URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/4336> (дата обращения: 12.11.2009).

⁴ Медведев Д.А. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации ...

Поступила 18.11.09.

М. Э. РЯБОВА

ФОРМИРОВАНИЕ НОВЫХ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ: ДИАЛЕКТИКА ГЛОБАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО

Ключевые слова: центр; регион; самоидентификация; дуальная оппозиция; глобализация; пространство; локализм

Key words: centre; region; self-identification; dual opposition; globalisation; space; localism

В последнее время о реальности все чаще говорят как о фундаментальной глобализации, формирующейся в ходе всемирной интеграции. Рост межцивилизационной конкуренции и взаимодетерминированности обществ, на которые распадается население планеты, вышел на новый уровень, задал соответствующее качество переосмысления рождающихся и отмирающих ценностей, социальной стратификации.

С одной стороны, общественные отношения воспроизводятся деятельностью людей, реализующих исторически сложившуюся культурную программу, ее содержание, а с другой — этими отношениями, их деятельностным характером стимулируется потребность в самоидентификации, которая нуждается в конкретном раскрытии на примерах стран и цивилизаций. Применительно к российскому обществу всеобщность трансформаций связана с региональными изменениями, особенностями экономических, политических и духовных преобразований в различных субъектах РФ. Российские регионы по-разному справляются с этой задачей. Одни достаточно динамично развиваются, у других это развитие осуществляется фрагментарно, третьи имитируют его или стоят на месте. Актуализация этой проблематики в значительной степени вызвана формированием новой идентичности российских регионов, социально-философское

РЯБОВА Марина Эдуардовна, профессор кафедры методологии науки и прикладной социологии Мордовского государственного университета, доктор философских наук.

исследование которой предполагает вполне определенную цель, а именно: попытаться найти путь к осмыслению целостного образа России. В данном контексте несомненный теоретический и практический интерес представляет диалектика глобального (центра) и регионального (периферии), являющая собой сложную систему противоречий в процессе формирования адекватного самосознания у населения и власти. Значимость этого процесса определяется тем, что он предполагает не только измерение сознания, но и радикальное его реструктурирование.

Основной чертой взаимоотношений центра и периферии является дуальность глобального и регионального, раскрывающаяся по старой для российской истории оси координат: «центр — регион» и «регион — центр». Это означает, что в основу исследования анализируемой нами проблемы положена некоторая дуальная оппозиция части (регион) и целого (центр), позволяющая рассматривать полюса этой оппозиции через их диалектическое взаимопроникновение — взаимоотталкивание.

Привычный поиск соответствующего типа идентичности, создающего устойчивую и мало размываемую временем социальную активность человека, сопрягается с цивилизационной трактовкой форм ущемления социокультурной самобытности народов, восприятием этих фактов как составной части решения задач противостоящими им силами. Для современных российских регионов, где тесно переплетены общероссийские и региональные тенденции социокультурной трансформации, весьма важна проблема цивилизационной самоидентификации параметров бытия. Эта необходимость самоидентификации свидетельствует не столько о глобализации, сколько о проблемах и кризисах самоопределения, неспособности традиционного сознания преодолеть страх потерять свой суверенитет, подчиниться неизвестным, чуждым целям, ценностям и принципам. Этот страх становится актуальной проблемой в условиях модернизации мирового сообщества. Российская история свидетельствует, что такая ситуация при ее продолжительности вызывает дискомфортное состояние, которое повлечет за собой деструктивные, опасные для общества последствия.

Цивилизационная самоидентификация осуществляется по линиям взаимоотношений «человек — власть» и «гражда-

нин — государство». Фундаментальным индикатором идентификации является всеобщее изменение мышления исторических субъектов социокультурного процесса. Следовательно, всеобщее в регионе может быть эффективно только тогда, когда оно интегрировано в традиционную форму мышления субъектов регионального социума.

Категория «идентичность» включает в себя отождествление индивида со своими согражданами, представления об этом сообществе, ответственность за судьбу страны и сопутствующие этому чувства (гордость, обида, разочарование, пессимизм или энтузиазм и т. п.). Как свидетельствуют различные теории социальной идентификации, общество задает несколько уровней или типов идентичностей: региональную, локальную, этническую, где присутствуют когнитивные, эмоциональные и регулятивные элементы (готовность к действию во имя этих представлений и переживаний)¹.

За истекшие с 1991 г. восемнадцать лет существования новой России население пережило немало последствий распада СССР. Это взрыв этничности, национальные движения, суверенизация в республиках и сепаратизм регионов, укрепление вертикали власти и переосмысление демократизации, формирование новых слоев и стилей жизни, ценностей, ориентаций в экономических и социокультурных сферах. Такие масштабные трансформации не могли не отразиться на самосознании людей, их идентичности. В российскую науку введены разные понятия идентичности: гражданская, государственная, российская, региональная, республиканская. Но одно дело научный дискурс, и совсем другое — его преломление во мнении общества. Современная идентичность населения России представляет собой сложный конгломерат новой российской, региональной, локальной, этнокультурной, религиозной идентичностей. Все трансформации общества находят отражение в государственно-гражданской идентичности, поэтому по изменениям в ней судят о тенденциях в развитии социума. В то же время сама государственно-гражданская идентичность становится социальным ресурсом в общественном развитии. Здесь важен вопрос о векторе государственно-гражданской идентичности: модернизационном или традиционалистском (в смысле роста великодержавных настроений и этнического национализма как идеи преобладания этнических интересов над другими, в том числе

интересами личности, граждан). По данным института комплексных стратегических исследований РАН, 45,5 % жителей мегаполисов солидаризируются с российской идентичностью, 51,4 % жителей провинции ощущают себя россиянами «часто» (опрошены 68 % горожан и 59 % селян). За общероссийской идентичностью скрываются как минимум различия социально-политических ориентаций и установки «разных скоростей» модернизационного процесса. 85 % опрошенных считают себя гражданами новой России, 49 % в разной мере чувствуют себя советскими людьми. В большинстве регионов ими ощущают себя 15—26 % населения. Это в основном старшее поколение. Но уже немало и тех, кто ассоциирует себя с людьми, разделяющими европейские ценности (26 %). Самые высокие показатели респондентов, ощущающих себя гражданами России, оказались в Свердловской, Томской и Воронежской областях (около 90 %). Особо примечателен тот факт, что лишь 25 % жителей столицы России идентифицировали себя россиянами, а остальные москвичи чувствовали себя советскими людьми или не могли определиться со своей идентификацией². В связи с этим неудивительно, что противоречивость идентичности россиян в современных условиях достаточно кризисна. В ней соединены традиционалистские и модернизационные тренды. В пространственном плане регионы становятся значимым ресурсом корректировки социокультурных взаимодействий.

Особенность формирования системы взаимоотношений между центром и регионом состоит в том, что ее модель определяется решениями и действиями центральных органов власти по отношению к региону и инициативами региона. Соотношение между ними определяет динамику регионализации. Реакция региональных элит и сообществ на предлагаемые центром институциональные новации может быть различной. Возможны три типа реакции: ко-инновативный, когда новшества, вводимые центром, дополняются региональными инновациями; пассивный, когда региональная система меняется под воздействием центра, так как поток внутренних требований слаб; традиционалистский, когда поток внутренних интересов достаточно силен, чтобы противостоять внедрению инноваций.

Дифференциация регионов страны по многим показателям делает определяющую роль центра функциональной и

оправданной. Однако здесь усматривается явное противоречие: современный центр России стремится не только нормировать, но и унифицировать пространство, тогда как функциональное значение и политическая роль центра больше оправданы в разнообразном пространстве. Для управления стандартизированным однородным пространством вполне достаточно слабого центра. Для России с ее огромными пространствами и беспрецедентным разнообразием территорий в этническом, экономическом, социокультурном отношении проблема регулирования отношений части (региона) и целого (центра) является решающей.

Современные регионы стали своеобразными порядками жизни, жизненными мирами со своими особыми правилами и правами³, где четко прослеживается взаимосвязь между глобализацией и регионализацией. Поскольку государства современного мира различаются по масштабам и уровню социально-экономического развития, можно предположить, что результаты воздействия глобализации на отдельные страны не являются одинаковыми. Более того, в крупных странах тенденция глобализации вызывает неодинаковые последствия в различных регионах.

Возникает вопрос «Является ли регионализм „побочным продуктом“ глобализации, связанным с объективной неоднородностью экономического пространства в межстрановом измерении и в контексте государств, или это самостоятельное явление?». Ф. Фукуяма пишет: «Экономические силы ранее породили национализм, заменяя класс национальными барьерами, создавая централистское гомогенизированное в языковом плане сообщество. Те же самые экономические силы ведут к устранению национальных барьеров путем сотворения интегрированного мирового рынка»⁴. Эта позиция разделяется и рядом российских ученых, рассматривающих регионализацию как своего рода глобализацию в ограниченных масштабах⁵. Представляется, что однозначного ответа на вопрос о соотношении и взаимовлиянии процессов глобализации и регионализации нет. Прежде всего и глобализация, и регионализация имеют экономическое и политическое измерения. Унификация экономического пространства является содержанием не только глобализации, но не противоречит и современной регионализации. «Во-первых, в то время как старый локализм был „подчиненным“, новый является

результатом свободной воли и осознанного выбора; старый был „естественным и необходимым”, новый — добровольный и международный. Во-вторых, старый локализм стремился минимизировать контакты с внешней средой, держать свои границы прочно закрытыми, новый же стремится к установлению взаимоотношений с остальным миром»⁶.

Таким образом, перед нами сплошная «переполюсовка», когда в рациональное линейное пространство вводится варьирующая мерность, в результате чего «река» исторического времени «растекается» на несколько более или менее параллельных потоков, у каждого из которых могут быть собственные ритмы движения, и характер взаимосвязи между ними диалектический⁷.

Проблема ассимиляции русской культурой традиционных этнических культур на территории России и их самоидентификации существовала всегда. Крестьяне, расселяясь по территории Российской империи, не ставили своей задачей русификацию, однако «и следов не осталось от чуди, от вятичей, от мещеры, племена эти не истреблены, не вымерли как индейцы в Америке, а ассимилировались с русским населением. Эволюция совершалась постепенно, сама собой без лишней поспешности»⁸.

Каждый этнос обустроивает пространство вокруг себя, обживает и заселяет его, делает «своим». Формы поселений связаны с этнической психологией, сформированной условиями окружающей природной среды. Одним из этнических признаков коренных финно-угорских народов была неупорядоченная планировка селений вплоть до середины XIX в. Застройка «в подражание природе» свидетельствовала о вписанности поселений в природный мир, характерный для архаичных культур. Например, дерево для человека являлось таким же предком, как божество рода.

Воздействие глобализации на социокультурную самоидентификацию (например, Мордовии) может быть рассмотрено в аспекте влияния этого процесса на аксиосферу населяющих регион коренных финно-угорских народов. Устойчивость в наследовании этнокультурной традиции сложилась уже в первобытную эпоху, ее истоки восходят к верхнему палеолиту. Древнейший антропологический комплекс в регионе обладал специфическими чертами расового типа и был распространен в конкретном ареале, получившем название

прародины древних уральцев. Установлено, что это была культурная общность, языком которой являлся уральский праязык. Археологические материалы свидетельствуют, что во все последующие эпохи картина мира древних финно-угров усложнялась, дифференцировались ритуалы и обряды. Эколого-адаптивный элемент преобладал в культуре финно-угорских народов до XX в. Именно эта особенность способствовала закреплению черт традиционности в жизненном укладе, ценностных ориентирах и картине мира.

Тип этнокультурных контактов на протяжении тысячелетий отличается изменчивостью. Так, эпоха бронзы связана с мощными изменениями всех структур культуры финно-угорских племен. Одновременно это эпоха глубокого взаимодействия этнических массивов (финно-угорского и индоарийского), происходящего в лесостепной зоне, на периферии расселения автохтонов. Следует отметить значительный слой индо-иранских заимствований в культуре финно-угорского населения региона, восходящий к эпохе контакта двух этносов, что сохраняется в современном мордовском языке. Наиболее устойчивые этнокультурные контакты складывались в регионе в раннем Средневековье. Самое северное из исламских евразийских государств — Волжская Булгария — сложилось на полиэтнической и поликонфессиональной основе. Именно в этих условиях сформировалась региональная надэтническая целостность Мордовии.

В социокультурном плане Мордовию отличают ментальные модели идентичности индивидов, формирующиеся на разных основаниях, имеющих полярный характер («ужасно — прекрасно»). Такая дуальность неизбежно ведет к «дезорганизационному», по выражению А. С. Ахиезера, характеру развития, при котором полюса общественных ценностных дуальных оппозиций стремительно меняются местами⁹. Налицо предпосылка динамической неустойчивости. Неизбежны перепады возвратно-поступательного, зигзагообразного движения. Вероятен раскол в сообществе, так как разные части населения живут в разных модальностях. При таком виде социокультурной идентичности границы «мы — они» между различными группами людей обозначаются достаточно четко и пролегают в пределах региона. С распадом СССР и образованием РФ начался активный поиск новых форм самоидентификации, сосуществования

и взаимодействия регионов. Тенденция к идентификации с универсальной аксиосферой, как следствие, глобализации, размывает прежние границы и перемещает их на новую, более широкую почву. Результатом этого становится смещение в сознании индивидов акцентов при идентичности: сначала это может быть идентичность с российским государством, потом с другими странами. В то же время возможны и противоположные процессы: ослабление идентификации с российским государством в противовес усилению идентичности с «малой родиной».

Можно утверждать, что существенные трансформации идентичности коснулись всех уровней социальной структуры регионов. Вместе с тем сохраняется ряд прежних черт и признаков. Новые социокультурные ценности, отношения еще в должной мере в них не структурировались. Границы между ними носят аморфный характер, существуют промежуточные, переходные территории с неопределенным или противоречивым статусом, что требует отдельного самостоятельного рассмотрения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Weigert A., Teitge Y., Teitge D. Society and Identity: Toward a sociological psychology. Cambridge: Cambridge University Press, 1986. P. 22—26.

² См.: Российская идентичность в условиях трансформаций: аналит. доклад // Полис. 2008. № 2. С. 81—104.

³ См.: Каганский В.Л. Регионализация, регионализм, пострегионализм // Интеллектуальные и информационные ресурсы и структуры для регионального развития. М., 2002. С. 12—18.

⁴ Fukuyama F. The End of History and the Last Man. N. Y., 1997. P. 275.

⁵ См.: Долгов С.И. Глобализация экономики. Новое слово или новое явление. М., 1998. С. 13.

⁶ Zdravko M. Local Response to Global Change // The Annals of the American Academy of Political and Social Science: Local Governance Around the World // Spec. ed. by H. Teune. Sage. 1995. Vol. 540. P. 148.

⁷ См.: Копосов Н.Е. Как думают историки. М., 2001. С. 176.

⁸ Лурье С.В. Российская империя как этнокультурный феномен // Цивилизации и культуры. Вып. 1. Россия и Восток: цивилизационные отношения. М., 1994. С. 118.

⁹ См.: Ахиезер А.С. Труды. М.: Новый хронограф, 2006. 480 с.

Поступила 17.06.09.

И. В. БАХЛОВ,
О. П. БЕРЕЗИНА   **ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ ОПЫТ
КОНСТРУИРОВАНИЯ
ГОСУДАРСТВА С АВТОНОМНЫМИ
ОБРАЗОВАНИЯМИ КАК
ТИПА ФЕДЕРАЦИИ¹**

Ключевые слова: автономия; асимметричность; местное самоуправление; периферия; федерализм; федеративный проект; федерация

Key words: autonomy; asymmetry; local self-government; periphery; federalism; federative project; federation

В мировой теории и практике федерализма считается классическим тип договорной федерации, образованной как союз ранее независимых государств. В то же время имеются примеры федераций, возникших путем наделения значительным объемом прав в сфере самоуправления различных образований, бывших административно-территориальными единицами ранее унитарного государства. Теоретическое обоснование этого типа федерации отличается существенной спецификой и вызывает закономерный интерес, в том числе с позиции определения статуса автономных образований как субъектов Российской Федерации.

Опыт конструирования особого типа федерации (государства с автономными образованиями) характеризуется многочисленными наработками, присущими отечественной федеративной мысли. Один из первых отечественных проектов федерации на началах автономии сформулирован в «Конституции» Н. М. Муравьева. По мнению А. Н. Медушевского, Муравьев несколько изменил классическое понимание федерации. Анализируя американскую систему штатов, он пытался найти промежуточную форму между федерацией самостоятельных государств (конфедерацией) и системой автономных провинций². В главе IV второго варианта про-

---

БАХЛОВ Игорь Владимирович, заведующий кафедрой всеобщей истории и мирового политического процесса Мордовского государственного университета, доктор политических наук, доцент.

БЕРЕЗИНА Ольга Петровна, соискатель кафедры всеобщей истории и мирового политического процесса Мордовского государственного университета.

екта Н. М. Муравьев делит Россию «в законодательном и исполнительном отношениях» на тринадцать держав (Ботническую, Волховскую, Балтийскую, Западную, Днепровскую, Черноморскую, Кавказскую, Украинскую, Заволжскую, Камскую, Низовскую, Обийскую, Ленскую) и две области (Московскую и Донскую). В административном отношении державы делились на уезды (поветы), а уезды — на волости, причем в основу деления был положен принцип численности жителей «мужеского пола»³. Как справедливо замечает Г. Королева-Конопляная, это было не создание федерации договаривающихся государств, как в Северной Америке, а разделение государства на свободные автономные провинции. Муравьев не мыслил строить союзное государство на договоре отдельных национальностей, а исходил из единства поликонфессиональной и многоэтнической Российской империи, разделял ее на относительно равнозначные территории. Тем самым федеративный проект Н. М. Муравьева предполагал не федерацию самостоятельных наций, а разделение страны на естественные хозяйственные комплексы⁴.

Федеративное устройство предполагалось ввести Н. М. Муравьевым «сверху» конституционным путем децентрализации унитарной империи, что устранило договорное начало, инициативу «снизу», придающие прочность федеративному зданию. Представленный проект не решал проблему автономии бывших государственных образований в составе Российской империи (точнее, решал ее радикальным путем, устраняя саму идею автономии), что в условиях полиэтничности населения и развитых историко-культурных традиций государственности многих из них создавало основу для будущих конфликтов. Политико-территориальная организация сочеталась с сильной верховной исполнительной властью: наследственный император сохранял всю полноту власти в военной, внешнеполитической и финансовой сферах. Кроме того, положения проекта неоднократно перерабатывались, в том числе в плане федеративной организации государства, в направлении все большей централизации, так что в третьем варианте прежние вполне автономные «державы» с самостоятельной законодательной и исполнительной властью превращаются в подобие генерал-губернаторств, а их столицы становятся обычными центрами административного управления и судебных округов⁵.

В наибольшей степени обоснование автономии как принципа построения федеративного государства было характерно для оформившегося в середине XIX в. течения в федеративной мысли Российской империи, которое условно можно назвать сепаративным (автономистским). Его представители исходили из признания самобытности и необходимости самостоятельного развития регионов Российской империи на основе широкого предоставления самоуправления, причем приоритет отдавался автономизации отдельных регионов (Украина, Сибирь). Однако задачи и методы автономизации понимались по-разному: украинское направление исходило из предоставления национально-культурной автономии и самобытного развития украинского языка и культуры, тогда как сибирские областники задачу автономизации видели преимущественно в повышении социально-экономической самостоятельности Сибири путем ликвидации признаков ее колониального состояния.

Так, Н. И. Костомаров считал, что в России федеративное устройство в сочетании с разумными государственными и гражданскими понятиями должно было гарантировать свободу от самодержавного и сословного произвола, права народов, веротерпимость. Отмечая «кровную» и «глубокую неразрывную духовную связь» великорусского и малорусского (южнорусского) народов, которая «никогда не допустит их до нарушения политического и общественного единства», а также самостоятельность украинского языка и литературы, он считал необходимым предоставление Украине культурно-национальной автономии⁶. В понимании М. П. Драгоманова федерализм — это административная децентрализация, широкое общественное самоуправление, основанное на исторических традициях и культуре каждого народа и каждой области. Подлинное равноправие и сотрудничество народов Российской империи возможно лишь путем создания федеративного государства с учетом национально-культурной автономии. Драгоманов подчеркивал, что возможным средством продвижения к федерации является административный децентрализм — законодательное оформление автономии мест: департаментов, уездов, городов и сел⁷.

По мнению Н. М. Ядринцева, прогресс связан не с централизацией, а с дифференциацией жизни целого, обособлением функций, самобытным самосовершенствованием каждой ча-

сти. Провинциям должна быть предоставлена бóльшая самостоятельность, что позволит им решать «местные вопросы», обеспечит их развитие и тем самым послужит благу всего государства⁸. Основной идеей Г. Н. Потанина является рост значения и роли земских органов Сибири как механизма самоуправления и саморазвития края⁹.

Реконструкция Российской империи на началах автономии намечалась в проектах, разрабатываемых органами, созданными Временным правительством, прежде всего Юридического совещания, образованного 22 марта 1917 г. для дачи «предварительных юридических заключений на мероприятия Временного правительства», под председательством известного юриста, представителя кадетов Ф. Ф. Кокошкина.

Как отмечает А. Н. Медушевский, в своих построениях Кокошкин исходил из концепции государства как юридического лица, которая была важна для сочетания принципов федерализма и унитаризма, позволяя сочетать автономию и единство государства как политического образования. Государство создает право, применяет его и выступает судьей в случае конфликта. Преодолеть это противоречие возможно только при таком толковании принципа разделения властей, когда государство попеременно выступает в разных функциях. С другой стороны, эта правовая конструкция предполагала наличие договорных отношений центрального правительства и федеративных образований, основанных на признании взаимных прав и обязанностей, что давало возможность обоснования автономных прав национальных образований¹⁰.

Мнение Ф. Ф. Кокошкина по проблемам автономии и федерализма, выраженное им в работе «Областная автономия и единство России» (1905), было скорректировано в работе «Автономия и федерация» (1917). Его основной тезис — автономия не только не противоречит единству государства, а укрепляет его. Понятие автономии не несет смысла национального самоопределения. Оно означает лишь предоставление государством функций самоуправления отдельным регионам, деятельность которых определяется общегосударственным законодательством. Наряду с понятием автономии как административной децентрализации Кокошкин ввел понятие областной автономии как законодательной децентрализации. Областная автономия предполагает доведение принципа

децентрализации до высшей степени — предоставления отдельным частям государства (автономной области или краю) возможности иметь свои законодательные собрания, обладающие правом совместно с центральной властью издавать местные законы. А. Н. Медушевский считает, что реализация этой модели не означала наделения автономных областей государственным суверенитетом, а предполагала наделение их частичной политической самостоятельностью в рамках единого государства. Кроме того, принцип областной автономии распространялся не на все, а лишь на некоторые части государства, подготовленные к этому исторически и культурно (Польша и Финляндия). Понятие федерации определялось Ф. Ф. Кокошкиным как государственно-правовой союз — сложное государство, элементы которого подчиняются власти единого федерального центра¹¹.

С опорой на эту концепцию в проекте будущей Конституции России, разработанной Особой комиссией, закладывалось решение территориальной проблемы путем предоставления регионам прав областной автономии. Так, в предварительном проекте статей Основных законов по вопросу об автономии (федерации) отмечалось: «Государство Российское едино и нераздельно»; «В составе Государства Российского Финляндия пользуется самостоятельностью на основаниях и в пределах, установленных законом о взаимоотношениях России и Финляндии, принятым Учредительным собранием...»; «В Государстве Российском будет введена областная автономия...»; «Законы, изданные областными властями, не имеют обязательной силы, если противоречат законам, изданным центральной государственной властью...»¹². Создание проектов федерализации Российского государства на началах автономии продолжалось в первой половине XX в. многими учеными, находящимися в эмиграции.

Конструируя будущее устройство России, И. А. Ильин пришел к мысли, что государственный строй новой России должен быть по форме унитарным, а по духу федеративным. По его мнению, единство державы и центральной власти не может зависеть от согласия многих отдельных самостоятельных государств (областных или национальных), так как «это развалит Россию», но единая и сильная центральная власть должна выделить сферы областной и национальной самостоятельности и насытить всенародное единение духом братской

солидарности. Однако сильная власть не должна привести в России к формам централизации и бюрократизма. Русское государство должно быть единым, но дифференцированным: оно должно иметь сильный центр, децентрализующий все, что возможно децентрализовать без опасности для единства России. Поэтому все государственные дела необходимо разделить на две категории: центрально-всероссийские, верховные, и местно-автономные, низовые. К первым должны относиться «все дела общегосударственные, единые для всех, субстанциальные для России, как великой державы», а ко вторым — все остальные¹³. Рассматривая концепцию И. А. Ильина, можно отметить, что им используется формула автономизации российских регионов, причем он допускал возможность областной и национальной автономии.

Еще один русский философ-эмигрант Г. П. Федотов в 1920—1940-х гг. написал серию статей, в которых разработал своеобразную концепцию «культурно-творческого созидания» России, основанную на признании необходимости совместной работы всех населяющих ее народов для возрождения Российского государства. Он считал, что создание гибких и твердых юридических форм, которые выразили бы единство и полиэтничность России, является трудной, но вполне разрешимой задачей. Одной из ее объективных трудностей является существенная дифференциация культурного развития народов России, которая не допускает равенства их политических состояний. В этом факте, подчеркивает философ, «должны найти свое ограничение все доктринерские попытки построения России как законченной и симметричной федерации (конфедерации). В державе Российской мыслимы все оттенки взаимоотношений, начиная от областного самоуправления, национальной автономии, кончая чисто федеративной связью». Несомненным для него является то, что «двух или трехвековая эра бюрократического централизма миновала»¹⁴, что заставляет сочетать различные формы децентрализованных отношений между центром и периферией. Таким образом, Г. П. Федотов считал федерализм способом сохранения России как объединения народов бывшей Российской империи вокруг русского народа и Великороссии как ядра этого государства, для чего имелись экономические, политические и культурные предпосылки. При этом он выступал за асимметричность отношений между центром и

периферией, так как признавал неосуществимость создания в России симметричной федерации.

Интересную концепцию устройства федеративного государства предложили участники евразийского движения. Их исходной посылкой в этом смысле можно считать высказывание о том, что «...федеративное устройство не только внешне отмечает многочленность евразийской культуры, вместе с тем сохраняет ее единство. Оно способствует развитию и расцвету отдельных национально-культурных областей...»¹⁵.

Теоретический компонент федеративной концепции евразийцев в наибольшей степени проработан в трудах Н. Н. Алексеева. Он считал, что «будущая Россия не может быть построена иначе, как на началах широкой автономии входящих в ее состав земель и народов». При этом Н. Н. Алексеев подчеркивал, что построение России на началах автономизма является старой русской проблемой, которой занимались и русское правительство (например, во время Александра I), и русское общественное движение, начиная с декабристов. Следовательно, проводя принцип самоопределения национальностей и организуя новое областное деление России, «советская политика, в сущности говоря, проводит не марксизм, но осуществляет старинные задания русского общественного мнения». В связи с этим Н. Н. Алексеев предлагает свою концепцию территориального устройства России, отмечая, правда, что «нынешнюю перестроенную Россию придется сначала принять как факт, а потом уже постепенно проводить в ней необходимые исправления». При таких исправлениях, на его взгляд, надо иметь в виду те части России, которые пережили период собственного, самостоятельного государственного существования (Украина, Кавказские республики и т. д.); те части России, из которых большевики искусственно образовали самостоятельные национальные республики; новые территориально-административные единицы, возникшие в процессе перерайонирования России. Первые должны остаться в качестве самостоятельных земель, входящих в российское целое на началах широкой автономии и, может быть, федерализма. Вторые как чисто тепличный продукт или умрут естественной смертью, или подвергнутся новому районированию. Что касается третьих, то они должны быть приняты каждым будущим правительством и положены в основу будущего Российского государства. Таким

образом, заключает Н. Н. Алексеев, «районирование России по принципу больших единств хозяйственно-географических (областей) является крупнейшей задачей русской политики, тот, кто успешно решит эту задачу, будет владеть судьбами будущей России»¹⁶.

Таким образом, евразийцы признавали неизбежность сохранения советской модели федерализма, основанной на признании национальной автономии, с незначительным пересмотром числа и характера автономий. Реформирование советского федерализма евразийцы связывали с обеспечением государственности русского народа, выступающего центром всей государственной системы. В качестве важнейшей основы территориальной организации они предлагали хозяйственно-географический принцип, учитывающий специфику географического расположения и экономических связей субъектов федерации.

В революционный период 1917 г. многие политические силы активно использовали идею автономии. М. Ферро отмечает, что традиционно областническая партия эсеров к 1914 г. уже не имела четко сформулированной позиции по национальному вопросу. Число сторонников экстерриториальной культурной автономии уравновешивало число сторонников федерализма; защитники безусловного права на самоопределение противостояли тем, кто это право отрицал, считая, что оно вредит интересам России или революции. После Февральской революции ситуация не изменилась. Судя по решениям, принятым эсерами на майском съезде 1917 г., меньшинства должны были получить личную экстерриториальную автономию и лишь Польша — полную независимость¹⁷.

Накануне Первой мировой войны меньшевики подтвердили свое признание права наций на самоопределение и под давлением Бунда и других партий включили требование национально-культурной автономии в свою национальную программу. В период революции их точка зрения по этому вопросу была выражена на Съезде Советов в середине июня 1917 г., когда их представитель В. С. Войтинский потребовал, чтобы съезд принял «общий принцип признания за каждой нацией права широкой автономии». Однако меньшевики возражали против любой попытки отдельно регулировать национальный вопрос, поскольку лишь Учредительное Собрание может это сделать¹⁸.

Собравшееся 5 января 1918 г. Учредительное собрание смогло принять лишь название государства, в котором закреплялся термин «федеративная» — «Российская Демократическая Федеративная Республика». Ввиду сильных противоречий между различными политическими группами и решения большевиков, реально захвативших власть в стране (по крайней мере, в центре), Декретом ВЦИК от 6 января 1918 г. «О роспуске Учредительного собрания» его деятельность была прекращена¹⁹. Тем самым вариант постепенной трансформации России в федеративное государство путем расширения областной автономии регионов оказался нереализованным. В дальнейшем большевики активно использовали принцип автономии в государственно-территориальном строительстве, а идея государства с автономными образованиями как особого типа федерации стала центральной в теории советского федерализма.

Таким образом, в рассмотренных концепциях определяющее место среди инструментов федерализации занимает автономия как основной способ децентрализации унитарного государства. Авторы предлагали автономию, основанную на различных принципах: национально-культурном, национально-территориальном, территориальном или областном, экономико-географическом. Характерно, что и Н. М. Муравьев, первоначально выдвинувший идею создания федеративного государства по типу Соединенных Штатов, в дальнейшем свел права субъектов лишь к сравнительно небольшой автономии. Многие авторы федеративных проектов выступали за необходимость развития асимметричных отношений между центром и регионами. Лишь в тех концепциях, которые опирались на территориальный принцип, признавалась симметричность прав субъектов (хотя и в этом случае асимметрия сохранялась в скрытой форме — неравномерное представительство держав и областей в верхней палате, особые права Польши и Финляндии). Явная асимметричность вероятных субъектов Федерации чаще всего связывалась с национальным принципом. Многие концепции отмечают самобытность, уникальность исторических условий и объективных обстоятельств развития федеративных отношений в России, в том числе особый характер развития местного самоуправления, древнерусское происхождение федеративного начала, исключительную роль центра и слабость

периферии. Отсюда — возможность федерализации лишь путем предоставления автономии и слабая вероятность договорных отношений.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Статья выполнена в рамках АВЦП «Развитие научного потенциала высшей школы» (2009—2010 годы). «Внутри- и внешнеполитические факторы эволюции территориальной организации России (специфика разрешения кризисных переходных ситуаций)» (проект № 2.1.3/1134).

² См.: Медушевский А.Н. Демократия и авторитаризм: российский конституционализм в сравнительной перспективе. М., 1997. С. 323.

³ См.: Муравьев Н.М. Конституция // Избранные социально-политические и философские произведения декабристов: в 3 т. М., 1951. Т. I. С. 304—305.

⁴ См.: Королева-Конопляная Г. Идея федерализма в политических программах декабристов и анархистов // Федерализм. 2002. № 1. С. 186.

⁵ См.: Федерализм: энцикл. М., 2000. С. 142.

⁶ См.: Пинчук А.А. Исторические взгляды Костомарова. Киев: Наукова думка, 1984. 190 с.; Федерализм: энцикл. С. 261—262.

⁷ См.: Гаевская Л. Концепция национального возрождения в концепции М. Драгоманова // Радуга. 1992. № 3/4. С. 111—118; Федерализм: энцикл. слов. М., 1997. С. 72—73; Федерализм: энцикл. С. 166—167.

⁸ См.: Шиловский М.В. Общественно-политическое движение Сибири второй половины 19-го — начала 20-го века. Новосибирск, 1995. 88 с.; Федерализм: энцикл. С. 630—631.

⁹ См.: Коваль С.Ф. Г.Н. Потанин — общественный и политический деятель // Письма Г.Н. Потанина: в 3 т. Иркутск, 1987. Т. 1. С. 10—35; Федерализм: энцикл. С. 399—400.

¹⁰ См.: Медушевский А.Н. Демократия и авторитаризм ... С. 437.

¹¹ Там же. С. 438—439.

¹² См.: Смыкалин А.С. Этапы конституционного строительства в дореволюционной России // Государство и право. 2004. № 3. С. 83.

¹³ См.: Ильин И.А. Наши задачи. Историческая судьба и будущее России. Статьи 1948—1954 годов: в 2 т. М., 1992. Т. 1. С. 321.

¹⁴ См.: Федотов Г.П. Судьба и грехи России (избранные статьи по философии русской истории и культуры): в 2 т. СПб., 1991. Т. 1. С. 244—252.

¹⁵ Евразийство (опыт систематического изложения) // Мир России — Евразия: антол. / сост. Л.И. Новикова, И.Н. Сиземская. М., 1995. С. 273—274.

¹⁶ Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. М., 1998. С. 368—371.

¹⁷ См.: Ферро М. Война, революция, империя: временное правительство и проблема национальностей // Ab Imperio. 2001. № 4. С. 327, 342—343.

¹⁸ Там же. С. 327—328, 343—344.

¹⁹ См.: Смыкалин А.С. Этапы конституционного строительства ... С. 84.

Поступила 17.03.09.

Е. В. ГОЛОВАЦКИЙ

РЕСУРСНОЕ ОСНАЩЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ НОВАЦИЙ: РЕГИОНАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Ключевые слова: политические новации; ресурсы; регион; социологическое исследование; использование ресурсов

Key words: political novelties; resources; region; sociological research; resource exploitation

Проблемы новизны в обществе занимали внимание широкого круга общественности и ученых. Уже несколько десятилетий разрабатываются различные подходы к изучению нововведений, их типологических характеристик; социальной направленности; ресурсному оснащению. Процессы освоения политических нововведений сопровождаются ресурсным оснащением, исходя из трех источников: самостоятельного пакета ресурсов; запасов, используемых при освоении новаций на конкретных территориях; модификации мобилизованных и заимствованных местных ресурсов.

В Кемеровском государственном университете кафедрой социологических наук на протяжении 15 лет изучаются проблемы оснащения и ресурсного сопровождения процессов социально-политического взаимодействия. У жителей Кузбасса уточнялись индивидуально-личностные политические ресурсы, персональные предпочтения респондентов в рейтинговой оценке первых лиц региона, выявлялись основания доверия к власти, местные инициативы, возможности самоорганизации (1995, 1997, 2003, 2006—2009 гг.).

Исследования 2006—2009 гг. выявили специфику процессов освоения новаций в регионе. Направляющая, базовая часть инновационных проектов формируется и регулируется властной инициативой сверху. Успешность освоения ново-

ГОЛОВАЦКИЙ Евгений Васильевич, доцент кафедры социологических наук Кемеровского государственного университета, кандидат социологических наук.

введения в обществе во многом определяется региональной спецификой, территорией освоения нового: проявления инициативы населения, предлагающего проекты глубокой коррекции; межрегиональное заимствование; частные инициативы на местах; копирование эффективных проектов и технологий даже в поверхностной, атрибутивной форме.

Ресурсное сопровождение политических нововведений представляет собой процесс, где в распоряжении сторон, имеющих отношение к нововведениям, находятся насыщенные ресурсами пространства, а также отдельные со скудными ресурсами территории. Сложившиеся в регионе социальные связи и отношения, самобытный образ жизни, маргинальные механизмы социокультурных взаимодействий могут вызывать напряженность в процессе освоения нововведений на локализованных территориях. Это относится и к политическим нововведениям. Еще не реализованные механизмы и отношения по поводу политических нововведений находят некое пространственно-временное закрепление и приобретают различные формы ресурсного оснащения.

В современных исследованиях отмечается существенная, а зачастую доминирующая роль информационных ресурсов¹. Иногда инновационные проекты, находясь на стадии проверки, получают значительную информационную поддержку «авансом» в залог будущей работоспособности и пригодности. Региональные СМИ, как правило, осуществляют своеобразное «отзеркаливание» основной содержательной части новых проектов с акцентом на региональные перспективы.

Использование и освоение нововведений мы связываем со спецификой региональных расстояний, практикой использования собственных (местных) возможностей, социальными трансфертами и заимствованиями. Инициаторы нововведений имеют возможность выбирать источники ресурсного оснащения: спонсорская поддержка, собственные возможности и ресурсы, кооперируемые средства, заимствуемые, комбинируемые (свои-местные, свои-«чужие»-местные и др.), ресурсы в качестве трансфертов на территорию или под обеспечение реализации проекта. Формирование запасов ресурсов на территории также не рассматривается в качестве однонаправленного процесса. Возможны выбор и комбинации, тандемные блоки ресурсов, исключения и пр. С точки зрения результативности используемых ресурсов

для нововведений можно учитывать роль инициативных проектов и возможности самоорганизации населения на местах. В социологии это направление получило широкое развитие, в частности, в рамках социологии организаций, социологии территорий (города и деревни), социологии повседневной жизни и т. д.

Ресурсы обеспечения нововведений формируются с учетом масштаба территории и основных ее социально-демографических показателей. Однако в условиях активного продвижения нововведений либо в условиях нестабильности может осуществляться дополнительная концентрация ресурсов. Это «проблемное поле» может вмещать значительное количество дополнительных средств и субъектов взаимодействия, призванных своим действием или бездействием содействовать достижению определенной цели. Примером этого являются забастовки шахтеров в Кузбассе (1990-е гг.), которые вместе с «бездействующими» железнодорожниками и молчаливо демонстрирующими социальную незащищенность госбюджетниками показали возможности совместного использования социальных, экономических и политических ресурсов в регионе.

Ресурсы в регионе формируются с учетом наличных возможностей. Для инициаторов нововведений часть ресурсов территории всегда является закрытой или используемой ограниченно, так как сложно учитывать многообразие интересов и устремлений местного населения. Для более качественной диагностики готовности к нововведениям особое значение имеют показатель времени, адаптивные возможности населения и готовность новаторов учитывать эти параметры. В Кузбассе весьма эмоционально воспринимаются индивидуально-личностный компонент взаимодействия, общинность, персонификация ролей.

Следует иметь в виду, что результаты нововведений не всегда совпадают с декларируемыми целями. «Внешние проявления проблем общественных изменений состоят в том, что современные научные, проектно-программные и управленческие подходы не применимы к решению задачи осуществления целенаправленных и осмысленных изменений общественного устройства. Именно поэтому проекты и планы осуществления изменений, как правило, приводят к другому, нежели планировалось, результату»².

Важными остаются проблемы соблюдения интересов населения региона, снижения уровня социальной напряженности. В связи с этим научно и практически значимыми становятся социологические исследования ресурсного оснащения регионов.

Кафедрой социологических наук Кемеровского государственного университета в мае—июне 2009 г. проводился очередной мониторинговый замер «Кузбасс как место жительства». Объем выборки составил 1 010 чел. Оценивалось отношение населения к изменениям, происходящим в регионе, а также диагностировались ожидания и будущие угрозы. Результаты исследования показывают присутствие устойчивого интереса населения к социально-политическим событиям международного, федерального и регионального масштабов. Среди известных политических деятелей респонденты выделяют фигуры В. В. Путина, А. Г. Тулеева и Д. А. Медведева. Вторую группу составляют известные государственные и политические деятели (С. Б. Иванов, В. В. Жириновский, С. М. Миронов, С. К. Шойгу и др.). Региональный политический истеблишмент практически не персонифицируется, при этом отмечаются пожелания и требования населения к региональной власти. В ответах респондентов проявляются скорее опасения по поводу своего будущего, чем призывы к активным и тем более асоциальным действиям.

Источниками политической информации для опрошенных главным образом являются телевидение, печатные СМИ (преимущественно центральные издания), а также публичные выступления. Свыше 90 % респондентов не состоят ни в одной политической партии и при этом в ближайшее время не планируют в них вступать. В отношениях с властью респонденты в большинстве случаев выбирают тактику «не вмешиваться в дела властей».

Изучив и проанализировав результаты исследования, мы пришли к выводу о необходимости сопровождения мобильной части политических ресурсов в регионе. Насыщенность нововведений вопросами местной проблематики может являться необходимым условием для успешного освоения политических нововведений на территории. Анализ конкретных ситуаций, их детализация позволяют избегать значительных расходов местных ресурсов, способствуют созданию инновационных проектов «под ключ».

Ресурсное оснащение политических нововведений — процесс необходимый, но зависимый от ряда региональных особенностей, которые, на наш взгляд, рациональнее учитывать инициаторам нововведений, чем избегать и активизировать дополнительные запасы, особенно применительно к сложившимся кризисным явлениям в мировом сообществе.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Ионин Л.Г. Социология в обществе знаний: от эпохи модерна к информационному обществу. М.: Издат. дом ГУ ВШЭ, 2007. 431 с.

² Попов С.В. Методологически организованная экспертиза как способ инициации общественных изменений // Этюды по социоинженерии: от утопии к организации / под ред. В.М. Розина. М.: Эдиториал УРСС, 2002. С. 45—62.

Поступила 14.07.09.

О. В. БАХЛОВА

МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО КАК ФАКТОР РОССИЙСКО-БЕЛОРУССКОЙ ИНТЕГРАЦИИ¹

Ключевые слова: интеграция; регион; сотрудничество; Союзное государство; субъект Федерации; территория; товарооборот

Key words: integration; region; co-operation; Union State; constituent entity of Federation; territory; sales volume

В теории и практике интеграционных процессов регион рассматривается, во-первых, как пространство, в пределах которого осуществляется интеграция, во-вторых, как уровень системы власти и управления в интеграционном объединении, в-третьих, как участник горизонтальных коммуникаций, наконец, как объект воздействия интеграционных органов и институтов. В любом случае следует учитывать плюралистичность интеграционного взаимодействия с множеством акторов, интересов, форм и каналов их продвижения и реализации. Регионы (субъекты федеративных государств и административно-территориальные образования унитарных государств) в данном случае являются агентами или проводниками интересов своих стран, или «полюсами роста», способными сыграть роль субъектов развития в рамках интеграционного процесса.

Европейский опыт межрегионального сотрудничества, вклад в который вносит и Российская Федерация, принимая участие в Партнерстве окружающей среды (ПОССИ) в рамках «Северного измерения» ЕС, Европейской рамочной конвенции о трансграничном сотрудничестве Совета Европы (1980 г.) и др., может быть применен ею в процессе формирования и реализации интеграционной политики на

¹ БАХЛОВА Ольга Владимировна, профессор кафедры всеобщей истории и мирового политического процесса Мордовского государственного университета, доктор политических наук.

пространстве СНГ. На постсоветском пространстве взаимодействие регионов актуально в плане создания необходимой материальной и коммуникативной базы, «новой лояльности» и позитивного взаимного восприятия, в том числе на наиболее проблемных направлениях (отношениях с Грузией и Украиной в том числе); образования так называемой «концентрированной конвергенции». Речь идет о совершенствовании международной деятельности субъектов РФ. Внимание этому вопросу уделяется на разных уровнях. Так, в Рекомендациях Международной конференции «Международные и внешнеэкономические связи субъектов Российской Федерации» с участием представителей федеральных, региональных и местных органов власти, неправительственных организаций, научных и деловых кругов ЦФО, зарубежных регионов, экспертов Совета Европы, прошедшей в Ярославле в 2005 г., отмечается важная роль межрегионального сотрудничества в расширении внешнеэкономических и международных связей государства, хозяйственном развитии субъектов; признается желательность активизации различных его форм. Важное место в итоговом документе конференции занимают предложения о постепенном переходе к долгосрочному региональному сотрудничеству со странами СНГ на основе определения приоритетных направлений сотрудничества; подготовки и реализации крупных совместных проектов сотрудничества с участием субъектов РФ и межрегиональных ассоциаций экономического взаимодействия; стимулирования производственной кооперации; создания финансово-промышленных групп, совместных предприятий и корпораций, торговых домов; увеличения экспорта услуг; развития обменов в области культуры, образования, здравоохранения, туризма и отдыха; поддержки деятельности национально-культурных автономий и объединений соотечественников; создания представительств регионов в странах СНГ и представительств стран СНГ в субъектах РФ во взаимодействии с МИД России; оказания государственной поддержки межрегиональным проектам, направленным на экономическое развитие регионов РФ².

На современном этапе межрегиональные связи российской стороной официально трактуются как фактор противодействия кризисным явлениям в контексте не только совместных действий по нейтрализации кризиса, но и создания новых

институтов и механизмов развития. По мнению Президента РФ Д. А. Медведева, межрегиональное взаимодействие необходимо превратить в «инструмент долгосрочной политики на пространстве СНГ». Вместе с тем Президент РФ указывает на необходимость совершенствования законодательства, регулирующего внешние связи регионов, в направлении создания правовой базы для продуктивного взаимодействия с партнерами, а также решения проблемы практической реализации заключенных с ними соглашений и договорной дисциплины, расширения границ доступа на рынки товаров, услуг и капиталов, содействия созданию новых ниш³.

Российско-белорусские отношения в этом смысле являются своеобразной экспериментальной моделью для пространства СНГ. Межрегиональное сотрудничество за прошедшие 10 лет с момента подписания двумя странами первых интеграционных соглашений трансформировалось в одну из несущих конструкций процесса союзного строительства, корреспондируясь с тенденциями развития российского и белорусского политического процесса, а также формирования модели «нового российского федерализма». Преодоление сепаратистских настроений субъектов РФ и их политических элит к началу 2000-х гг., устранение противоречий в правовом поле международной деятельности регионов позволили обеспечить большую упорядоченность и предсказуемость на рассматриваемом уровне российско-белорусских отношений. Можно заметить, что подписание в 1999 г. Договора о создании Союзного государства сначала встретило негативную реакцию глав нескольких республик, претендующих на особое положение в составе РФ, подвергших эту акцию критике за поспешность, конъюнктурность и заявивших о желании повысить статус своих субъектов в случае объединения РФ и РБ. Официальная позиция руководства России, озвученная В. В. Путиным в ходе ратификации Договора в Государственной Думе РФ, заключалась в том, что субъекты РФ выиграют от объединения как экономически, так и политически. Действительно, активизация интеграционного взаимодействия положительно повлияла на динамику торгово-экономического межрегионального сотрудничества РФ и РБ: в 1996 г. 37 субъектов РФ имели связи с РБ, в 1999 г. — 79⁴.

Белорусская сторона также придает большое значение развитию межрегионального сотрудничества. Согласно Зако-

ну РБ от 14 ноября 2005 г., трансграничное сотрудничество является одним из основных направлений внешней политики страны. Закон предусматривает различные формы сотрудничества: взаимодействие с иностранными государствами на региональном и местном уровнях для оперативного решения приграничных проблем, привлечения иностранных инвестиций для совершенствования приграничной и транспортной инфраструктуры, создания коммерческих организаций с иностранными инвестициями; разработка и реализация региональных проектов технического содействия, финансируемых международными организациями и программами в области экономики, территориального планирования, предпринимательства, инфраструктуры, информации, охраны окружающей среды, образования, культуры, туризма и спорта. Особое внимание в связи с геополитическим положением РБ уделяется европейской составляющей трансграничного сотрудничества. Предполагается поощрение еврорегионов как формы приграничного сотрудничества в целях сглаживания различий в уровнях социально-экономического развития территорий, развития приграничной инфраструктуры, совместного решения проблем в сфере охраны природы, преодоления дисбаланса в вопросах занятости населения, культурных и языковых барьеров (в частности, это еврорегионы «Неман» и «Озерный край»)⁵.

Белоруссия вовлекается в европейское трансграничное сотрудничество и в процессе реализации Евросоюзом концепции «Большая Европа — соседство: новый подход к взаимоотношениям с нашими восточными и южными соседями» (2003 г.) и стратегии «Европейская политика соседства» (2004 г.). Она принимает участие в трех программах добрососедства («Польша — Беларусь — Украина», «Латвия — Литва — Беларусь», «Регион Балтийского моря»). Наиболее активны в этой сфере Брестская, Витебская, Гродненская и Минская области. По объемам привлеченных ресурсов лидирует Гродненская область (1 994 000 евро, или 33 % всех привлеченных средств). Показательно, что среди целей названных программ присутствуют и интеграционные. Так, программа «Польша — Беларусь — Украина» направлена на повышение уровня жизни и общественно-экономической интеграции соседствующих регионов, программа «Регион Балтийского моря» — на достижение более

высокого уровня интеграции в регионе и формирование устойчивого и стабильного региона Европы. Их подприоритетами называются поддержка интегрированного развития приграничных территорий, островов и других территорий; создание устойчивых структур коммуникаций для роста региональной интеграции⁶.

Таким образом, европейское направление трансграничного сотрудничества необходимо учитывать в интеграционных приоритетах Белоруссии, которые могут значительно измениться под воздействием колебаний в российско-белорусских отношениях. Можно рассматривать его как дополнительный тактический ресурс во взаимодействии с европейскими организациями и государствами, с одной стороны, и с РФ — с другой, позволяющий Белоруссии более успешно формировать ситуацию альтернативного выбора в условиях диверсификации внешней политики. Некоторые белорусские авторы указывают на опосредованную «поддержку» Россией европейской альтернативы, считая, что межрегиональная модель контактов между РБ и ЕС уже отработана во взаимодействии с Россией, а также с Украиной, Латвией, Литвой и Польшей и может сравнительно быстро быть адаптирована под европейское направление⁷. Ограничителем для РБ на европейском направлении можно признать «демократический» фактор, так как условия привлечения стран (регионов) к участию в программах добрососедства ЕС предполагают зависимость от достигаемого успеха в той или иной области и особенно соответствие критериям. Для РБ главным является требование провести в стране демократические парламентские и президентские выборы. Именно межрегиональное сотрудничество с РФ обеспечивает РБ абсолютно большую часть внешнеторгового оборота, что осознает руководство страны. Так, Президент РБ А. Лукашенко, выступая на открытии Первого Белорусско-Российского экономического форума (Минск, 2005 г.), выразил убежденность в том, что успешное развитие экономического сотрудничества белорусских и российских городов, регионов и предприятий «может явиться важным ускорителем интеграции на уровне государств»⁸.

Для России межрегиональные связи с Белоруссией имеют европейский подтекст. На европейском направлении для нее наиболее значимы Балтийский и Белорусский коридо-

ры. Ввиду либерального торгового режима с Белоруссией и поступательного развития двусторонних отношений и, напротив, сложностей в отношениях со странами Балтии Беларусь будет сохранять важное транзитное геоэкономическое значение для России.

На современном этапе договорно-правовую базу российско-белорусского сотрудничества на региональном уровне составляют около 200 соглашений: межправительственные соглашения и протоколы о сотрудничестве; соглашения специального характера — о сотрудничестве между торгово-промышленными палатами (ТПП), научными центрами, предприятиями и т. п.; программы сотрудничества (Калининградской области РФ и РБ на 2006—2010 гг. и т. д.); документы, закрепляющие намерение развивать сотрудничество на уровне городов.

Имеют постоянные торговые отношения с РБ 70 субъектов РФ, а в кооперационные связи с белорусскими предприятиями вовлечены предприятия из 80 регионов РФ. Главными детерминантами сотрудничества являются геополитическое расположение того или иного региона, его экономические возможности и взаимодополняемость российских и белорусских предприятий. Лидерами экономического взаимодействия с РБ являются Москва, Санкт-Петербург, Московская, Тюменская и Смоленская области. Для всех регионов Белоруссии главными партнерами по внешнеэкономическим связям являются субъекты РФ, на 10 из них приходится около 80 % товарооборота РБ и РФ. В целом отмечается «московская ориентация» белорусского экспорта: доля Москвы составляет более 40 % (около 6 млрд долл.) его общего объема⁹.

Разветвленной является организационная база межрегионального сотрудничества РФ и РБ. Отделения посольства РБ открыты в таких городах, как Нижний Новгород, Калининград, Хабаровск, Казань, Смоленск, Екатеринбург. В Белоруссии имеются представительства ряда субъектов РФ (Калининградская, Нижегородская, Читинская, Ярославская области, Республика Дагестан, Алтайский и Краснодарский края и др.), представительства торгово-промышленных палат. Действуют более 10 двусторонних советов и комиссий по сотрудничеству между Правительством РБ и администрациями ряда регионов России. Существуют также представительства

Постоянного Комитета Союзного государства в некоторых федеральных округах (Северо-Западный, Южный).

Наиболее распространенными формами сотрудничества являются проведение Национальных выставок достижений Беларуси, выставок-ярмарок; создание торговых домов и торговых представительств; организация конференций, дней делового сотрудничества, экономических миссий, бизнес-тура представителей белорусских предприятий, круглых столов; организация совместных предприятий. Важным является отсутствие прямой корреляции межрегиональных связей с «торговыми войнами» между РФ и РБ¹⁰.

Межрегиональное сотрудничество стимулируется и на союзном уровне российско-белорусских отношений. Эта функция возлагается на союзный бюджет и определенные союзные программы, в которых задействованы предприятия, соответствующие ведомства и органы власти из регионов РФ и РБ. Например, в рамках программы «Борьба с преступностью на территориях государств-участников Договора о создании союзного государства на период 2008—2012 годы» планируется усовершенствовать порядок информационного обмена в приграничных регионах¹¹.

Однако и на межрегиональном уровне российско-белорусского взаимодействия, как и на межгосударственном, наблюдаются негативные илистораживающие аспекты, не способствующие двусторонней интеграции. Н. Федулова, говоря об установлении системных торговых связей между Белоруссией и российскими регионами, справедливо замечает, что это составляет и основу, и стимул межгосударственных интеграционных процессов, но не является интеграцией как таковой. А. Рудков, сотрудник Комиссии Парламентского Собрания Союза Беларуси и России по экономической политике, подчеркивает, что пока межрегиональные связи как потенциал сближения двух частей Союза используются достаточно слабо. По его мнению, в приграничной зоне можно было бы наглядно продемонстрировать преимущества совместных усилий по решению экологических и социально-бытовых проблем, а отдельные районы превратить в новые центры экономического роста, дать старт реализации совместных программ¹². На наш взгляд, целесообразно усилить регулирование межрегиональных связей на союзном уровне и разработать концепцию Союзного государства Беларуси

и России по их развитию, а также решить организационные вопросы (например, создать координирующий орган по межрегиональному и приграничному сотрудничеству под эгидой Союзного государства).

В целом мировая практика интеграционных процессов показывает, что потенциал «соприсутствия» регионов наряду с национальными государствами (их главными субъектами) реализуется явно недостаточно, особенно на постсоветском пространстве. Теоретически регионы воспринимаются как участники вертикальных (управление) и горизонтальных (сотрудничество) коммуникаций. Однако в лучшем случае регионы даже в Европейском Союзе играют роль агентов интеграционного процесса, но не субъектов. В то же время их статус становится более дифференцированным, отражая многообразие ситуации и возможностей, возникающих в ходе интеграции. С политической точки зрения идеальной для регионов является *неофедералистская модель*, элементы которой частично реализуются в Европе и вполне, с учетом специфики геополитических, социально-экономических и культурно-цивилизационных условий, могут быть применимы в строительстве Союзного государства Беларуси и России.

Своеобразная субгосударственная власть на региональном уровне, вытекающая из «демонополизации» государства, обосновывается принципами субсидиарности, широкой партиципации и может усиливать легитимность процесса союзного строительства и его эффективность. Межрегиональные связи являются не только материальным фактором интеграционного взаимодействия, но и содержат существенные гуманитарные и социальные компоненты. Вызовы экономического кризиса побуждают стороны к центростремительному движению. Помимо всего прочего, российский рынок для белорусских производителей остается основным в плане экспорта и импорта товаров, а Белоруссия для России — одним из главных и предсказуемых партнеров в области поставок относительно недорогих качественных товаров, в чем население РФ непосредственно заинтересовано. Следовательно, сотрудничество регионов РФ и РБ способно минимизировать колебания политической «игры» и экономических «войн», а также опасность социального отчуждения или недовольства. Участие регионов в разных сферах процесса взаимодействия интегрирующихся государств может содействовать реализации модели горизон-

тальной интеграции. В условиях асимметрии, сохраняющейся в российско-белорусских отношениях, у обеих стран этот фактор приобретает особое значение.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Статья выполнена в рамках проекта № 2.1.3/1134 АВЦП «Развитие научного потенциала высшей школы в Российской Федерации».

² См.: О роли и участии субъектов Федерации во внешнеполитической деятельности страны. URL: <http://www.ln.mid.ru> (дата обращения: 12.12.2008); Рекомендации Международной конференции «Международные и внешнеэкономические связи субъектов Российской Федерации». URL: <http://www.ln.mid.ru> (дата обращения: 12.12.2008).

³ См.: Кузьмин В. Дружба Содружества. Дмитрий Медведев определил направление взаимодействия в рамках СНГ // Рос. газ. 2008. 26 дек.

⁴ См.: Снапковский В. Белорусско-российские отношения на рубеже столетий (конец 1999 — начало 2001 г.) // Белорус. журн. междунар. права и междунар. отношений. 2001. № 2. URL: http://www.evolutio.info/index.php?option=com_content&task=view&id=425&Itemid=52 (дата обращения: 04.12.2008); Его же. Внешняя политика Республики Беларусь: первые итоги первого десятилетия // Там же. 2000. № 4. URL: http://www.evolutio.info/index.php?option=com_content&task=view&id=386&Itemid=51 (дата обращения: 01.11.2008).

⁵ См.: Основные направления внутренней и внешней политики Республики Беларусь: утверждены Законом Республики Беларусь от 14 ноября 2005 г. № 60-3. URL: <http://www.pravo.kulichki.com/zak/new03/newc3820.htm> (дата обращения: 28.11.2008); Халиманович Н. Белорусско-балтийские отношения в региональном контексте // Белорус. журн. междунар. права и междунар. отношений. 2003. № 3. URL: http://www.evolutio.info/index.php?option=com_content&task=view&id=884&Itemid=140 (дата обращения: 01.11.2008).

⁶ См.: Белицкий В., Одинец Е., Орлов Л. Опыт участия Беларуси в программах добрососедства Европейского Союза // Журн. междунар. права и междунар. отношений. 2008. № 3. С. 77—81; Достанко Е. Политика соседства ЕС: инструменты сотрудничества для Украины, Молдовы, Беларуси // Белорус. журн. междунар. права и междунар. отношений. 2004. № 3. URL: http://www.evolutio.info/index.php?option=com_content&task=view&id=697&Itemid=55 (дата обращения: 20.11.2008).

⁷ См.: Алексеева Т., Гордейчик А., Достанко Е. Взаимодействие Республики Беларусь с ведущими европейскими организациями в конце 1990-х гг. // Белорус. журн. междунар. права и междунар. отношений. 2000. № 2. URL: http://www.evolutio.info/index.php?option=com_content&task=view&id=355&Itemid=51 (дата обращения: 04.11.2008).

⁸ См.: Выступление на открытии Первого Белорусско-Российского экономического форума. URL: <http://www.president.gov.by/press39769.html#doc> (дата обращения: 24.11.2007).

⁹ См.: Беларусь и Москва намерены развивать экономическое сотрудничество. URL: <http://www.soyz.by/ru/?guid=55329> (дата обращения: 07.02.2009); В Архангельске проходит визит деловых кругов Беларуси. URL: <http://www.soyz.by/ru/?guid=57110> (дата обращения: 12.02.2009); Внешнеторговый потенциал Брестской области. URL: <http://www.brest-region.by/print.php?tid=1507> (дата обращения: 16.03.2009); Внешнеэкономическая деятельность. URL: <http://www.vitebsk-region.gov.by/ru/print/?brief=cc3ebf434ae2ea6e> (дата обращения: 16.03.2009); Внешние связи Вологодской области. URL: http://vologda-oblast.ru/main_prn.asp?V=6&LNG=RUS (дата обращения: 19.03.2009); Гуцало М. Успехи и проблемы Союзного государства: интервью с Государственным секретарем Союзного государства Беларуси и России П. Бородиным. URL: <http://www.belta.by/ru/actual/interview?id=188404> (дата обращения: 25.03.2008); Левицкий Л. Главный торговый партнер столицы // Рос. Федерация сегодня. 2006. № 24. С. 22—24; Правительственная делегация Татарстана посетила с рабочим визитом Гомель. URL: <http://www.soyz.by/ru/print.aspx?guid=54760> (дата обращения: 16.03.2009); Тезисы доклада Государственного секретаря Союзного государства П. Бородина. URL: <http://www.soyuzinfo.ru> (дата обращения: 12.04.2008).

¹⁰ См.: Бибииков В. «ПАЗ» и «МАЗ» — близнецы и братья // Союз. Беларусь — Россия. 2006. 9 февр.; Внешняя экономическая деятельность РМ. URL: http://www.e-mordovia.ru/main/strategiya/vnesh_econom.php (дата обращения: 10.11.2007); Итоги выставки белорусских производителей «Беларусь—2009» в Краснодаре. URL: <http://www.soyz.by/ru/print.aspx?guid=56670> (дата обращения: 15.04.2009); Представители белорусских предприятий совершают бизнес-тур в Рязань и Смоленск. URL: <http://www.soyz.by/ru/?guid=57106> (дата обращения: 17.04.2009); Торжественный Год Беларуси в Москве. URL: <http://www.soyz.by/ru/?guid=56806> (дата обращения: 16.03.2009); Хлыстун Л. От торговли — к инвестициям // Союз. Беларусь — Россия. 2006. 18 мая.

¹¹ См.: В Минске утвердили проекты четырех новых программ. URL: <http://www.soyuz.by/ru/?guid=37969> (дата обращения: 25.03.2008); О программе «Борьба с преступностью на территориях государств-участников Договора о создании Союзного государства на период 2008—2012 годы». URL: <http://www.soyuz.by/ru/print.aspx?guid=40047> (дата обращения: 23.04.2008).

¹² См.: Рудков А. Товарооборот — главный показатель интеграции? // Российская Федерация сегодня. 2005. № 10. С. 23; Федулова Н. Перспективы российско-белорусского объединения // Мировая экономика и междунар. отношения. 2002. № 7. С. 101.

Поступила 27.03.09.

Л. Н. РУЗАВИН

ТЕХНОЛОГИИ ФОРМИРОВАНИЯ ИМИДЖА СУБЪЕКТА ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ РОССИИ¹

Ключевые слова: имидж; образ; субъект Федерации; регион; территориальная организация государства; федерализм; региональная политика; региональное развитие; технология; стратегия

Key words: image; character; constituent entity of Federation; region; territorial organisation of state; federalism; region; policy; regional development; technology; strategy

В последнее время отечественные политологи и регионоведы акцентируют внимание на изучении имиджевой (образной) составляющей развития субъектов РФ. Об этом свидетельствует множество исследований в области изучения образов и формирования имиджа российских регионов, региональных брендов, проблем конкурентоспособности регионов, территориального маркетинга, привлечения инвестиций и регионального развития и т. д.² Имидж региона определяется как эмоциональное представление о регионе и региональной специфике, а также намеренно создаваемый образ, направленный на его позиционирование и обеспечение устойчивого присутствия в информационном пространстве.

На наш взгляд, проблему формирования имиджа субъекта РФ необходимо рассматривать по линии «территориальная организация государства — региональная политика — региональное развитие — формирование имиджа (образа) региона», основываясь на системном понимании региона как социокультурном и природно-экономическом явлении. «Регион... — территориальное сообщество, которое способно на относительно устойчивое функционирование и развитие, причем во всех измерениях человеческой жизни»³.

РУЗАВИН Лев Николаевич, аспирант отдела общественно-политических исследований НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия.

С начала 2000-х гг. политика целенаправленного научно обоснованного строительства благоприятного имиджа территории стала составной частью политики региональных властей с целью преодоления отсталости в социальном и хозяйственном развитии, обусловленной в первую очередь динамикой территориальной организации государства, социально-экономической и этнокультурной неоднородностью территории и, как следствие, персонифицированной государственной региональной политикой.

Говоря о современной территориальной организации Российского государства как об условии формирования имиджа региона, необходимо заметить, что после распада Советского Союза на месте прежних отношений центра с регионами возникла новая модель взаимодействия, получившая название «русский федерализм». В. Б. Пастухов отмечает характерную особенность формирования русского федерализма, которая в практическом плане генетически связана с борьбой центральной власти за сохранение единства страны против стремления к автономизации и сепаратизму⁴. Р. Ф. Туровский определяет современную модель федерализма в России как «ограниченную». По его мнению, «она имеет экспериментальный и неустойчивый характер, является результатом „переваривания“ политических инноваций и их адаптаций...»⁵. Кроме того, Р. Ф. Туровский выделяет рейтинг факторов специфики территориальной неоднородности Русского государства, которые, на наш взгляд, удачно объясняют природу неустойчивости и «маятникообразность» современной модели отношений между центром и регионами. Во-первых, это аномальная социально-экономическая разнородность русской территории как результат либеральных реформ 90-х гг., в частности, выражающаяся в расколе между центром и регионами. Во-вторых, это уникальная по размеру русская территория («большое», «неплотное» пространство, способствующее развитию локальной идентичности). В-третьих, этнокультурная однородность России сочетается с наличием этнических периферий, находящихся на большой этнокультурной дистанции от государствообразующей основы⁶.

Современное состояние территориальной организации РФ находится в процессе непрерывного реформирования с начала 1990-х гг., характеризуется усилением централизации, а также политическими соображениями укрепления властной

вертикали. Это отразилось на региональной политике (укреплении государственности, совершенствовании федерализма, создании условий для более эффективного и гармоничного развития регионов и обеспечении роста благосостояния населения), являющейся системой регулирования отношений между центральными органами государственной власти (государством) и ее территориями (регионами)⁷.

Однако российские регионоведы выделяют несколько негативных особенностей реализации политики федерального центра в отношении субъектов Федерации: постоянное расширение территориального производства на восток и попытки выравнивания социально-экономического развития субъектов РФ, ускорение развития «национальных окраин», повышение эффективности народного хозяйства страны; игнорирование процессов деградации старопромышленных регионов; унифицированный (обезличенный) подход к развитию и перестройке разнородных в природном, социальном и культурном отношении регионов; директивное планирование и игнорирование косвенных методов регионального развития; неразработанность приоритетов региональной государственной политики⁸. Причем во всех нормативных документах федерального центра говорится о равенстве в отношении всех субъектов Федерации, однако на практике региональная политика приняла форму дифференцированного, индивидуального подхода.

В этой ситуации условием эффективного позиционирования и дальнейшего развития российского региона во внутригосударственном и мировом политическом пространстве стало умение формировать собственный политико-территориальный имидж при использовании политико-административных технологий. Политические технологии — это совокупности наиболее целесообразных приемов, способов, процедур реализации функций политической системы, направленные на повышение эффективности политического процесса и достижение желаемых результатов в сфере политики. Использование тех или иных политических технологий определяет эффективность политического управления, регулирования политических процессов, устойчивость политической системы и всего политического пространства⁹. Таким образом, формирование имиджа региона определяется спецификой регионального политического процесса, а сам

имидж (образ) является продуктом региональной имиджевой политики.

Е. А. Шаркова, исследуя опыт российских регионов в формировании собственного имиджа в 2000-х гг., утверждает, что эффективное конструирование позитивного имиджа региона и его успешное продвижение возможны лишь тогда, когда применяется весь спектр коммуникативных технологий¹⁰. К таковым относятся медиарилейшнз, событийный PR и неформальные коммуникации регионального лидера.

Медиарилейшнз — продвижение регионального образа в местных и федеральных СМИ. Основной целью здесь является постоянное присутствие в информационном пространстве регионального контента. Событийный PR представляет собой мероприятия, проводимые в регионе и за его пределами, для формирования позитивного имиджа региона и привлечения внимания групп общественности к региону, отдельным его районам, объектам или достопримечательностям на территории региона, продукции, производимой региональными предприятиями¹¹.

Неформальные коммуникации регионального лидера — это сложный комплекс технологий, включающий в себя работу с губернатором, его ближайшим окружением. Поскольку региональный лидер является важным структурным компонентом имиджа региона, то работа с ним — отдельная кампания, которая включает в себя аналитику и прогнозирование, планирование, реализацию и оценку эффективности¹². По всей видимости, эта технология изначально предполагает создание имиджа самого политика при помощи PR-технологий.

Рассуждая о влиянии технологии неформальных коммуникаций лидера региона (его администрации и т. д.), необходимо говорить об официальных коммуникациях, постоянно используемых в качестве технологий формирования имиджа российского региона. К таковым можно отнести лоббизм. Это институт, устанавливающий правила организационного оформления, представительства и реализации групповых интересов в демократической системе¹³. С учетом этого лоббирование интересов политических и (или) экономических групп позволяет продвигать региональные бренды, политические идеи регионов до федерального центра законным путем. Но, как показывают последние исследования в этой области, единый подход в правовом регулировании этой

деятельности в российских регионах отсутствует. К тому же сам институт лоббирования не отразился в законодательстве РФ и ее субъектов. Лоббистская деятельность осуществляется по усмотрению лоббистов, клиентов органов государственной власти и должностных лиц в рамках существующего правового поля¹⁴, которое, на наш взгляд, еще не сформировано. Между тем любое упоминание слова «лоббирование» до сих пор вызывает негативную реакцию у общественности, связанную с дефицитом финансовых и природных ресурсов после распада СССР.

В западной научной литературе наряду с понятием «лоббизм» существует термин «Government Relations» (GR, связи с органами власти). Если лоббизм выступает как одна из технологий продвижения интересов в органах власти, то Government Relations относится к общему менеджменту, где GR-специалисты занимаются созданием благоприятного имиджа в среде политической элиты, решением практических вопросов с государственными компаниями, созданием благоприятной атмосферы отношений, решением судебных вопросов, входа на новый рынок. Известен пример функционирования таковой структуры в Ярославле, где был создан Центр информации и стратегического планирования. «В состав новой структуры вошли уже существующее управление общественных связей, информации и печати, а также вновь созданное управление регионального маркетинга. Основной задачей вновь созданного центра стало формирование имиджа региона в России и за ее пределами с целью привлечения российских и иностранных инвестиций, инноваций и туристов»¹⁵.

Г. О. Яровой, исследуя трансграничное сотрудничество регионов Европы, говорит о *парадипломатии* как о форме внешней активности (внегосударственной) регионального правительства в области политики и экономики. «Парадипломатия является деятельностью субгосударственных акторов (субъектов федераций, регионов, урбанистических сообществ, городов) параллельной, дополняющей, скоординированной, и, зачастую, входящей в противоречие с традиционной межправительственной дипломатией»¹⁶.

Таким образом, парадипломатия как технология формирования имиджа региона имеет неформальную сторону внешних имиджевых взаимодействий руководителя региона

и его правительства. В истории Российского государства есть примеры осуществления парадипломатической деятельности, доказывающие кризисность переходного периода становления современного государственно-территориального устройства РФ. Так, Г. О. Яровой отмечает, что в 1990-е гг. термин «парадипломатия» начал активно употребляться применительно к внешним связям российских регионов, зачастую инициаторами таких связей были правительства стран Западной Европы. К. Мацузато отмечал, что японскому правительству приходилось взаимодействовать с лидерами дальневосточных регионов, проводивших собственную дипломатию по вопросу «северных территорий»¹⁷.

Говоря о формировании имиджа субъекта Федерации, необходимо упомянуть об эффективности применения технологий в стратегическом социально-экономическом развитии региона. На наш взгляд, например, в Республике Мордовия можно выделить ряд направлений и этапов реализации политико-административных технологий: политическая стабилизация, привлечение инвестиций и поддержка предпринимательства, инновационное направление в научно-исследовательской и производственной деятельности, формирование финно-угорского культурного регионализма. Первая стратегия технологий характеризуется трансформацией власти в регионе в 1990-х гг., достижением политической стабильности через принятие новой Конституции РМ (1995 г.) и избрание Главы РМ Н. И. Меркушкина (1995 г.). В результате политических преобразований выстроилась более эффективная модель власти, которая смогла вывести регион из критического состояния (он имел тогда образ дотационного и депрессивного субъекта Федерации) к политике социально-экономического оздоровления, а также наладить отношения с Москвой. В это же время был разработан и реализован лозунг-девиз «Согласие. Порядок. Созидание», ставший политическим принципом и идеологической основой социальных преобразований в республике в последующие годы.

Вторая стратегия воплотилась в деятельности республиканских властей по повышению экономического потенциала Мордовии, увеличению объемов производства, созданию новых рабочих мест, росту благосостояния населения. Продуманная работа с инвесторами позволила создать в республике

благоприятный инвестиционный климат. Для осуществления инвестиционной деятельности была сформирована нормативно-правовая база, приняты законы «О государственной поддержке инвестиционной деятельности в Республике Мордовия», «Об условиях эффективного использования социально-экономического потенциала Республики Мордовия», «О снижении ставок налога на прибыль организаций», «О налоге на имущество организаций». В результате Мордовия смогла предложить инвестору максимально возможные в соответствии с российским законодательством налоговые льготы для реализации значимых для региона проектов¹⁸.

Третья стратегия сконцентрирована на инновационном направлении в научно-исследовательской и производственной деятельности. С этой целью в регионе активно реализуется государственная программа «Создание в Российской Федерации технопарков в сфере высоких технологий». Распоряжением Правительства РФ от 12 сентября 2008 г. дан старт созданию технопарка в области высоких технологий, что подтверждает имидж республики как инновационного региона. Четвертая стратегия характеризуется тем, что с 2000-х гг. в Мордовии ведется активная работа по формированию национально-культурного имиджа с акцентом на принадлежность мордовских народов к финно-угорской языковой семье, что привлекает внимание федеральной и международной общественности. Более того, заметное место в этой стратегии занимает подготовка празднования тысячелетия единения мордовского народа с народами Российского государства, организационный комитет которого состоялся в Москве под руководством Председателя Правительства РФ В. В. Путина 16 декабря 2009 г.

Таким образом, формирование имиджа субъекта Федерации направлено на преодоление диспропорций социально-экономического развития, вызванных процессами трансформации территориальной организации РФ и территориальной неоднородностью государства в целом, а также проводимой государственной региональной политикой в отношении регионов с помощью политико-административных технологий, инициируемых и реализуемых региональным руководством в коммуникационном пространстве.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Статья выполнена в рамках проекта № 2.1.3/1134 АВЦП «Развитие научного потенциала высшей школы».

² См.: Актуальные проблемы формирования социально-экономического имиджа Республики Саха (Якутия): материалы Межрегион. науч.-практ. конф., 28 апр. 2004 г., г. Якутск. Якутск: Изд-во ЯГУ, 2004. 159 с.; Яковлев М.В. Формирование политического имиджа региона в условиях современной России: на материалах республик Башкортостан и Татарстан: дис. ... канд. полит. наук. М., 2006. 160 с.; Шабунин А.С. Формирование имиджа региона: теоретические аспекты и перспективы применения (на примере Владимирской, Ивановской, Костромской, Тверской и Ярославской областей): дис. ... канд. полит. наук. Ярославль, 2006. 199 с.

³ Сухарев А.И. Регион как социокультурная и природно-экономическая система // Проблемы регионологии. Саранск, 2001. С. 48.

⁴ Пастухов В.Б. Российский федерализм: политическая и правовая практика // Обществ. науки и современность. 2003. № 3. С. 53.

⁵ Туровский Р.Ф. Центр и регионы: проблемы политических отношений. М.: Издат. дом ГУ ВШЭ, 2007. С. 355.

⁶ Там же. С. 353—354.

⁷ См.: Туровский Р.Ф. Политическая регионалистика: учеб. пособие для вузов. М.: Издат. дом ГУ ВШЭ, 2006. С. 81.

⁸ См.: Основы регионоведения: учебник / под ред. И.Н. Барыгина. М.: Гардарики, 2007. С. 140.

⁹ См.: Анохин М.Г. Политические технологии // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер. Политология. 2000. № 2. С. 103.

¹⁰ См.: Шаркова Е.А. Конструирование и продвижение имиджа российского региона: методологические проблемы и практический опыт 2000-х годов. URL: http://www.statebrand.ru/upload/files/doc_1224233059.doc (дата обращения: 15.06.2009).

¹¹ См.: Таранова Ю.В. Классические и новые технологии формирования имиджа региона. URL: http://www.statebrand.ru/upload/files/doc_1236587677.doc (дата обращения: 10.06.2009).

¹² См.: Шаркова Е.А. Конструирование и продвижение имиджа ...

¹³ См.: Масловская Т.С. Теория и практика лоббирования в России и в субъектах Российской Федерации. М.: Компания Спутник+, 2008. С. 16.

¹⁴ Там же. С. 147.

¹⁵ Махортов Е.А. Что такое GR? URL: http://lobbying.ru/index.php?article_id=2851 (дата обращения: 12.06.2009).

¹⁶ Яровой Г.О. Регионализм и трансграничное сотрудничество в Европе. СПб.: Норма, 2007. С. 130.

¹⁷ Там же. С. 130.

¹⁸ См.: Инвестиционная деятельность в Республике Мордовия. URL: <http://rmeconomics.e-mordovia.ru/aboutMordovia/investicklimat/index.php> (дата обращения: 20.05.2009).

Поступила 03.07.09.

Э. Р. ЯНБОРИСОВА

ВНЕДРЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ТЕХНОЛОГИИ МЕХАНИЗМА АНТИКРИЗИСНОГО PR В РЕГИОНЕ

Ключевые слова: целевая группа; кризисная ситуация; каналы массовой коммуникации; ключевые проблемы; социальная стабильность; качество жизни; фокус-группа; партнерские отношения; компетенция муниципалитетов; информационные кампании; органы местного самоуправления; антикризисный PR

Key words: target group; crisis situation; mass communication channels; key problems; social stability; life quality; focus-group; partner relations; competence of municipalities; informational campaigns; local self-government bodies; anti-crisis PR

Проводимые социально-экономические преобразования на федеральном и региональном уровнях нашли свое логическое продолжение на муниципальном уровне. Их основная цель — укрепление социальной стабильности общества и улучшение качества жизни населения. Местное самоуправление является формой самоорганизации граждан и в этом качестве — составной частью гражданского общества, уровнем публичной власти и элементом рыночной экономической системы.

Российское местное самоуправление находится на пороге важного рубежа в своем развитии. Во-первых, в декабре 2008 г. отмечалось 15-летие действующей Конституции РФ, заложившей основы новой модели организации местного самоуправления в стране. За прошедшее с тех пор время были созданы законодательные основы местного самоуправления, сформирована его финансово-экономическая база, накоплен значительный опыт работы муниципальных образований.

Во-вторых, 1 января 2009 г. закончился переходный период реализации Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного са-

ЯНБОРИСОВА Эльмира Равильевна, руководитель отдела маркетинга ООО «Даймонд» (г. Пенза).

моуправления в Российской Федерации», в результате чего все его положения должны вступить в силу на территории каждого из субъектов РФ (кроме Чечни и Ингушетии). Однако мировой экономический кризис и следующие за ним негативные последствия диктуют необходимость принятия экстренных мер.

Нельзя сказать, что современный экономический кризис — это то, что возникло в один миг. В октябре—ноябре 2007 г. Институтом региональной политики была проведена экспертная оценка текущей ситуации, в которой приняли участие 46 ведущих представителей власти, бизнеса и силовых структур Пензы. Результаты исследования показали, что деловое сообщество Пензы оценивало в тот момент инфляцию на 2008 г. на уровне 52 %, а рост промышленного производства — на 4 %. Совершенно очевидно, что деловые люди Пензы предчувствовали кризис¹. Таким образом, сложившаяся ситуация была предсказуема. Таковой она была и в социально-политической сфере (увеличение протестных настроений). В данном случае роль паблик рилейшнз существенно возрастает.

По мнению В. И. Мануйлова, «кризис развивается по нарастающей. Он неизбежно приведет к росту протестных настроений. Чтобы их локализовать или направить в нужное русло, нужно провести мощную избирательную кампанию, также насытить информационное пространство сведениями о кризисе. То есть процесс нужно возглавить. Возглавить его может либо губернатор... либо новый неформальный лидер. Если он сегодня не виден, то это не означает, что его нет»².

В период кризиса вопрос оптимизации процесса ресурсораспределения выходит на первый план. В связи с этим каналы массовой коммуникации, как наиболее затратные, пересматриваются в сторону менее затратных. При этом теряется информационная охваченность целевой группы. Если рассуждать об эффективности подобного шага, то все зависит от конкретной ситуации, но это в первую очередь относится к бизнес-структурам. Что касается органов местного самоуправления, то в силу сложившейся специфики (роли посредника между государством и гражданином), особенно в периоды кризисов, целесообразно активное использование всего арсенала PR.

На первом этапе следует провести анализ кризисной ситуации. От того, насколько грамотно ведется разъяснительно-агитационная работа, как осуществляется информационное освещение той или иной ситуации, как демонстрируются яркие примеры решения наболевших проблем, зависит доверие к власти. Кроме того, это способствует снижению социальной напряженности.

В первую очередь следует определиться с наиболее острыми проблемами. Это предполагает проведение экспресс-диагностики, комбинирующей различные методы: анализ статистических данных; качественный анализ обращений в общественные приемные; анализ публикаций, репортажей оппозиционных СМИ (если таковые есть); анализ слухов; проведение самостоятельного мини-опроса либо использование результатов исследований региональных центров исследования общественного мнения и подобных структур. Безусловно, это далеко не полный перечень мероприятий этапа.

Второй этап предполагает работу с социальным «носителем» проблемной ситуации. После выявления корневой проблемы выделяется социальная группа, являющаяся «носителем» этой проблемы. Например, если вопрос касается ужесточения условий функционирования малого бизнеса, то целевой группой будут субъекты малого бизнеса. На этом этапе работают с обращениями, организуются встречи, переговоры, круглые столы. Именно в этот период есть необходимость проведения фокус-группы. В данном случае особое значение имеет качество подбора респондентов. Они подбираются во время массовых мероприятий. Широко применяемый в маркетинге и рекламе метод фокус-групп практически не используется службами органов местного самоуправления. Безусловно, это связано с наличием кадров, обладающих соответствующей квалификацией. Однако в качестве альтернативного решения этой проблемы возможно привлечение сторонних специалистов под конкретный объем работ.

В последние годы наметилась тенденция к более активному комбинаторному использованию различных стандартизированных методов для более детального изучения тех или иных параметров исследуемой группы. Таким образом, использование методики фокус-группы в совокупности с другими методами поможет пересмотреть существующее представление специалистов, работающих в органах местного самоуправления, о

реальных потребностях и ожиданиях целевой группы, что поможет вывести на качественно новый уровень партнерские взаимоотношения власти и регионального социума.

На третьем «консенсусном» этапе проводятся рабочие встречи, анализ и разработка нормативно-правовых документов, способствующих сближению интересов сторон и снижению социальной напряженности. Этот этап здесь не нуждается в подробном рассмотрении, так как он не относится к компетенции PR-служб.

На четвертом этапе осуществляется полномасштабное информирование широкой общественности. Нельзя забывать о том, что, кроме целевых групп, есть «сочувствующие» и «зависящие» целевые группы. В силу относительно слабой трансляционности общественных организаций становится очевидной необходимость включения в процесс информирования муниципальных PR-служб, одними из основных характеристик которой являются массовый охват целевой аудитории, а также широкий инструментальный диапазон, имеющий тенденцию к росту и усилению.

Актуальность этого этапа усиливается, если в регионе недостаточно развит общественный сектор либо проблема затрагивает слишком большое число людей или социальных групп. Однако ограниченность ресурсов заставляет задумываться об оптимизации их использования, так как бюджеты муниципалитетов в основной своей массе дефицитны.

Президент РФ Д. А. Медведев обозначил работу по развитию местного самоуправления в качестве одной из приоритетных задач государства. «Местное самоуправление должно открывать гражданам возможность самостоятельно решать свои локальные проблемы без указаний и распоряжений сверху»³. Он отметил, что работа по совершенствованию муниципального законодательства будет продолжаться.

В. Г. Игнатов и В. В. Рудой полагают, что назначение местного самоуправления — «выражать и защищать интересы данного сообщества, регулировать взаимоотношения между различными социальными слоями и группами, а также другими сообществами и государствами»⁴. Именно местное самоуправление находится на первой линии взаимодействия с населением. В связи с этим основными задачами PR-служб являются предотвращение социального конфликта, недопущение его разрастания на другие целевые группы.

Современное гражданское общество базируется на принципе двусторонней коммуникации. Сущность PR определяется как «связи с общественностью», подразумевающие многогранные и многоаспектные субъектно-объектные взаимодействия, при которых возможно не только одностороннее воздействие органов государственной власти на общественность, но и обратное воздействие общественности на них и принимаемые ими решения.

Очень важно в период кризиса работать максимально открыто. По утверждению одного из классиков PR и наиболее удачливой практика в этой сфере А. Л. Ли, «наша служба — не секретное пресс-бюро. Вся работа делается в открытую. Наши материалы точны. По любому из освещаемых вопросов можно получить дополнительную информацию. ...Наша цель — откровенно и открыто от имени деловых кругов и общественных институтов предоставлять гражданам страны своевременную и точную информацию по актуальным вопросам»⁵.

На пятом этапе осуществляется оценка результативности PR-кампании. Здесь необходимо определиться с критериями результативности проведения PR-кампании. Такая оценка включает в себя ряд объективных и субъективных факторов. В теории PR сложилось несколько подходов для определения эффективности информационно-пропагандистского воздействия, каждый из которых определяется своими параметрами, отражающими изменения в сознании целевой аудитории.

Волонтаристский подход основной упор делает на личное мнение заказчика о том, насколько его представление об эффективности проведенных мероприятий соответствует его ожиданиям. Удовлетворенность заказчика — основной критерий эффективности проведенной PR-кампании. *Социологический подход* базируется на замерах мнения целевой аудитории методами фокус-группы, опросов, контент-анализа. Критериями эффективности в данном случае являются соотношение объективных показателей информированности целевой группы и ее отношения к объекту PR-кампании до и после ее проведения. *Маркетинговый подход* по инструментарию во многом схож с социологическим. Только в этом случае критерием эффективности PR-кампании является соотношение рыночных характеристик организации

(рост объема продаж, увеличение доли рынка и др.) до и после проведения PR-кампании.

В последнее время довольно популярен *ресурсный подход*. В его основе лежит критерий эффективности, определяемый как соотношение ресурсов в их совокупности для проведения PR-кампании и достигнутого ею результата. Таким образом, высокие показатели эффективности обусловлены достижением результата при оптимальном использовании ресурсов для ее реализации. Этот метод находит свое применение на поле российского политконсалтинга в контексте работы на выборах.

В развитых западных странах одним из ведущих подходов при оценке эффективности PR-кампании являются методы, основанные на *математическом моделировании*. Как правило, они представляют собой совокупность оценок по различным параметрам изменения медиаполя, индексов общественного мнения, таблиц, шкал, графиков и т. д., каждый из которых отражает ту или иную величину коммуникационной активности или имиджевых характеристик. Например, в математической модели коммуникации Шеннона-Уивера⁶, основанной на понятии вероятности, главный упор делается на внешние, объективные стороны информационного обмена на фоне полного игнорирования реакции сторон, интерпретирующих структуры получателя информации. Социальная коммуникация здесь рассматривается как воздействие в линейном, однонаправленном субъектно-объектном процессе.

Модель Лассуэлла-Ньюкомба⁷ исходит из понимания коммуникации как взаимодействия в рамках циклического, двустороннего, субъектно-объектного подхода. В рамках этого подхода существует так называемая «квантовая теория социальной коммуникации», основанная на метафорическом сопоставлении свойств информации и потока элементарных частиц. Согласно этой теории, передача информации происходит не полностью, а порциями — предположениями, которые играют роль своеобразных частиц, «квантов» информации. Однако этот способ в российской PR-практике не получил особого распространения.

Поскольку ни один из перечисленных подходов не учитывает все значимые параметры, то адекватное представление об эффективности PR-сопровождения можно получить

лишь в результате комплексного использования различных критериев, лежащих в основе указанных подходов.

Кроме того, для увеличения эффекта проводимой PR-кампании целесообразно привлечение специалистов в области антикризисного PR. Оптимально, если такой специалист находится в штате, то на практике такое встречается крайне редко. Поэтому целесообразно воспользоваться услугами приглашенного профессионала. Вопрос антикризисного управления регулярно обсуждается, однако в период вяло-текущего докризисного процесса он не актуализировался.

Среди антикризисных мер особое место занимает эффективное использование существующего потенциала. В зависимости от характера кризиса, его продолжительности, формы протекания могут быть выбраны те или иные поведенческие стратегии: наступательная, оборонительная или регрессивная. Особую роль при этом играют СМИ. Именно на этом этапе незаменимым инструментом в достижении социальной стабильности является грамотно разработанная и четко внедряемая PR-стратегия органов местного самоуправления.

Таким образом, роль антикризисного направления публичных отношений возрастает в период социальных потрясений. Однако и на этапе относительного спокойствия опыт этого направления бесценен.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Мануйлов В.И. Власть и выборы в условиях нарастающего кризиса // «Улица Московская». 2008. № 49. 26 дек. С. 9.

² Там же.

³ Из выступления на II Общероссийском гражданском форуме 22.01.2008 г. URL: http://www.medvedev2008.ru/performance_2008_01_22.htm (дата обращения: 10.03.2009).

⁴ Игнатов В.Г., Рудой В.В. Местное самоуправление: учеб. пособие. 3-е изд., перераб. и доп. Ростов н/Д: «Феникс», 2005. С. 34.

⁵ Цит. по: Почепцов Г.Г. Публичных отношений для профессионалов. М.: «Рефл-бук», «Ваклер», 2000. С. 143.

⁶ См.: Основы теории коммуникации / под ред. М.А. Василюка. М.: Гардарики, 2006. С. 28.

⁷ См.: Дризе Т.М. Социальная коммуникация и фундаментальная социология на рубеже XXI века // Вестн. МГУ. Сер. Социология и политология. 1999. С. 93.

Поступила 06.03.09.

Р. А. АБРАМОВ

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ АНТИКРИЗИСНЫХ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИННОВАЦИОННЫХ ПРОГРАММ

Ключевые слова: инновационное развитие; программы; инвестиции; региональная инновационная политика; кризис

Key words: innovative development; programmes; investments; regional innovation policy; crisis

В условиях экономического кризиса обостряются социальные конфликты. Однако мировой опыт показывает, что с помощью инновационных технологий их можно предотвращать, снижать социальное напряжение, принимать правильные управленческие решения. В этом контексте инновационные технологии можно рассматривать как инновационные методы выявления и использования неясных потенциалов социальных систем, позволяющих получать социально значимые результаты при наименьших затратах¹.

Кризис является основанием для оценки эффективности и целесообразности инновационных программ, принятых на предыдущем этапе экономического развития. Опираясь на экономические, социальные и другие индикаторы, можно сделать вывод, что большинство направлений социально-экономического развития регионов, которые, как предполагалось ранее, станут драйверами экономического роста, со своей задачей пока не справляются.

Внутриэкономические показатели демонстрируют глубокий спад, уровень падения производства по разным секторам (особенно в стоимостных показателях) достаточно существенен. В наибольшей степени пострадали те сектора, в которых зафиксированный в марте 2009 г. спад по отношению к марту 2008 г. превышал 30 %: автомобилестроение, производство машин и оборудования, электротехника. Достаточно

АБРАМОВ Руслан Агарунович, доцент кафедры национальной и региональной экономики Российской экономической академии, кандидат экономических наук.

серьезно пострадали некоторые сектора, работающие на потребительский рынок².

Кризис показал, что спад затронул не только старые промышленные регионы с их традиционной индустрией, но и российский «солнечный пояс». На этой территории «локомотивом роста» выступал не только рынок недвижимости (Московская агломерация; черноморское побережье, держащееся во многом за счет массивов бюджетных инвестиций в олимпийские объекты), но и регионы с наибольшим инновационным потенциалом. Такой вывод можно сделать, сравнив географию инновационных секторов экономики, а также данные об индексе промышленного производства в регионах РФ за первый квартал 2009 г. с прогнозом их бюджетной обеспеченности в текущем году³.

Кризис традиционной индустрии вызвал проблемы для большинства российских регионов. Инновационная индустрия, или та, которую строят как инновационную, препятствием для спада не является. Ситуация в так называемых «инновационных» отраслях ничуть не лучше, чем в традиционных секторах экономики. Вместе с тем российское сельское хозяйство, которое сложно назвать инновационным, демонстрирует более устойчивый рост.

Кризис привел к ухудшению ранее проводившуюся в регионах инновационную политику сразу по нескольким основаниям.

Во-первых, ставка в стимулировании инновационного развития была сделана на рынки (сектора и отрасли), технологический и инвестиционный бум в которых закончился по крайней мере в конце 90-х гг. XX в. Это традиционные технологические сектора (например, автомобилестроение), информационные технологии, включая электронику, фармацевтику. Эти сектора уже сложились как олигополистические. Во время кризиса они вступили в полосу глубокого спада. Ясно, что при выходе из кризиса они не смогут расти сверхбыстрыми темпами, как это было ранее. Рост IT рынка в 90-е гг. достигал 50 % в год. Акции интернет-компаний с 1996 по 2000 г. выросли на 1 000 %⁴. Эти отрасли и сектора правильнее уже относить либо к традиционной индустрии, либо к рынкам, похожим на «зрелые». В связи с этим показательна сегодняшняя экономическая ситуация в Ирландии — стране, где экономика была сформирована во многом на базе электроники и информационных технологий.

Даже на растущем в России фармацевтическом рынке, если произойдет рост в долларовом выражении (5—7 %), а не спад (20 %), как прогнозируют некоторые специалисты, об инновационном развитии говорить все равно не приходится. На отечественном фармацевтическом рынке доля поставок новой продукции постоянно уменьшается⁵.

Во-вторых, проблемы развития региональных инновационных программ связаны с решением вопроса «На что делать акцент: на разработку новых технологий или открытие нового рынка?». Известно, что между созданием технологии и открытием новых быстрорастущих рынков, составляющих «тело» инновационной экономики (инновационные производства должны развиваться темпом, превышающим 15—20 % в год), обычно существует значительный временной разрыв. Технологии создаются за десятилетия до их коммерциализации и вовлечения в инновационно-технологический рывок экономики. Новый сектор экономики должен расти темпами в 50—70—100 % в год, чтобы генерировать энергию, способную расчистить старую, настроенную на дефляцию и стагнацию экономику. Казалось бы, ответ очевиден. Ставку надо делать на рынок, а не технологии. Но на практике все происходит наоборот⁶.

В мире зарегистрировано около 1 200 инновационных структур. Первый современный технологический парк в России был создан в 1990 г. в Томске. Сейчас их в России свыше 120 (хотя количество организаций, претендующих на звание технологического парка, около 800). Может показаться, что по развитости инновационной инфраструктуры Россия сопоставима с наиболее развитыми странами мира. Именно в создание инфраструктуры и шли основные вложения⁷. Что это дало экономике регионов? Определенное количество инновационных проектов. Но какие результаты должны были быть получены на рынках (темп роста последних, доля инновационной продукции на них, мультипликационный эффект для всей экономики), четко определено не было.

Анализируя итоги работы технологических, промышленных парков, результаты реализации инновационных программ регионов, мы вынуждены возвратиться к началу — понижению основ современного инновационного роста.

Во-первых, инновационные программы должны быть ориентированы на участие в формировании и развитии новых рынков, порождающих и поглощающих инновационные тех-

нологии. По-видимому, в период кризиса есть все основания для формирования новых быстрорастущих рынков, в том числе за счет коммерциализации ранее недостаточно капитализированных (по разным причинам) технологий. Рыночный сектор может стать частью инновационной экономики в том случае, если он готов к этому корпоративно и рыночно, а именно: имеются компании, готовые вкладывать в него средства, развивать производство; есть потребители, которые могут купить данный продукт; есть институциональные требования, устанавливающие правила и процедуры интеграции соответствующих секторов в сложившуюся экономику. Должна быть готовность сконцентрировать в инновационной части экономики средства⁸.

Большой поток инвестиций в развитых странах идет в развитие альтернативной энергетики, разработку возобновляемых источников энергии (по объявленной Б. Обамой программе только на НИР и НИОКР будут направлены 150 млрд долл. в течение следующих 10 лет). Сектор достиг наивысшей технологической и рыночной готовности. Он уже представлен корпорациями, способными принять значительный объем инвестиций (потенциал капитализации к 2020 г. составит 15—18 трлн долл.)⁹. Развитие этого сектора способно оказать системное влияние на старую промышленность, переформатировать старые рынки.

Вложения идут также в когнитивную индустрию, даже не в IT, а в персональные системы, обучаемые, открытые и т. д.; в индустрию здоровья; биотехнологии, которые предполагают создание индивидуально ориентированных препаратов, созданных для конкретного человека и учитывающих данные его биокода.

Для «старых» секторов экономики появляется шанс участвовать в новом технологическом буме путем интеграции в новые сектора, «цепляясь» за лидера, который будет расти с темпом 50—100 % в год. Для традиционной медицины и фармацевтики такими локомотивами станут индустрия здоровья и биотехнологическая промышленность.

Фармацевтические компании уже сейчас начали скупать биотехнологические фирмы, понимая, что в ближайшие 10 лет их самые прибыльные препараты перейдут в разряд обычных, рядовых. Сельское хозяйство должно «уцепиться» за индустрию здоровья, начать создавать «умный», по-

лезный продукт, IT — за когнитивные технологии и т. д. Единственный способ роста традиционных технологий можно выразить термином «они переезжают»¹⁰.

Если ресурсосбережение становится новой парадигмой проектирования зданий и сооружений, то развитие традиционного строительства, архитектуры, индустрии строительных материалов начинает предопределяться решениями HVAC, которые задают архитектурную, коммерческую ценность объекта. Новые строительные технологии, учитывающие будущий дефицит энергоресурсов, создают такие материалы и конструкции, которые позволят свести к минимуму потребление энергии. Дома на Западе проектируют теперь не только архитекторы и строители, но и инженеры, наполняющие дом инженерной инфраструктурой, минимизирующей затраты энергии. В США и ЕС приняты новые нормативы на строительство жилых домов, определяющие максимальный уровень теплоотдачи строений. Становится понятен будущий объем нового машиностроения, электротехники. Покупателями этих изделий станут домохозяйства, кондоминиумы¹¹.

Во-вторых, новые программы инновационного развития регионов должны быть ориентированы в первую очередь на запуск новых рынков, во вторую — на поддержку НИР и НИОКР, т. е. на поддержку свободного поиска исследователей, черпающих вдохновение не в запросах реальной экономики, а в области своих научных интересов.

В-третьих, весьма актуальным является вопрос организационных инфраструктур для инновационного бизнеса. Проектирование и исследование становятся ситуационно обусловленными и проблемно ориентированными, т. е. являются результатом не столько свободного поиска исследователя, сколько заказом на решение задачи со стороны потенциального потребителя. Соответственно, новые организационные структуры должны поддерживать высокую степень «проектной готовности» к новому делу; обеспечивать быструю проблемно ориентированную сборку проектных команд, зачастую включающих потребителя; иметь возможность интегрировать в работу этих групп формально независимых и экономически автономных субъектов по всему миру¹².

Появляются новые организации, обеспечивающие наивысшую свободу в объединении необходимых компетенций и проектировании в «сетевом режиме»: это так называемые

«технологические парки третьего поколения» (разработки IQlink и др.). «Локализация резидентов для этих технопарков уже не является решающим фактором. К таким новым организациям относятся и исследовательские сети (Европейский проект ECOLEAD); секретариаты инновационных кластеров („Технополис Осло”)¹³.

Готовых решений по запуску инновационного сегмента российской экономики нет. Главные вопросы, на которые, на наш взгляд, необходимо ответить в ближайшие 5—7 лет, — это «Выйдет ли государство из кризиса с запуском нового инновационного цикла?», «Будет ли новый инновационный цикл развернут в национальном масштабе или Россия должна принять участие в новом глобальном инновационно-технологическом подъеме?».

В свое время одним из значимых результатов испанского технологического развития стало изменение стандартов строительства и проектирования новых домов. Обоснованием решения стало признание Испанией того факта, что у нее закончилась нефть. Ее еще можно купить в мире, но здания, которые сейчас проектируются и строятся, будут стоять следующие 100 лет. Через 100 лет нефть как источник энергии гарантированно станет большим дефицитом. Испанские города, возводимые сегодня, должны быть рассчитаны на мир «после нефти». Главная инновация в данной ситуации заключается не в технических устройствах, предложенных строителям и потребителям, а в видении будущего общества, формировании инновационного сектора, обеспечивающего устойчивость и рост экономики в долгосрочной перспективе. Думается, такой подход необходимо взять на вооружение и России¹⁴.

Базовую основу инновационной политики в регионах составляет создание комфортных и благоприятных условий для нововведений. Ответственным звеном здесь является эффективность региональной производственной структуры, а основным инструментом — передача инноваций и технологий (трансферт технологий).

Представляется целесообразным предложить региональным и местным органам государственной власти разработать норматив расходов на поддержку инновационных разработок из бюджетов развития. Ускорителем развития инфраструктуры станет более эффективное использование государственной

собственности. Достаточно быструю отдачу можно получить путем передачи неиспользуемых производственных площадей и ресурсов под создание инновационно-технологических центров и инновационно-промышленных комплексов¹⁵. В новых условиях хозяйствования наиболее прогрессивной формой управления инвестиционно-инновационной деятельностью в регионе является разработка региональной инвестиционной программы, основанной на методологии программно-целевого планирования¹⁶.

Предоставление льгот инвесторам, кредиторам и реципиентам является наиболее значимым фактором активизации инвестиционной деятельности в регионе, так как стимулирует привлечение инвестиционных ресурсов и расширение портфеля проектов. При этом необходимо учитывать социальную ситуацию в регионе и риск ее ухудшения вследствие отвлечения части бюджетных средств от финансирования социальной сферы. Отбор инвестиционных проектов для их включения в программы должен быть конкурсным. Органы управления инвестиционным процессом в регионе должны располагать ресурсами и правами их использования, иметь в своем составе штатных и внештатных специалистов по риск-менеджменту, инвестиционному проектированию, маркетингу, оценке имущества и бизнеса.

Таким образом, кризис дал возможность увидеть, насколько эффективно использовались инновационные программы в регионах России. Учитывая проблемы, усугубившиеся с началом кризиса, регионам следует создавать новые подходы к формированию антикризисных инновационных программ.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Васильев А.А. Применение инновационных технологий в муниципальном управлении // Проблемы местного самоуправления. 2003. № 2. С. 43—44.

² См.: Григорьев Л. Посткризисная структура экономики и формирование коалиций для инноваций // Вопросы экономики. 2008. № 4. С. 39.

³ См.: Смирнов Е.П. Инновации: на пути к стратегической политике // Экономические стратегии. 2009. № 2. С. 49.

⁴ См.: Черковец В. Особенности нового этапа инновационного развития России // Экономист. 2008. № 12. С. 42.

⁵ Там же. С. 47.

⁶ См.: Леонтьев Б. Интеллектуальная собственность — генетическая основа высокотехнологичного бизнеса // Проблемы теории и практики управления. 2007. № 2. С. 30.

⁷ См.: Инфраструктурные программы Корпорации РОСНАНО. URL: <http://rosnano-new.1co.ru/Rubric.aspx?RubricId=278> (дата обращения: 15.04.2009).

⁸ См.: Попадюк Т.Г. Государственная инновационная политика России как императив обеспечения конкурентоспособности страны в условиях глобализации // Инновации. 2008. № 10. С. 114.

⁹ См.: Княгинин В.Н. Возможно ли новое поколение программ инновационного развития регионов? // Информ. агентство «ПРОАтом». Санкт-Петербург. URL: <http://www.proatom.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=1835> (дата обращения: 05.06.2009).

¹⁰ См.: Иванов В.А. Сущность, классификация инноваций и их специфика в аграрном секторе // Вестн. Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования. 2007. № 1. URL: <http://koet.syktsu.ru/vestnik/2007/2007-1/3.htm> (дата обращения: 03.04.2009).

¹¹ См.: Шелюбская Н. Косвенные методы государственного стимулирования инноваций: опыт Западной Европы // Проблемы теории и практики управления. 2001. № 3. С. 78.

¹² См.: Зверев А.В. Прогнозные сценарии и модели инновационного развития России // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2009. № 1. С. 6.

¹³ Княгинин В.Н. Возможно ли новое поколение программ ...

¹⁴ См.: Крюкова Н.Ю., Остертаг Т.Н. Целевые научно-технические программы как форма финансовой поддержки инноваций в России на государственном и региональном уровнях. URL: http://lib.vvsu.ru/russian/doc/scienceadm/2005_26.doc (дата обращения: 02.10.2009).

¹⁵ См.: Ясин Е. Условия инновационного развития и необходимые институциональные изменения // Проблемы теории и практики управления. 2007. № 7. С. 14.

¹⁶ См.: Крюкова Н.Ю., Остертаг Т.Н. Целевые научно-технические программы ...

Поступила 29.09.09.

А. В. АКИШЕВА

ИННОВАЦИОННЫЙ ПОДХОД В СОТРУДНИЧЕСТВЕ КОММЕРЧЕСКОГО БАНКА И ПРЕДПРИЯТИЯ-ЗАЕМЩИКА В МИНИМИЗАЦИИ КРЕДИТНОГО РИСКА¹

Ключевые слова: экономическая интеграция; устойчивое партнерство; реальный сектор экономики; банковский сектор экономики; кластер

Key words: economic integration; sustainable partnership; real sector of economics; banking sector of economics; cluster

В последние годы отечественные коммерческие банки демонстрировали заинтересованность в организации взаимодействия с предприятиями-заемщиками на основе устойчивых партнерских отношений, обеспечивающих реализацию общих интересов. Под устойчивым партнерством мы понимаем особую форму организации совместной деятельности предприятий (участников партнерства), характеризующуюся сотрудничеством в определенных областях их функционирования на постоянной, регулярной основе, а также согласованностью интересов партнеров. Его сущность обусловлена непосредственным взаимодействием предприятий-партнеров, их самостоятельностью, добровольностью объединения, устойчивостью характера сотрудничества, возможностью снижения трансакционных издержек и решения общих задач путем объединения ресурсов партнеров, регламентацией прав и обязанностей участников партнерства на основе долгосрочной контрактации. Учитывая вышеизложенное, можно констатировать, что устойчивое партнерство является одной из форм экономической интеграции².

Устойчивое партнерство устанавливается в конкретных областях деятельности: производство, маркетинг, сбыт, фи-

АКИШЕВА Алеся Викторовна, доцент кафедры финансов и кредита Мордовского государственного университета, кандидат экономических наук.

нансы, учет, планирование, НИОКР и т. д. В Республике Мордовия одной из развитых сфер, где проявляется эта интеграция, является область кредитных отношений, когда участниками становятся коммерческий банк-кредитор и предприятие-заемщик. Устойчивое партнерство в области кредитных отношений характеризуется взаимодействием на регулярной основе в течение продолжительного времени, а также согласованностью интересов партнеров. Оно проявляется в организации кредитной деятельности банка на основе реализации концепции маркетинга взаимоотношений, в области кредитных отношений, при наличии у банка возможности влияния на принятие решений органами управления предприятия-партнера. В Мордовии экономическая интеграция финансового и промышленного капиталов в форме устойчивого партнерства имела достаточно устойчивое развитие, особенно в работе системообразующих банков банковского сектора: региональных коммерческих банков АККСБ «КС БАНК» (ОАО), Актив Банк, Мордовпромстройбанк.

Результатом кризисных явлений в экономике стал разрыв долгосрочного сотрудничества банков с большинством корпоративных клиентов вследствие значительного превышения уровня процентных ставок над уровнем рентабельности предприятий и, следовательно, существенного снижения кредитоспособности предприятий реального сектора экономики. Эта тенденция — фактор наступления рецессии в экономике, так как продолжительное сотрудничество банковских структур с клиентурой является залогом оживления и стабилизации экономической конъюнктуры, повышения темпов роста экономики, а также показателем эффективности корпоративного менеджмента и важным конкурентным преимуществом коммерческого банка. Неблагоприятные последствия мирового экономического кризиса наблюдаются даже у крупнейших высококапитализированных российских коммерческих банков, выполняющих все требования Банка России. Банковский сектор за половину 2009 г. заработал всего 6,8 млрд руб., или 0,02 % активов. Согласно исследованию «Эксперт РА», 30 коммерческих банков из топ-200 кредитных организаций России показали убытки, еще 38 — минимальную прибыль³.

В сложившейся ситуации банки столкнулись с необходимостью повышать конкурентоспособность кредитных услуг

путем применения различных способов снижения уровня кредитного риска. К факторам, влияющим на уровень банковского риска при осуществлении кредитных операций (риска заемщика и риска портфеля), относятся и условия взаимодействия банка с предприятием-заемщиком. В связи с этим изучение влияния кредитных отношений «кредитор-заемщик», сотрудничество которых выходит за рамки разовых сделок, на уровень кредитного риска банка имеет особую актуальность. Необходимо отметить, что модель взаимоотношений коммерческого банка с клиентами-партнерами в современных условиях кардинально перестраивается. Банковский менеджмент выбрал для себя клиентоориентированную модель ведения бизнеса, в которой главное место отведено институту персональных менеджеров, а производимые банковские продукты трансформируются в более простые, нацеленные на массовую аудиторию и надежную «привязку» клиента к банку. Безусловной новацией является смена приоритетной цели банков: с капитализации на повышение рентабельности и эффективности бизнеса в условиях выживания.

Ключевую роль начинает играть ориентация на оптимизацию затрат, расходов и специализацию по одному или нескольким сегментам деятельности. Специализация в основном протекает по операциям, ориентированным на привлечение средств от населения и краткосрочное кредитование, а также по околограссчетным операциям. Инвестиционный банкинг и операции, связанные с долгосрочным вложением средств, пока являются недоступными. Позитивные ожидания относительно дальнейшего развития хотя бы некоторых секторов экономики будут способствовать активизации банковского кредитования промышленного производства. Перелом в ожиданиях способен обеспечить в первую очередь восстановительный рост компаний, ориентированных на внутренний спрос. Однако в ближайшей перспективе рынок, напротив, готовится к дальнейшему снижению кредитного качества заемщиков. По различным оценкам, доля проблемных кредитов, выданных банковским сектором, к концу 2009 г. вырастет с нынешних 10—14 % до 20—22 %⁴.

Набирает обороты еще одно инновационное преобразование — процесс консолидации бизнес-альянсов и отдельных совместных проектов с компаниями, ориентированными на

тот же сегмент клиентов, что и банки, но предлагающими другие виды услуг или продукты. Сейчас банки больше внимания уделяют детализированному изучению своего клиента. Поэтому многие предприятия по причине несоответствия основным требованиям банка и критериям сотрудничества не могут получить льготные условия сотрудничества. На фоне новых приоритетных направлений взаимодействия банковского и реального сектора экономики у банков сокращаются объемы кредитования и число клиентов. Следовательно, происходит реструктуризация доходной части кредитных организаций в сторону увеличения комиссионных доходов в общей структуре. Этому процессу содействует введение гибких тарифов на обслуживание в зависимости от типа клиента (предприятия), его финансового положения, потребностей.

Возвращаясь к региональному аспекту взаимоотношений банковского капитала с сектором нефинансовых корпораций, необходимо отметить, что устоявшаяся интеграция в виде устойчивого партнерства в новых условиях требует кардинальных изменений. Безусловно, региональные банки поддерживают своих проверенных партнеров, открывая им кредитные линии на выгодных условиях: приемлемая кредитная ставка, более долгий срок пользования кредитом, дальнейшая пролонгация займа. Однако идти на партнерское сотрудничество с аутсайдерами, имеющими трудности в своей деятельности, банки не спешат. Обычным явлением в отношениях с новыми предприятиями стали разовые кредиты с дорогим обеспечением и коротким сроком. Поэтому снижение входных барьеров в интеграцию банка-кредитора и предприятия-заемщика в форме устойчивого партнерства должно стать приоритетным направлением в трехстороннем альянсе (государственной, финансовой и производственной сфер). В связи с этим необходимо оздоровить инвестиционный климат в регионе, что незамедлительно отразится на повышении инвестиционного рейтинга Мордовии. Формирование новых интеграций является необходимым шагом в развитии реального сектора экономики региона.

Чтобы интеграция банка-кредитора и предприятия-заемщика в форме устойчивого партнерства давала высокий экономический эффект, необходимо качественное преобразование этого типа интеграции. Следует взять за основу

модель кластерной структуры. За последние годы в отечественной экономике сложились финансовые, торговые и посреднические структуры, способные стать звеньями кластера. Чтобы реализовать этот потенциал, они должны объединиться с предприятиями в достаточно жесткие, подчиненные общим целям и задачам системы. По определению В. Г. Медынского, кластер — это группа неконкурирующих между собой предприятий, объединенных общими интересами на основе взаимосвязей: поставщик сырья — производитель продукта — потребитель продукта⁵. Таким образом, в кластер могут входить предприятия-производители сырья, предприятия-поставщики электроэнергии, заводы по сборке, транспортные компании, оптовые и розничные организации-поставщики, магазины и т. д., при этом реализовывая различные управленческие принципы. Структура кластера позволяет отследить необходимую информацию по товарным потокам. Но для полной информации требуется знание финансового состояния каждого из партнеров этой структуры. Поэтому поиск банка-партнера, в задачу которого входило бы поддержание данной структуры в конкурентном состоянии и дальнейшее ее развитие, целесообразно начать на первом этапе формирования кластерной структуры. Таких банков может быть несколько, но тогда они должны составить группу по обслуживанию этой структуры.

Убедительным аргументом в пользу кластера служит создание взаимоувязанных структур, контролирующих рынок сбыта своей продукции. На этой базе возникает возможность для замены денежных форм расчетов на различные формы обязательств. Это существенно снижает потребность в оборотных средствах и позволяет образовать за их счет денежный резерв — реальный результат первого этапа структурирования. Практически параллельно или с небольшим лагом происходит минимизация налоговых отчислений.

Процесс совершенствования организационной структуры устойчивого партнерства необходим для повышения экономического эффекта от интеграции банковского и промышленного капиталов. Принципиальные изменения в организационной структуре, при которых доминантой станет банк, на наш взгляд, могут привести к качественному изменению взаимодействия финансового и производственного секторов.

Использование модели кластерной структуры в устойчивом партнерстве окажется эффективным, если банк не будет выступать пассивным партнером, т. е. заниматься лишь обслуживанием счетов и кредитованием отдельных сделок на общих основаниях. Необходимо расширять интересы кредитных институтов в рамках устойчивого партнерства в совместном определении порядка обращения финансовых документов для проведения внутренних расчетов, форм и масштабов товарных кредитов для нахождения оптимальных соотношений между финансовыми и материальными кредитами. Все это позволит банкам стать гарантом финансовых обязательств, снизить необходимый уровень оборотных средств, а в дальнейшем направить высвобожденные средства на инвестиционные нужды. Следовательно, банки должны быть не простыми кредитными или обслуживающими институтами, а призваны минимизировать необходимое количество оборотных средств и при этом добиваться минимума финансовых рисков внутри структуры.

Также инновационные преобразования позволят перейти к реализации комплексных схем финансирования с иницирующей ролью банка. В новых условиях целью интеграции должно стать сотрудничество, пусть на этом этапе преимущественно кредитное, с комплексом взаимосвязанных предприятий, имеющих относительно замкнутую экономическую структуру. В интеграции такого типа перед региональными банками встанет необходимость решения вопросов не только с менеджментом предприятий, но и со структурами региональной и федеральной власти разрабатывать схемы инвестирования, далеко выходящие за пределы связи «банк-предприятие». Таким образом, мы полагаем, что формирование и внедрение подобной интеграции с кластерной структурой на территории Мордовии и других регионов особенно актуально для активизации долгосрочного кредитования в целях модернизации экономики региона.

Доступ предприятия-заемщика к источникам долгосрочных заемных ресурсов, имеющих в распоряжении банковского сектора региона, может осуществляться разными способами:

— в форме долгосрочного финансирования региональным банком или филиалом крупного банка, головная организация которого находится в другом регионе, замкнутой производ-

ственной структуры, состоящей из крупного предприятия и ряда средних и мелких предприятий. Партнером банка выступает крупное предприятие (координатор инвестиционного проекта), осуществляющее в дальнейшем распределение финансовых потоков под своим контролем по предприятиям-сателлитам;

— в форме организации инвестиционного банковского пула, позволяющего не только увеличивать предельный размер предоставляемого заемщику кредита, но и диверсифицировать риски. Способы объединения средств могут быть самыми разнообразными.

Возможен также вариант использования принципов страховых компаний при страховании больших рисков, когда компания-оператор перестраховывает часть риска в других компаниях. Подобным образом банк, выдавший инвестиционный кредит, может получить возмещение части отвлеченных ресурсов в виде межбанковского кредита других банков в рамках соответствующего договора между ними. В этом случае межбанковский кредит (в отличие от сложившейся практики использования этого инструмента для краткосрочного поддержания ликвидности) будет использоваться для рефинансирования выдавшего инвестиционный кредит банка другими банками в соответствии со сроками и процентной ставкой этого инвестиционного кредита.

Учитывая модель кластерной структуры в усовершенствовании интеграции устойчивого партнерства, а также изменив подход к доминанте в организационной структуре экономической интеграции, мы предлагаем несколько перспективных вариантов финансирования, инициируемых кредитной организацией при взаимодействии банка с комплексом взаимосвязанных между собой предприятий для их адаптации в Мордовии.

Предположим, что банк кредитует предприятие обрабатывающей отрасли промышленности под введение дополнительных мощностей по переработке. Для скорейшего пуска нового производства и начала возврата вложенных банком средств ему логично предложить свои услуги по кредитованию расширения производства предприятий-потенциальных поставщиков сырья с условием направления части сырья для переработки на вводимые мощности предприятия-заемщика. Для этого проводится анализ потребите-

лей продукции вводимого комплекса. Среди них могут быть предприятия в различном финансовом состоянии, а также уже являющиеся клиентами банка. В случае их тяжелого финансового положения банк может принять участие в реструктуризации предприятий-потребителей для выделения работающих производств в отдельные юридические лица. При благоприятном экономическом состоянии банк может предоставить краткосрочные кредиты потребителям на пополнение оборотных средств для закупки продукции обрабатывающего производства, введенного в действие благодаря инвестиционному кредиту банка.

Кредитование предприятия-потребителя имеет смысл и в случае образования просроченной задолженности на предприятии-производителе при наличии на его складе ликвидной продукции, временно не находящей сбыта из-за отсутствия средств у потребителей. В этом случае банк должен быть уверен, что платежеспособность предприятия-потребителя выше, чем у предприятия-производителя, что полученный кредит будет потрачен предприятием-потребителем на закупку товара у предприятия-должника, а полученные последние средства от реализации продукции будут направлены на погашение просроченного кредита.

Косвенное кредитование заемщика с просроченным кредитом может быть проведено и с другой стороны производственного цикла — со стороны поставщика. Если предприятие-заемщик не может вернуть кредит вследствие неполной загрузки своих мощностей, то банк выдает кредит его поставщику для обеспечения производства заемщика материалами и комплектующими. Схема работоспособна, если выручка от реализации конечной продукции позволит предприятию-заемщику расплатиться с просроченным долгом и оплатить товарный кредит поставщику, который в свою очередь расплачивается с банком по краткосрочному кредиту. Банк должен быть уверен в финансовом состоянии предприятия-поставщика, поскольку размер предоставляемого ему краткосрочного кредита, скорее всего, будет превышать величину просроченного долга. В общем случае это соотношение будет зависеть от величины прибыли, полученной от реализации конечной продукции и направленной на погашение просроченного долга по сравнению со стоимостью сырья, используемого при производстве этой продукции.

Организация таких «цепочек» может быть поставлена на межрегиональную основу и производиться в масштабах страны, что выходит за пределы возможностей конкретного банка или группы банков. Методологической основой здесь может служить реализация принципа инвестирования тех отраслей, финансирование которых даст существенные положительные результаты экономического роста региона.

Таким образом, при взаимодействии с предприятием-партнером на основе устойчивого партнерства банк получает дополнительные возможности повысить точность оценки уровня кредитного риска, обеспечивается более высокая степень готовности заемщика выполнять условия кредитных соглашений, что позволяет снижать уровень кредитного риска. Более того, в рамках управления риском в банке целесообразно организовать принятие решений, связанных с установлением и прекращением отношений устойчивого партнерства в кредитной сфере с конкретным предприятием после оценки количественно выраженных достигнутых и (или) планируемых преимуществ, извлекаемых банком из партнерства с предприятием, а также проводить оценку прогнозируемой экономической эффективности предполагаемого использования заемщиком кредитных ресурсов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Совета по грантам Президента РФ для молодых ученых кандидатов наук (проект МК-1706.2009.6).

² См.: Тоцкий М.Н. Устойчивое партнерство коммерческого банка и предприятия-заемщика как способ снижения кредитного риска банка: дис. ... канд. экон. наук. Ростов н/Д, 2002. 200 с.

³ См.: Тридцать топ-банков России показали убытки // Рейтинговое агентство «Эксперт Ра». URL: <http://rokf.ru/banking/2009/09/22/093417.htm> (дата обращения: 15.10.2009).

⁴ См.: Тютюнник А.В. Какой будет российская банковская система после кризиса // Банковское дело. 2009. № 2. С. 22—27.

⁵ См.: Медынский В.Г. Инновационный менеджмент. М., 2002. 295 с.

Поступила 19.10.09.

С. А. БАРТАНОВ **ВЛИЯНИЕ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА НА ЭКОНОМИКУ РЕГИОНОВ ПРИВОЛЖСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА**

Ключевые слова: энергоресурсы; энергетический потенциал региона; кластерный анализ; экономическая дифференциация

Key words: power resources; power potential of the region; cluster analysis; economic differentiation

Основные направления экономической мысли имеют дело с «точечной» экономикой (экономикой без размеров)¹, хотя еще в 1826 г. И. Г. фон Тюнен ввел в научный оборот понятие «экономическое пространство»². Согласно современной трактовке, это насыщенная территория, вмещающая множество объектов и связей между ними: населенные пункты, промышленные предприятия, хозяйственно освоенные и рекреационные площади, транспортные и инженерные сети и т. д.³ Такое понимание экономического пространства, отражающего суть развиваемого в региональной экономике территориального подхода, близко к понятиям «пространственная (территориальная) структура экономики» и «пространственная (территориальная) организация хозяйства».

Наряду с плотностью, связностью, размещением экономическому пространству как территориальной (региональной) основе функционирования экономических процессов на всех идентифицированных структурных уровнях имманентно присуще свойство неоднородности, имеющей собственную динамику. Под неоднородностью (дифференциацией) экономического пространства обычно понимают межрегиональные различия общих уровней экономического развития (экономической активности) и уровней (качества) жизни.

Нарастающая дифференциация уровней экономического развития регионов влияет на структуру и эффективность национальной экономики, затрудняет проведение единой и успешной государственной социально-экономической поли-

БАРТАНОВ Сергей Александрович, аспирант отдела социально-экономического развития Мордовии НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия.

тики, угрожает экономическим основам целостности страны. Выявление причин и механизмов этой дифференциации представляет научный и практический интерес.

Экономическая деятельность и функционирование социальной сферы требуют соответствующего потребления топлива и энергии, роль которых за последнее столетие многократно возросла. Между ВРП и региональным потреблением энергоресурсов установлена сильная статистическая связь (коэффициент корреляции $r = 0,93$ значим на уровне $p = 0,01$). Региональные потребности в топливе и энергии удовлетворяются как за счет деятельности собственного топливно-энергетического комплекса, так и за счет закупок в других регионах. В силу этого энергоизбыточность может оказаться преимуществом, а энергодефицитность — сдерживающим фактором развития региональной экономики. На примере регионов ПФО с применением методов кластерного анализа выявлено влияние энергетического потенциала регионов на показатели их экономик.

Энергетический потенциал региона определяется вектором X в десятимерном пространстве параметров-признаков: X_1 — добыча природного газа, тут/чел. (тонн условного топлива на человека); X_2 — добыча нефти, тут/чел.; X_3 — добыча каменного угля, тут/чел.; X_4 — производство электроэнергии гидроэлектростанциями, тут/чел.; X_5 — производство электроэнергии атомными электростанциями, тут/чел.; X_6 — производство электроэнергии тепловыми электростанциями, тут/чел.; X_7 — производство бензина, тут/чел.; X_8 — производство дизельного топлива, тут/чел.; X_9 — производство мазута, тут/чел.; X_{10} — производство сжиженного газа, тут/чел. При расчете показателей энергетического потенциала регионов нами использовались официальные данные⁴. Первые пять параметров характеризуют добычу (производство) первичных, остальные — производимых на основе переработки первичных вторичных топливно-энергетических ресурсов.

Кластерный анализ осуществлялся в два этапа. На первом применялся иерархическо-агломеративный подход. Ввиду того, что он не имеет математико-статистического обоснования, возникает вопрос об устойчивости (неслучайности) получаемых результатов кластеризации. Поэтому для получения устойчивых результатов использовались раз-

личные правила объединения объектов при формировании кластеров: одиночной связи или принцип ближнего соседа, полных связей или принцип дальнего соседа, средней связи невзвешенный, центроидный невзвешенный, Уорда. В рамках каждого из них применялись различные метрики расстояния между объектами (кластерами) в многомерном пространстве признаков: евклидово расстояние, квадратичное евклидово расстояние, манхетенское расстояние, расстояние Чебышева, а также специальный класс метрических функций. В общей сложности были реализованы 35 вариантов кластеризации. Наиболее устойчивые (часто встречающиеся) объединения объектов приведены в табл. 1.

Таблица 1

Устойчивые объединения объектов в процессе кластеризации

Количество объединяемых объектов	Состав объединений*	Количество объединений
2	1—12	30
	2—3	35
	4—5	30
3	1—12—9	17
	2—3—8	29
	4—5—7	24
4	2—3—8—11	26
	4—5—7—10	17
5	2—3—8—11—6	25
6	2—3—8—11—6—14	25
7	2—3—8—11—6—14—13	21

* Номер объекта: 1 — Республика Башкортостан, 2 — Республика Марий Эл, 3 — Республика Мордовия, 4 — Республика Татарстан, 5 — Удмуртская Республика, 6 — Чувашская Республика, 7 — Пермский край, 8 — Кировская область, 9 — Нижегородская область, 10 — Оренбургская область, 11 — Пензенская область, 12 — Самарская область, 13 — Саратовская область, 14 — Ульяновская область

Самым устойчивым (18 случаев из 35) оказалось разбиение объектов на три кластера, каждый из которых включает более одного объекта. Из них в 11 случаях реализован вариант кластеризации, приведенный в табл. 2.

Дендрограмма одного из вариантов кластеризации приведена на рис. 1. По оси абсцисс представлены объекты (регионы), по оси ординат — значения расстояний, при которых происходит последовательное объединение объектов. Сопоставление с табл. 1 показывает, что все три кластера по своему составу представляют самые устойчивые объеди-

нения объектов. В трех случаях получена двухкластерная структура, в остальных — выделялись один или несколько однообъектных кластеров.

Таблица 2

Состав и характеристики кластеров

Номер кластера	Состав кластера	Модуль вектора X , тут/чел.	Усредненная по кластеру добыча ископаемых топливно-энергетических ресурсов, тут/чел.	Усредненное по кластеру производство электроэнергии на тепловых станциях, тыс. кВт*ч/чел.	Усредненное по кластеру производство нефтепродуктов, тут/чел.
1	Республика Марий Эл (2)*	0,612	0,44	2,13	0,41
	Республика Мордовия (3)	0,606			
	Кировская область (8)	0,505			
	Пензенская область (11)	0,358			
	Чувашская Республика (6)	0,783			
	Ульяновская область (14)	1,17			
Саратовская область (13)	4,049				
2	Республика Башкортостан (1)	6,25	2,99	4,32	4,26
	Самарская область (12)	6,471			
	Нижегородская область (9)	5,973			
3	Республика Татарстан (4)	11,849	12,3	6,22	0,96
	Удмуртская Республика (5)	9,408			
	Оренбургская область (10)	16,73			
	Пермский край (7)	8,73			

* Номер объекта соответствует номеру в табл. 1.

На втором этапе был применен итеративный метод «К-средних». Количество кластеров $K = 3$. Процесс кластеризации был реализован за две итерации. Состав полученных кластеров полностью совпадает с данными табл. 2. В табл. 3 приведены координаты центров полученных кластеров.

Евклидово расстояние между центрами первого и второго кластеров составило 1,68 тут/чел., второго и третьего — 2,5 тут/чел., третьего и первого — 3,14 тут/чел.

В первый кластер входят регионы с низким уровнем энергетического потенциала. Для довольно однородной группы из шести регионов (республики Марий Эл, Мордовия, Чувашия; Кировская, Пензенская и Ульяновская области) модуль вектора X находится в диапазоне 0,358—1,17 тут/чел. К ним примыкает Саратовская область, для которой модуль X равен

4,049 тунт/чел. Характерной особенностью кластера является то, что входящие в него регионы либо совсем не добывают первичные ископаемые топливно-энергетических ресурсов, либо добывают в сравнительно небольшом объеме (Пензенская область — 0,197 тунт/чел., Ульяновская область — 0,822 тунт/чел., Саратовская область — 1,105 тунт/чел.). Следствием этого является наиболее низкий уровень производства электроэнергии на тепловых электростанциях.

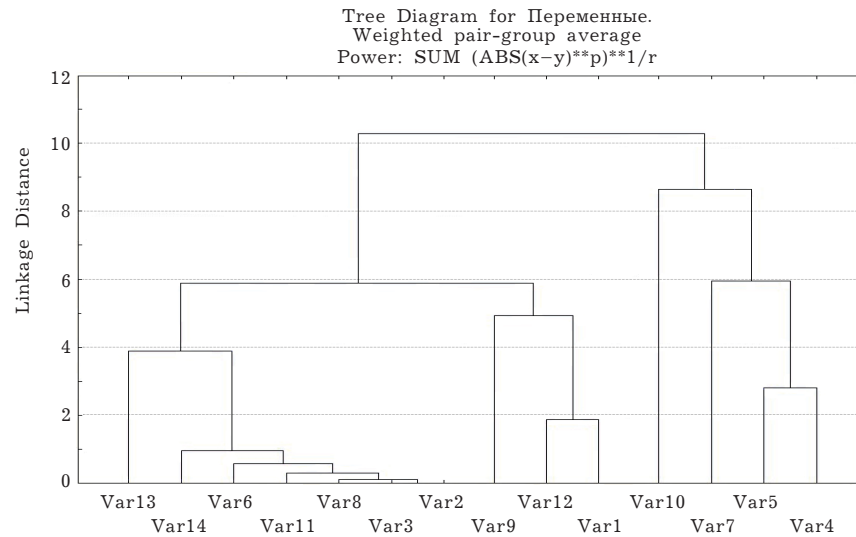

Рис. 1. Дендрограмма кластерного анализа

Второй кластер образуют регионы со средним уровнем энергетического потенциала. Для этих регионов модуль вектора X лежит в диапазоне 5,973—6,471 тунт/чел. Кластер характеризуется средним уровнем добычи первичных ископаемых топливно-энергетических ресурсов и, как следствие, средним уровнем производства электроэнергии на тепловых электростанциях. Характерной особенностью этого кластера является высокий уровень нефтепереработки. Причем в отличие от Республики Башкортостан и Самарской области нефтепереработка и производство электроэнергии на тепловых электростанциях в Нижегородской области полностью основаны на привозных первичных ресурсах.

Таблица 3

Кластеры	X_1	X_2	X_3	X_4	X_5	X_6	X_7	X_8	X_9	X_{10}
1	0,03	0,26	0,00	0,18	0,52	0,59	0,06	0,11	0,13	0,00
2	0,07	2,90	0,00	0,54	0,00	1,73	1,76	3,17	2,86	0,16
3	2,12	9,72	0,0015	0,30	0,00	2,34	0,47	1,15	0,63	0,49

Третий кластер включает регионы с высоким уровнем энергетического потенциала. Модуль вектора X регионов этого кластера находится в диапазоне 8,73—16,73 тунт/чел. Кластер отличается самыми высокими уровнями добычи первичных ископаемых топливно-энергетических ресурсов и производства электроэнергии на тепловых электростанциях. Для входящих в кластер регионов характерно более гармоничное сочетание производства первичных и вторичных энергоресурсов.

Усредненные по кластерам показатели экономического развития регионов приведены в табл. 4. Анализ табл. 2 и 4 показывает, что имеется прямая связь между энергетическим потенциалом региона, уровнем ВРП на душу населения и потенциалом (инвестиции в основной капитал на душу населения) его экономического развития. Причем разрыв между первым и вторым кластерами значительно больше, нежели между вторым и третьим.

Таблица 4

Кластеры	ВРП, тыс. руб./чел.	Инвестиции в основной капитал, тыс. руб./чел.	Стоимость промышленно-производственных фондов, тыс. руб./чел.	Объем промышленной продукции, тыс. руб./чел.	Объем экспорта, тыс. долл./чел.
1	57,46	18,08	37,84	56,62	0,331
2	101,35	25,59	84,52	150,70	1,618
3	116,00	30,81	101,71	151,34	1,623

О роли энергетического потенциала свидетельствует и сравнительная экономическая динамика кластеров в разрезе рассматриваемых макроэкономических показателей (рис. 2, 3). По уровню ВРП третий кластер переместился со второй позиции на первую, обозначилась тенденция его дальнейшего отрыва от остальных кластеров. Доля первого кластера, оставаясь самой низкой, имеет тенденцию к дальнейшему

снижению. Что касается инвестиций в основной капитал, то по этому показателю имеет место положительная динамика долей второго и третьего кластеров на фоне существенного сокращения доли первого (рис. 3). Характерно, что начавшаяся в 2001 г. некоторая возрастание этой доли не только не привело к росту доли кластера в ВРП ПФО, но сопровождалось неуклонным снижением последней.

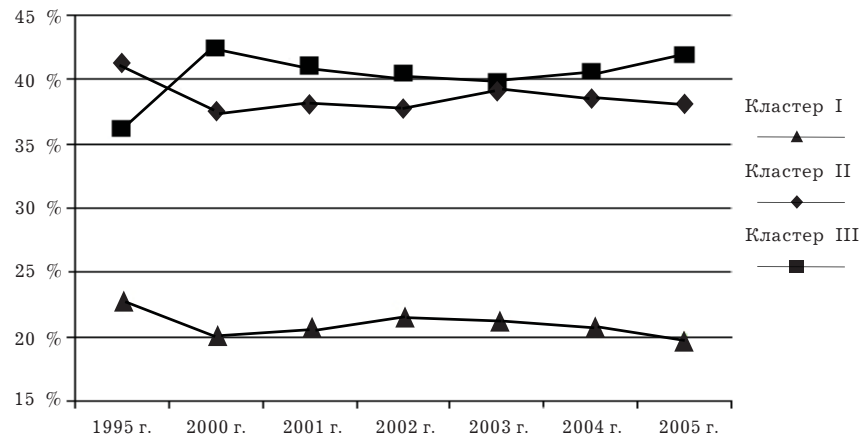

Рис. 2. Динамика долей кластеров в объеме ВРП ПФО

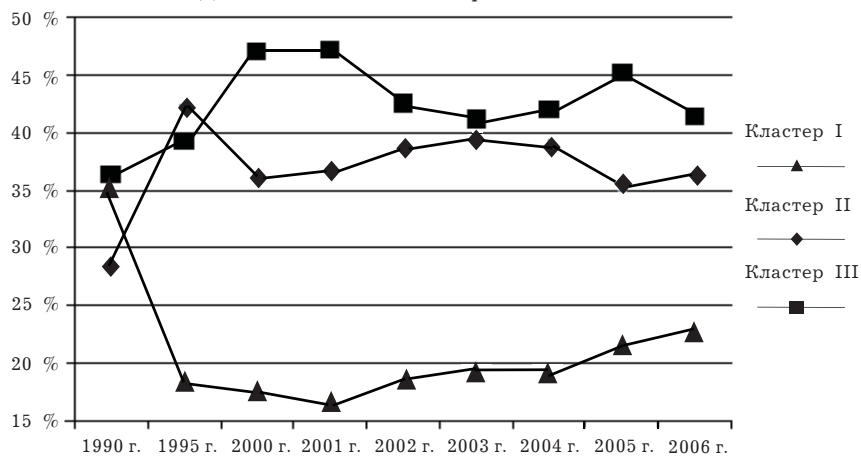

Рис. 3. Динамика долей кластеров в объеме инвестиций в основной капитал ПФО

В кластерах с большим энергетическим потенциалом имеется и более развитый промышленный потенциал. В расчете на душу населения там производится примерно в 3 раза больше промышленной продукции. При этом доля промышленности в ВРП первого кластера составляет 28,46 %, второго — 42,92 %, третьего — 50,61 %. Промышленная продукция, производимая в регионах третьего кластера, характеризуется самой высокой долей добавленной стоимости — 47,6 % (при 35,6 % в первом и 34,9 % во втором). Регионы первого кластера почти в пять раз отстают от остальных регионов округа по объему экспорта в расчете на душу населения.

Влияние энергетического потенциала на уровень экономического развития регионов прослеживается и внутри первых двух кластеров. В первом кластере по уровню ВРП на душу населения только Саратовская (64,63 тыс. руб./чел.) и Ульяновская (61,44 тыс. руб./чел.) области превышают среднее по кластеру значение. Регионы характеризуются наибольшими в своем кластере величинами модуля вектора X . Во втором кластере среднее значение ВРП на душу населения превышает в Самарской области (125,91 тыс. руб./чел.), характеризующейся наиболее высокой величиной модуля вектора X . В третьем кластере такой зависимости не отмечено.

Основываясь на вышеизложенном, можно судить об усилении неоднородности экономического пространства РФ. При этом между ВРП и региональным потреблением энергоресурсов существует приближающаяся к функциональной статистическая связь. По уровню энергетического потенциала регионы ПФО структурируются в 3 кластера. Анализ выявил прямую связь между энергетическим потенциалом региона и уровнем, а также потенциалом его экономического развития, что следует оценивать как одну из причин неоднородности экономического пространства страны.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Путь в XXI век: стратегические проблемы и перспективы Российской экономики / науч. ред. Д.С. Львов. М.: Экономика, 1999. 793 с.

² См.: Тюнен И.Г. фон Изолированное государство. М.: Экономическая жизнь, 1926. 321 с.

³ См.: Гранберг А.Г. Основы региональной экономики: учебник для вузов. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 495 с.

⁴ См.: Регионы России. Социально-экономические показатели, 2007: стат. сб. М.: 2007. 981 с.; ТЭК и экономика регионов России: в 7 т. / под ред. В.В. Бушуева. М.: ИД «ЭНЕРГИЯ», 2007. Т. 1. 517 с., Т. 2. 315 с., Т. 3. 378 с., Т. 4. 450 с., Т. 5. 193 с., Т. 6. 363 с., Т. 7. 256 с.

А. Ч. КОКОВ

А. М. АПЕКОВ

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЦЕНОВОЙ ПОЛИТИКИ В ЭЛЕКТРОЭНЕРГЕТИЧЕСКОМ КОМПЛЕКСЕ СЕВЕРОКАВКАЗСКИХ РЕСПУБЛИК

Ключевые слова: регион; электроэнергетика; опыт; развитие; ценообразование; индекс физического объема; традиционная продукция; структура промышленности

Key words: region; electric power; experience; development; pricing; index of actual volume; traditional production; structure of industry

Социально-экономические преобразования не могли не сказаться на состоянии экономики Северокавказских республик. Произошло падение производства во всех отраслях хозяйства региона, сократился объем ВРП и национального дохода, ухудшилась финансовая ситуация, возросли неплатежи. В первые годы реформ спад промышленного производства в Северокавказских республиках имел обвальный характер, реакция производителей на рост цен оказалась неадекватной. Вместо прогнозируемой «отбраковки» неэффективных производств началась примитивизация структуры производства при одновременном росте его ресурсоемкости.

КОКОВ Артур Чаримович, докторант отдела управления региональной экономикой Института информатики и проблем регионального управления КБНЦ РАН, кандидат экономических наук (г. Нальчик).

АПЕКОВ Амин Мусабиевич, главный специалист Управления по экономике и финансам местной администрации Лескенского района Кабардино-Балкарской Республики (с. Анзорей).

Одной из основных причин, определивших такое развитие экономических процессов в начальный период реформы, явилось противоречие между формирующимся хозяйственным механизмом и инерционным характером производительных сил, сформировавшихся в условиях централизованного планирования. Внеся изменения в производственные отношения, реформа в значительно меньшей степени затронула сферу материального производства. Это противоречие стало главным фактором, определившим неадекватную реакцию производства на рост цен. Повышение цен не только не способствовало увеличению уровня производства, но и привело к его существенному сокращению¹.

В 1998—2007 гг. практически во всех субъектах ЮФО наблюдался рост в отраслях промышленности. Вместе с тем сопоставление данных индекса физического объема с уровнем рентабельности промышленных предприятий позволяет говорить лишь об относительной устойчивости и сбалансированности экономического роста в этой сфере материального производства. Здесь сохраняется высокий удельный вес убыточных предприятий, не согласующихся с динамизмом, показанным отраслью в целом в последние годы. Очевидно, что экономический рост промышленности обеспечивается немногими предприятиями².

Существующая отраслевая структура промышленности Северокавказских республик включает машиностроение и металлообработку; химическую и нефтехимическую, черную и цветную металлургию; приборостроение; электротехническую и электронную промышленность. Проблемой экономики Северокавказских республик остается незначительная выработка собственной электроэнергии (менее 30 % от потребления) при огромных гидроэнергетических возможностях. Наряду с реализацией этого потенциала в республиках изыскиваются возможности расширения источников энергии.

Оценивая состояние экономики республик Северного Кавказа в целом и Кабардино-Балкарии в частности, особенности развития ее отраслей, следует подчеркнуть, что скорейшее оздоровление хозяйственно-финансовой ситуации, лучшая адаптация к новым рыночным условиям во многом зависят от электроэнергетической отрасли. Для увеличения объема производства дешевой электроэнергии и снижения тарифов на нее, привлечения инвестиций, направляемых на органи-

зацию производства электроэнергии, и обновления активов необходима реализация ряда мероприятий, призванных повысить инвестиционный рейтинг Северокавказских республик и, в частности, электроэнергетической отрасли.

Компаниям, выпускающим на рынок товар, нужны производства, работающие на внутреннего потребителя (например, у производителя пластмассовых изделий — собственный участок по производству пресс-форм). Такие производства не находятся в конкурентной среде, следовательно, перед владельцами бизнеса встает задача оценивать эффективность и качество внутреннего производителя не по рыночным механизмам. На электроэнергетическом рынке региона покупатель пока не может выбирать поставщика товара. У владельца квартиры нет возможности оценивать качество электроэнергии. Следовательно, государство должно создать условия для появления у покупателя возможности приобрести столько товара, сколько ему необходимо, а также инструмента, позволяющего устанавливать справедливую цену на товар, произведенный электроэнергетической компанией. В этом контексте целью государства при контроле за ценообразованием на электроэнергию является его предоставление по справедливой цене, а не контроль прибыли или себестоимости его работ. Ограничивая производителя и сбытовика электроэнергии прибыль, государство делает как минимум две ошибки: снижает инвестиционную привлекательность и уменьшает его возможную инновационную деятельность.

Представим, что государство установило рекомендованную цену на электроэнергию (такая практика существует в ряде рыночных экономик, в частности, в США и Японии). Например, рекомендованная цена на электроэнергию на 2009 г. составляет 2 руб. за 1 кВт. При этом для тех энергоснабжающих организаций (назовем их эффективными производителями), которые установят цену за свою электроэнергию менее чем 1,5 руб., не требуется показывать свою прибыль и доказывать затраты. Те, кто пожелает установить цену от 1,5 до 2 руб. (назовем их среднеэффективными производителями), должны продекларировать свои затраты и прибыль. Государство может проверить обоснованность их затрат и установить цену исходя из результатов проверки. Те, кто захочет установить цену выше 2 руб. (неэффектив-

ные производители), должны доказать обоснованность своих затрат и уровень прибыльности. Через год после введения такого механизма, собрав статистику цен, сложившуюся за 2009 г., можно, взяв среднюю, принять ее за справедливую цену на 2010 г.

Например, если неэффективный производитель электроэнергии просит утвердить цену за киловатт в размере 2,2 руб., по всем параметрам он относится к группе эффективных производителей, а его неэффективность определяется повышенным параметром на стоимость топлива (больше чем в категории на 0,4 руб. на киловатт), то после проверки обоснованности цены на электроэнергию следует утвердить его цену за киловатт в размере 2,2 руб.

Предлагаемый механизм ценообразования имеет определенные достоинства: он снижает администрирование (не надо контролировать производителей, назначающих цену за электроэнергию ниже рекомендованной), позволяет этой группе производителей получать прибыль, стимулирует их повышать свою эффективность.

Существуют некоторые дополнительные условия эффективного управления предприятиями электроэнергетики. Следует помнить, что цена должна отражать количественные и качественные характеристики товара, произведенного генерирующим предприятием. Здесь важно создание условий, при которых электроэнергетическое предприятие не сможет манипулировать количеством и качеством товара (не соблюдать требуемые технологические режимы). Беда в том, что эти механизмы в России не действуют, так как в подготовке методик по определению цен на электроэнергию государство в качестве экспертов привлекает не специалистов по государственному управлению, а ее производителей. До недавнего времени не было частных владельцев энергогенерирующих компаний, а менеджмент всегда заинтересован в росте затрат (собственных зарплат и т. д.).

Когда в ценах на электроэнергию мы вплотную подходим к средневропейской, когда у многих ее производителей появились частные хозяева, очевидна востребованность нового механизма ценообразования. В этих условиях актуализируется механизм, при котором интересы собственников и государства совпадут, когда цены на электроэнергию будут справедливыми, а отрасль станет эффективной.

Имея статистические данные об эффективных, среднеэффективных и неэффективных производителях электроэнергии, государство может принимать решение об утверждении цены, превышающей рекомендованную для «неэффективного» производителя, исходя из сравнения его параметров со средними по отрасли и категориям. Не менее важно то, что такая статистика позволит собственникам объективно оценивать эффективность производителей и принимать соответствующие управленческие решения, направленные на ее повышение. Результатом должно стать снижение издержек на производство и сбыт электрической энергии под влиянием конкурентного механизма ценообразования. Это должно дать возможность решить проблему изношенности основных производственных фондов и увеличить мощности электроэнергетики посредством повышения инвестиционной привлекательности отрасли и привлечения финансовых ресурсов. Рост инвестиций как одной из составляющих ВВП приведет к его росту на душу населения.

Наибольшая часть произведенной в России электроэнергии приходится на промышленность — 59,0 %, на долю населения и жилищно-коммунального хозяйства — 22,8 %. Существует прямая взаимосвязь между уровнем ВВП и объемом производства электрической энергии. Объем потребления на собственные нужды одного человека в Европе в 8 раз больше, чем в России. Это говорит о низком уровне благосостояния населения. Объем потребления формируется за счет использования бытовой техники, техники больших мощностей, больших площадей квартир и домов, электрического отопления жилых домов и пр. Оплата электроэнергии населением в пределах социально обоснованной нормы потребления производится по установленному тарифу. Для потребления сверх этой нормы существует более высокий тариф. Российское государство делает систему оплаты за электроэнергию прогрессивной, т. е. с увеличением объемов потребления растет стоимость единицы энергии. Человек стремится уложиться в социально обоснованный объем, чтобы не платить более высокую цену, что сдерживает рост объемов потребления электроэнергии населением³.

В России установление тарифов осуществляется организацией, которая регулирует деятельность по итогам рассмотрения материалов, предоставленных энергетической

организацией. При этом ориентиром является предельный уровень тарифа на электроэнергию и уровень доходности инвестированных капиталов. В начале каждого года регулирующий орган устанавливает тариф на следующий год в каждом регионе РФ. В большинстве европейских стран цена на электроэнергию (тариф) свободна и определяется посредством спроса и предложения. В России сетевые предприятия-монополисты устанавливают цены на передачу электроэнергии самостоятельно, учитывая требования местной администрации. Главное требование регулирующего органа — получение прибыли. Для каждой энергетической организации этот уровень определяется отдельно. Данная мера стимулирует энергетические предприятия к снижению издержек. Следовательно, повышается эффективность, поскольку вся прибыль остается у предприятия.

В Российской электроэнергетике практикуется перекрестное субсидирование между группами потребителей. Тарифы для населения, бытовых и бюджетных организаций на много ниже, чем для промышленных предприятий. Затраты на передачу электроэнергии для последних ниже, так как снабжение их электроэнергией осуществляется на высоком классе напряжения. Следовательно, происходит меньшее количество трансформации и затрат на их передачу. Тариф ниже фактической себестоимости устанавливается для населения, поскольку их доходы находятся на низком уровне, и оно не способно платить на уровне экономически обоснованного тарифа. Сельхозпроизводителям устанавливается льготный тариф в связи с тем, что они поддерживаются государством. Промышленные предприятия по причине перекрестного субсидирования платят выше экономически обоснованного уровня.

За последние три года наблюдается снижение размеров перекрестного субсидирования, т. е. темп прироста тарифа для населения был больше, чем темп прироста для промышленности. В европейских странах отсутствует перекрестное субсидирование, а также не используется подобная группировка потребителей, как в России. Для населения устанавливается наибольший тариф, для энергоемких организаций — наименьший. Информация по тарифам для групп потребителей находится в открытом бесплатном доступе и регулярно обновляется. Таким образом, чем выше уровень

напряжения, к которому присоединен потребитель, тем ниже для него тариф. По нашему мнению, это является экономически оправданным, поскольку расходы на транспортировку электроэнергии на высоком напряжении ниже.

Мировая практика и опыт формирования тарифов на электроэнергию в России свидетельствуют, что они должны быть для населения в 1,6—2,5 раза выше, чем для крупных промышленных потребителей, получающих электроэнергию на высоком напряжении⁴. На наш взгляд, необходима отмена перекрестного субсидирования. При его замене промышленные предприятия получают значительные снижения затрат и дополнительный импульс к развитию и расширению. Но ликвидация перекрестного субсидирования приведет к росту тарифов для населения, так как на них приходится основной объем субсидирования. Это чревато увеличением социальной напряженности и снижением уровня жизни.

Изучение опыта функционирования электроэнергетической отрасли развитых стран позволяет сделать вывод, что отмена перекрестного субсидирования даст положительный эффект, но при этом должен быть выполнен ряд условий: отмена перекрестного субсидирования должна проходить поэтапно; должно быть повышение доходов и уровня жизни населения; в зависимости от уровня доходов потребителя необходима дифференциация тарифов на электроэнергию для населения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Гукетлов Ю.Х. Транспортная интеграция субъектов крупного региона (на примере ЮФО) // Региональная экономика. 2008. № 21. С. 34—37.

² См.: Балаева С.И. Влияние инвестиционных процессов на формирование продовольственного рынка Южного федерального округа // Региональная экономика. 2008. № 7. С. 45—47.

³ См.: Электроэнергетика России: проблемы реформирования и развития // Энергия: экономика, техника, экология. 2007. № 1. С. 19—23.

⁴ См.: Туменов А.А. Рынок электроэнергии: от монополии к конкуренции // Энергорынок. 2005. № 9. С. 48—57.

Поступила 27.07.09.

З. А. ШАРАФУТДИНОВА

РЕНТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИИ РЕГИОНА

Ключевые слова: земельные отношения; земельный налог; арендная плата; земельная рента; абсолютная рента; дифференциальная рента I и II

Key words: land relations; land tax; rent; land rent; absolute rent; differentiated rent of types I and II

Реформирование земельных отношений на современном этапе экономических и социальных преобразований в России предполагает формирование многоукладного платного землепользования. Передел земельной собственности стал необходим для преодоления проблем, возникших в аграрном секторе экономики, в особенности в сфере землепользования. Поскольку земельные отношения характеризовались бесплатностью, государственной монополией на землю, землепользователи не были заинтересованы в ответственном к ней отношении, повышении ее плодородия. Это выражалось в низкой эффективности хозяйствования.

Попытка изменить эту ситуацию была предпринята при создании основ нового земельного строя с ликвидацией государственной монополии на землю, осуществлением перехода к многообразию форм земельной собственности, проведением бесплатного перераспределения земли в пользу граждан, введением платного землепользования.

В основу приватизации сельскохозяйственных земель и иной собственности коллективных хозяйств был положен принцип социально справедливого уравнительного распределения, в рамках которого предусматривалась передача на безвозмездной основе в собственность членам трудовых коллективов, а также работникам социальной сферы села и

ШАРАФУТДИНОВА Зульфия Альбертовна, младший научный сотрудник сектора региональной экономики Института социально-экономических исследований Уфимского научного центра Российской академии наук.

пенсионерам усредненных земельных долей и имущественных паев.

Бесплатная приватизация земель сельскохозяйственного назначения обеспечила наделение сельскохозяйственными угодьями только граждан. Организации, созданные на базе бывших колхозов и совхозов, оказались без земли. Они должны были сформировать земельные ресурсы заново, привлекая участки и земельные доли, находящиеся в собственности граждан и государства.

В Республике Башкортостан за последние годы в основном решена задача перераспределения земель для обеспечения условий равноправного развития всех форм хозяйствования. Земельный фонд республики в 2008 г. составлял 14 294,7 тыс. га. Социально-экономические преобразования привели к значительным изменениям в структуре земельного фонда. Доля земель, находящихся в государственной и муниципальной собственности в структуре земельного фонда республики, составляет 84,2 %, или 12 029,9 тыс. га. В собственности граждан находятся 2 263,6 тыс. га, или 15,8 %, земельного фонда республики, а в собственности юридических лиц — 1,2 тыс. га.

Из 2 264,8 тыс. га земель, находящихся в частной собственности, 2 216,5 тыс. га (97,9 %) приходятся на земли сельскохозяйственного назначения. В 2008 г. доля этих земель составила 2 216,4 тыс. га (28,7 %), в собственности юридических лиц — 0,1 тыс. га (0,001 %). Оставшиеся 5 517,1 тыс. га земель этой категории предоставлены гражданам и юридическим лицам в пожизненное наследуемое владение, постоянное и срочное пользование¹. Таким образом, значительная часть земель сельскохозяйственного назначения находится в руках частных землепользователей, на которых в первую очередь направлено регулирующее воздействие земельно-имущественных преобразований.

Несмотря на то, что проводимая земельная реформа обеспечила формирование многоукладности в сельском хозяйстве, переход земель к эффективно хозяйствующим землепользователям осуществляется медленно. Так, в Башкортостане сохраняется тенденция изъятия продуктивных земель из сельскохозяйственного оборота. С 2005 по 2008 г. общая площадь сельскохозяйственных угодий сократилась на 6,4 тыс. га. Наиболее ценная составляющая сельско-

хозяйственных угодий (пахотные земли) за этот период уменьшилась на 7,5 тыс. га. Продуктивные сельскохозяйственные земли передавались под застройку, размещение транспортных коммуникаций, для промышленного и внутрихозяйственного строительства и т. п.²

Серьезной проблемой землепользования является обостряющееся противоречие между интересами землепользователей и возможностью сохранения полезных свойств земельных ресурсов. О масштабах и остроте этой проблемы свидетельствует анализ состояния земельных ресурсов, проведенный в рамках Республиканской целевой программы «Развитие земельной реформы в Республике Башкортостан на 2001—2005 годы». Так, уровень экологически допустимого воздействия на землю в ряде регионов республики превышен, существует реальная угроза полного истощения и загрязнения земель. Значительную опасность представляют эрозия почв (4,7 млн га, или 64 % сельхозугодий; 1,4 млн га эрозионно опасны), истощение плодородного слоя (ежегодно теряются около 0,6 т гумуса на 1 га, на черноземных почвах — до 0,9 т), повышенная кислотность почв (1 446 тыс. га), заболачивание и переувлажнение земель (206 тыс. га земель сельскохозяйственного назначения), деградация пастбищ и сенокозов (около 50 % их площади), техногенное загрязнение земель. Вышеизложенное свидетельствует о необходимости дальнейшего совершенствования земельных отношений в Башкортостане.

Анализ современного состояния АПК позволяет сделать вывод, что ухудшение качества земли, а также снижение плодородия почвы за последние годы связаны не столько с переходом к многообразию форм собственности, сколько с возникающими противоречиями между собственниками земли и хозяйствующими на ней субъектами по поводу присвоения получаемого дохода.

По мнению С. И. Сая, земельный фонд участвует в общественном воспроизводстве одновременно в качестве природного фактора и товара. Соответственно, общественные интересы в отношении земли можно условно разделить на две группы: интересы по поводу эффективного освоения природных свойств земельного ресурса и интересы по поводу товарно-денежных параметров земельной собственности. В рыночной экономике земля приобретает форму товара и

может служить объектом имущественных сделок, результаты которых в той или иной мере способны ущемить интересы других людей и общества в целом. Поэтому введение рыночных отношений предъявляет повышенные требования к системе государственного учета и регистрации земельных участков, контролю за их правовым статусом и действующими обременениями, оборотом земли и ее рациональным использованием. Последнее предполагает, что часть дохода, который способен генерировать земельный участок в силу своего местоположения, природных свойств и улучшений, не обусловленных хозяйственной деятельностью владельца, может служить источником удовлетворения общественных потребностей в виде рентных платежей³.

Чтобы интересы общества и землевладельца совпадали и были ориентированы на эффективное использование земельных ресурсов, необходимо установление обоснованной величины земельного налога и арендной платы на рентной основе.

Рента как экономическая категория является результатом функционирования системы экономических отношений рыночного хозяйства. Присвоение ренты — экономическая форма, в которой реализуется земельная собственность. Рента сложна по своей структуре и состоит из абсолютной и дифференциальной ренты I и II. Абсолютная рента порождена монопольным правом на землю как объект собственности. Собственник при этом несет издержки по соблюдению юридических процедур и поддержанию права собственности, а также выплачивает налоги. Источником дифференциальной ренты является разная производительность труда работников, обусловленная объективными обстоятельствами (плодородием и технологическими свойствами земельных участков). Величина дифференциальной ренты определяется как разница между общественной стоимостью и индивидуальными затратами на производство сельскохозяйственных продуктов.

Различают две формы дифференциальной ренты. Основой возникновения дифференциальной ренты I выступают различия в естественном плодородии земли и природно-климатических условиях производства, а также различия в местоположении. Соответственно, различают дифференциальную ренту I по плодородию и дифференциальную ренту I по местоположению.

Условием образования дифференциальной ренты II являются различия в производительности труда в результате добавочных вложений в производство. Она представляет собой доход хозяйств, ведущих более интенсивное производство. В результате внедрения новой техники и новых сортов растений, интенсивных технологий, биотехнологий, повышения культуры земледелия происходит повышение экономического плодородия земли. Таким образом, дифференциальная рента II появляется в условиях интенсификации производства⁴.

Земельный налог, арендная плата и земельная рента как экономические категории тесно взаимосвязаны. Широко обсуждаются вопросы обеспечения рационального распределения, перераспределения и использования рентных доходов в соответствии с их экономической сущностью и функциональным предназначением. Часть ренты можно оставлять в распоряжении коллективов предприятий для стимулирования более рационального использования земельных и других ресурсов, а также интенсификации производства. В виде налога предлагается изымать только дифференциальную ренту I, а дифференциальную ренту II оставлять в распоряжении трудовых коллективов. Однако можно в форме земельного налога изымать всю сумму ренты.

Для обеспечения наиболее эффективного использования земли, преодоления дифференциации доходов, недопущения образования латифундий и класса рантье система налогообложения земли должна быть построена следующим образом. Если собственник земли является одновременно и производителем сельскохозяйственной продукции, то возможно оставление ему абсолютной, дифференциальной ренты II, а также средней нормы прибыли. Абсолютная рента должна доставаться ему как землевладельцу в качестве формы экономической реализации земельной собственности. Дифференциальная рента II должна оставаться у него как у производителя в соответствии с ее функциональным предназначением. В этой ситуации у собственника должна изыматься только дифференциальная рента I. Эта часть ренты составит основу земельного налога. Если собственник сельскохозяйственной земли сам не использует эту землю, а сдает ее в аренду или пользование, то после уплаты в бюджет земельного налога в виде дифференциальной ренты I ему останется абсолютная рента.

Согласно Налоговому кодексу РФ, организации и физические лица, обладающие земельными участками на праве постоянного (бессрочного) пользования или пожизненного наследуемого владения, являются налогоплательщиками земельного налога⁵. Землепользователи и землевладельцы владеют и пользуются земельными участками в отличие от арендаторов бессрочно или пожизненно. Но сущность земельных отношений при аренде у землепользователей, землевладельцев с государством одинакова и характеризуется разведением земли в качестве объекта собственности и объекта хозяйствования. Кроме того, экономическая сущность платежа арендатора, землевладельца и землепользователя одинакова — абсолютная рента и дифференциальная рента I. В этом случае платеж, уплачиваемый землевладельцами и землепользователями, можно обозначить как арендную плату. После ее уплаты у этих участников земельных отношений остаются средняя норма прибыли и дифференциальная рента II.

Система налогообложения земли в сельском хозяйстве, обусловленная различиями в доходах в форме земельной ренты, связанной с качеством и местоположением земельных участков, эффективностью добавочных вложений в землю, будет стимулировать рациональное использование земли.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Государственный (национальный) доклад о состоянии и использовании земель в Республике Башкортостан в 2008 году. Уфа: Изд-во «Мир печати», 2009. С. 196.

² Там же.

³ См.: Сай С.И. Земельно-имущественный комплекс России как объект регулирования // Общество и экономика. 2001. № 7—8. С. 170—182.

⁴ См.: Петров В.И. Оценка стоимости земельных участков: учеб. пособие / под ред. М.А. Федотовой. М.: КНОРУС, 2007. С. 139.

⁵ См.: Налоговый кодекс Российской Федерации. М.: Статут, 2009. С. 723.

Поступила 31.08.09.

Н. Н. СЕМЕНОВА

БЮДЖЕТНОЕ ФИНАНСИРОВАНИЕ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА РЕГИОНА¹

Ключевые слова: бюджетное финансирование; государственная поддержка; субсидия; сельское хозяйство; Республика Мордовия

Key words: budget financing; state support; subsidy; agriculture; the Republic of Mordovia

Бюджетная политика оказывает существенное влияние на развитие сельского хозяйства, которое в силу производственно-экономических и природно-климатических условий, сезонности производства, низкой отдачи капиталовложений не может обходиться без поддержки государства. Необходимость бюджетной поддержки сельского хозяйства обусловлена также необходимостью обеспечения продовольственной безопасности страны.

Государственная поддержка сельского хозяйства в РФ регламентируется Федеральным законом от 29 декабря 2006 г. № 264-ФЗ «О развитии сельского хозяйства», в Республике Мордовия — Законом от 26 декабря 2001 г. № 63-З «О государственной поддержке сельского хозяйства». В системе государственной бюджетной поддержки сельского хозяйства в РМ можно выделить три направления получения сельскохозяйственными предприятиями средств из федерального, республиканского и местного бюджетов (рисунок).

В оказании сельскому хозяйству Мордовии государственной бюджетной поддержки за 2004—2008 гг. очевидна тенденция роста. Государственное финансирование из различных бюджетов увеличивается с каждым годом. Так, общий объем бюджетных средств в 2008 г. по сравнению с 2004 г. увеличился на 865 576 тыс. руб., или 33,5 % (таблица).

Удельный вес финансирования сельского хозяйства из федерального бюджета за 2008 г. составил 48,2 %, что на 42,4 % выше уровня 2004 г. За последние 5 лет существен-

СЕМЕНОВА Надежда Николаевна, доцент кафедры финансов и кредита Мордовского государственного университета, кандидат экономических наук.

но сократилась доля регионального бюджета в финансировании отрасли (почти 2 раза). Роль местных бюджетов в финансировании сельского хозяйства мала (в среднем за 5 лет — 5,7 %). Больше количество средств в виде субсидий предоставляет федеральный бюджет. Его средства идут на поддержку племенного животноводства, элитного семеноводства, производства конопли, шерсти; компенсацию части затрат, связанных с удорожанием промышленной продукции и услуг (компенсацию части расходов хозяйств на дизельное топливо, приобретение химических средств защиты растений, выплаты процентной ставки по кредитам, затраты на страхование посевов и др.).

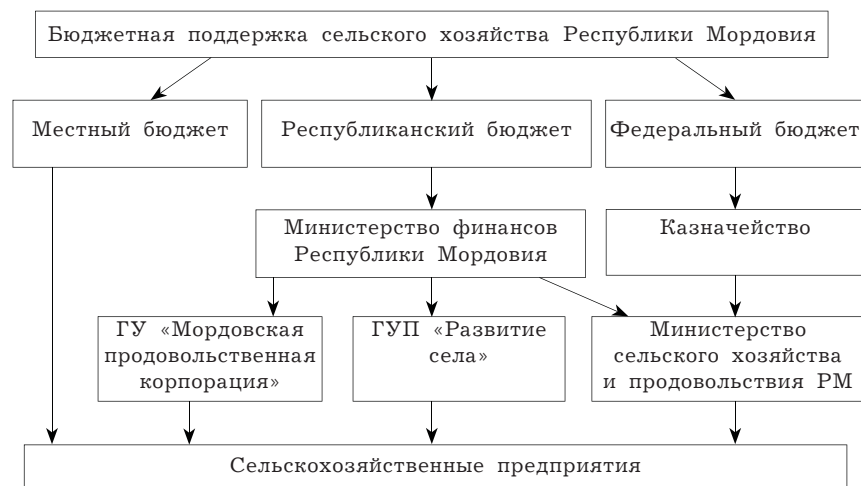

Рисунок. Схема государственной поддержки сельского хозяйства Республики Мордовия

Таблица

Динамика бюджетного финансирования сельского хозяйства РМ, тыс. руб.²

Источник финансирования	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.
Федеральный бюджет	150628	254740	453063	668735	1662563
Региональный бюджет	2346773	878177	820315	565315	1645944
Местный бюджет	86629	89131	99075	102607	141009
Всего	2584030	1222048	1372453	1586981	3449606

Следует отметить, что уровень государственной поддержки из федерального бюджета по сравнению с 2004 г. увеличился в 11 раз. Большая часть средств федерального

бюджета выделяется в виде субсидий. Их общий объем в 2008 г. составил 907 559 тыс. руб.

Анализ бюджетной поддержки развития животноводства из федерального бюджета свидетельствует о том, что пока она является недостаточной, но имеет выраженную тенденцию к росту. За период с 2004 по 2007 г. удельный вес расходов государства на мероприятия по развитию животноводства существенно не менялся (1,7 % — в 2004 г., 2,2 % — в 2005 г., 0,8 % — в 2006 г., 1,1 % — в 2007 г.). Но в 2008 г. произошло существенное увеличение бюджетного финансирования развития животноводства. Сумма средств на развитие животноводства за анализируемый период увеличилась в 56 раз (в 2008 г. были выделены 140 340 тыс. руб., что на 137 842 тыс. руб. больше, чем в 2004 г.). В 2008 г. из федерального бюджета были выделены субсидии на комбикорма в размере 120 979 тыс. руб.

Средства, выделяемые из федерального бюджета на развитие растениеводства, носят циклический характер: 2004 г. — 13 048 тыс. руб., 2005 г. — 9 829 тыс. руб., 2006 г. — 14 064 тыс. руб., 2007 г. — 10 385 тыс. руб. и 2008 г. — 36 235 тыс. руб. За 2004—2008 гг. произошло увеличение финансирования этой статьи в 2,8 раза. Следует отметить, что величина субсидий на поддержку элитного семеноводства сократилась в 3 раза. На компенсацию части затрат по страхованию урожая сельскохозяйственных культур из федерального бюджета в 2008 г. были выделены 30 549 тыс. руб., что в 18 раз больше, чем в 2004 г.

В республике действует Федеральная целевая программа «Социальное развитие села до 2010 года», в рамках которой финансируются мероприятия по развитию газификации и водоснабжения, а также общеобразовательных учреждений в сельской местности. В 2004 г. на развитие газификации были выделены 10 700 тыс. руб., в 2008 г. — всего 5 840 тыс. руб. Расходы на мероприятия по развитию водоснабжения в 2008 г. по сравнению с 2004 г. увеличились в 2,4 раза. С 2006 г. из федерального бюджета начинают выделяться средства на мероприятия по развитию сети общеобразовательных учреждений в сельской местности и по противопожарной защите сельского хозяйства.

В 2004—2005 гг. действовала Федеральная целевая программа «Повышение плодородия почв земель на 2002—2005 гг.». В рамках реализации этой программы были выделены сред-

ства на сумму 91 138 тыс. руб. С 2006 г. начала действовать программа «Сохранение и восстановление плодородия почв земель сельскохозяйственного назначения и агроландшафтов как национального достояния России на 2006—2010 гг.». Из федерального бюджета в рамках программы были выделены средства только в 2008 г. в сумме 239 029 тыс. руб.

В структуре расходов федерального бюджета на сельское хозяйство наибольший удельный вес принадлежит субсидиям на поддержку сельскохозяйственного производства (в среднем за 5 лет — 66 %).

Закон РМ «О государственной поддержке сельского хозяйства» предусматривает категорию субсидий в рамках поддержки программ и мероприятий по развитию животноводства (поддержка племенного животноводства и производства животноводческой продукции), растениеводства (поддержка элитного семеноводства и производства продукции растениеводства). Из республиканского бюджета юридическим лицам и крестьянским (фермерским) хозяйствам предоставляются субсидии и на компенсацию части затрат по повышению плодородия почв, в том числе по известкованию кислых почв; проведению технических работ, агрохимического обследования почв сельскохозяйственного назначения; содержанию и ремонту внутрихозяйственных мелиоративных систем; проведению проектно-изыскательских работ.

Кроме того, следует отметить, что из республиканского бюджета предоставляется субсидия юридическим лицам и крестьянским (фермерским) хозяйствам, вынужденным вести производство в относительно худших природных условиях, на компенсацию части затрат по производству и реализации сельскохозяйственной продукции. В основу расчета субсидии закладывается размер средней дифференциальной ренты с 1 га пашни по группам почв с различными агропроизводственными характеристиками. При этом правом на получение субсидий обладают юридические лица и крестьянские (фермерские) хозяйства, имеющие расчетную абсолютную отрицательную массу дифференциальной ренты по сравнению с дифференциальной рентой в среднем по Мордовии.

Общий объем средств, выделенных из регионального бюджета на развитие животноводства, в 2008 г. составил 124 211 тыс. руб., что в 1,5 раза больше, чем в 2004 г. Причем удельный вес этих расходов в общей совокупности

расходов регионального бюджета на сельское хозяйство за анализируемый период заметно увеличился (с 3,5 % в 2004 г. до 13,5 % в 2007 г.). В 2008 г. произошло снижение удельного веса этой статьи расходов в расходах регионального бюджета на сельское хозяйство в целом на 6 % по сравнению с 2007 г.

Субсидии на поддержку племенного животноводства за 2004—2008 гг. заметно уменьшились: в 2005 г. по сравнению с 2004 г. — на 44 %; в 2007 г. по сравнению с 2006 г. — на 39 %. В целом за 5 лет размер субсидий на поддержку племенного животноводства увеличился почти в 1,5 раза и составил в 2008 г. 24 467 тыс. руб.

Самый высокий уровень государственной поддержки программ и мероприятий по развитию растениеводства из регионального бюджета наблюдается в 2005 г. — 43 556 тыс. руб., что в 1,5 раза больше показателя 2008 г. — 28 658 тыс. руб. и в 1,4 раза больше показателя 2007 г. — 13 516 тыс. руб. С 2004 по 2008 г. сумма субсидий на поддержку элитного семеноводства сократилась в 1,5 раза.

Из регионального бюджета наибольшее количество средств на компенсацию части затрат по страхованию урожая сельскохозяйственных культур было выделено в 2008 г. — 7 635 тыс. руб., что в 4 раза больше, чем в 2005 г. В 2004 г. субсидии не выделялись.

В рамках реализации программы «Социальное развитие села до 2010 г.» в 2008 г. были выделены 368 912 тыс. руб., что почти в 17 раз больше, чем в 2004 г. Значительное количество средств выделяется на мероприятия по улучшению жилищных условий граждан, проживающих в сельской местности. Следует отметить, что наибольшее количество средств было выделено в 2006—2007 гг. (161 367 тыс. руб. и 157 955 тыс. руб. соответственно). В 2008 г. были выделены 91 590 тыс. руб. На мероприятия по развитию газификации и водоснабжения средства выделялись только в 2008 г. в сумме 14 257 тыс. руб. и 108 895 тыс. руб. соответственно. На мероприятия по обеспечению противопожарной защиты сельского населения средства были выделены только в 2007 г. в размере 2 340 тыс. руб. За другие годы финансирование этой статьи не осуществлялось.

В рамках Федеральной целевой программы «Повышение плодородия почв земель на 2002—2005 гг.» в 2004—

2005 гг. было выделено средств на сумму 69 046 тыс. руб. По программе «Сохранение и восстановление почв земель сельскохозяйственного назначения и агроландшафтов как национального достояния России на 2006—2010 гг.» из регионального бюджета были выделены средства в размере 179 937 тыс. руб. Причем объем выделенных средств в 2008 г. вырос по сравнению с 2006 г. почти в 7 раз.

В целом в структуре государственной поддержки сельского хозяйства из регионального бюджета наибольший удельный вес в 2008 г. занимают субсидии на поддержку сельскохозяйственного производства (33,9 %), прочие субсидии (35,1 %) и расходы по целевым программам (30,9 %).

Помимо субсидий из республиканского бюджета, с 2002 г. в Мордовии реализуется практика финансирования сельского хозяйства за счет средств местных бюджетов. Так, из местных бюджетов республики предоставляются следующие виды субсидий:

— юридическим лицам и крестьянским (фермерским) хозяйствам (на сохранение и увеличение поголовья скота; поддержку производства животноводческой продукции, рыбы прудовой и реализацию этой продукции заготовительным и перерабатывающим организациям; компенсацию части затрат по приобретению зерновых культур, производству и реализации картофеля);

— владельцам личных подворий (за реализацию мяса крупного рогатого скота, мяса и молока, нетелей и телок для обновления дойного стада коров; содержание в личных подворьях дойного стада коров сверх установленного минимума; содержание в личных подворьях свиноматок; компенсацию части затрат граждан по приобретению зернофуража, осеменению скота, ветеринарному, зоотехническому обслуживанию скота). За 2004—2008 гг. объем средств, выделяемых сельскому хозяйству из местных бюджетов, увеличился в абсолютном значении на 15 978 тыс. руб.

Основной проблемой, связанной с распределением бюджетных средств, является определение необходимого уровня субсидирования сельского хозяйства. На наш взгляд, необходимо определять потребность в бюджетных субсидиях с учетом простого или расширенного воспроизводства по нормативу субсидий на 1 га сельскохозяйственных угодий, на поголовье или по нормативу от стоимости валовой про-

дукции сельского хозяйства. Например, для обеспечения расширенного воспроизводства (10 %) объем бюджетного финансирования должен составлять 310—320 млрд руб., или 20 %, от стоимости валовой продукции сельского хозяйства. Фактический объем бюджетного финансирования сельского хозяйства страны составляет 60—80 млрд руб., что недостаточно для расширенного воспроизводства.

Если использовать предложенный норматив в размере 20 % от стоимости валовой продукции сельского хозяйства, то бюджетное финансирование отрасли в республике должно составлять в 2004 г. — 1,1 млрд руб., 2005 г. — 1,4 млрд руб., 2006 г. — 1,8 млрд руб., 2007 г. — 2,3 млрд руб., 2008 г. — 3,3 млрд руб. Только в 2004 г. и 2008 г. уровень бюджетного финансирования отрасли обеспечивал возможность осуществления сельскохозяйственными товаропроизводителями расширенного воспроизводства.

Таким образом, анализ уровня бюджетного финансирования сельского хозяйства в Республике Мордовия позволяет сделать вывод о том, что ситуация в регионе меняется в лучшую сторону: за последние годы увеличивается государственная поддержка. При этом в финансировании сельского хозяйства главную роль играют федеральный и региональный бюджеты. Однако государство не всегда способно вовремя и в полном объеме финансировать аграрный сектор.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Статья опубликована при финансовой поддержке РГНФ и Правительства РМ (проект № 08-02-23211 а/В).

² Здесь и далее используются данные Министерства сельского хозяйства и продовольствия Республики Мордовия.

Поступила 04.09.09.

Л. С. РАУЖИНА

ПОСЛЕВОЕННОЕ РАЗВИТИЕ КООПЕРАТИВНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В РЕГИОНЕ

Ключевые слова: потребительская кооперация; потребительское общество; кооперативная промышленность; горкоопторг; предприятия Мордовпотребсоюза; производство; товары широкого потребления

Key words: consumer co-operation; consumer society; co-operative industry; co-operative trade; enterprises of Mordovia Consumer Society; production; consumer goods

Анализ проблем потребительской кооперации Мордовии во второй половине 40—50-х гг. XX в. связан с состоянием народного хозяйства СССР. Экономика страны, особенно на территории, подвергшейся оккупации, была основательно подорвана. За 4 года войны оказались уничтоженными 30 % национального богатства. Более половины жилищного городского фонда не подлежало восстановлению, треть домов сельских жителей была безвозвратно потеряна. Концентрация усилий на военном производстве привела к снижению ресурсов населения и производства товаров народного потребления.

В стране переходный период от войны к миру был недолгим. В сентябре 1945 г. упразднили Государственный Комитет Оборона и его функции передали Совнаркому СССР. Экономика постепенно переводилась в мирное русло. Приоритет отдавался развитию тяжелой промышленности, что вело к снижению благосостояния народа. Восстановление нормальной жизни происходило под идеологическим контролем, в условиях обнищания населения, неурожая, засухи 1946 г., прекращения поставок зерна из США и, как следствие, голода на юге страны. «Вторая мировая война завершилась разгромом фашистской Германии. Победа, завоеванная невиданным героизмом нашего народа на фронте

РАУЖИНА Людмила Семеновна, старший преподаватель кафедры товароведения и технологий торговых процессов Саранского кооперативного института.

и величайшим самопожертвованием в тылу, была использована руководством страны для восстановления довоенного уровня развития экономики государства. В этих целях был проведен ряд социально-экономических мер во всех сферах жизни общества, включая и кооперацию»¹.

В 1946 г. принят «Закон о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946—1950 гг.», направленный на скорейшую ликвидацию последствий войны. В нем были сформулированы задачи, предусматривающие восстановление довоенного уровня промышленности и сельского хозяйства и их дальнейшее развитие. Потребительская кооперация страны, в том числе и Мордовии, должна была в тот период увеличить объем розничного товарооборота государственной и кооперативной торговли; на протяжении 1946—1947 гг. обеспечить переход от нормированного снабжения по карточкам к развернутой торговле; осенью 1946 г. отменить карточки на хлеб, муку, крупу и макаронные изделия; увеличить в 1950 г. по сравнению с 1940 г. рыночные фонды товаров государственной кооперативной торговли, в том числе мясных и рыбных продуктов, сахара и кондитерских изделий, хлопчатобумажных, шерстяных и шелковых тканей, кожаной обуви; увеличить производство и продажу населению товаров широкого потребления; с 1946 г. организовать розничную торговлю лесоматериалами, железом, гвоздями, кирпичом, стеклом и другими строительными материалами; расширить сеть частных и восстановить сеть колхозных рынков².

После победы над фашистской Германией неотложными задачами государства, в том числе и потребкооперации Мордовии, стали восстановление довоенного уровня развития экономики и его превышение в последующие годы; создание новой системы распределения товаров, снабжения населения; расширение экономических связей между городом и деревней.

В соответствии с Постановлением Совета министров Мордовской АССР от 9 ноября 1946 г. президиум Мордовпотребсоюза восстановил выборность органов управления и контроля потребительских обществ³.

В послевоенный период потребительская кооперация Мордовии динамично развивалась. Обновилась материально-техническая база Мордовпотребсоюза, что сыграло положи-

тельную роль при переходе в конце 1947 г. от карточной системы к свободной торговле. Товарооборот потребкооперации республики превысил довоенный уровень. Основные ее задачи в послевоенные годы определялись потребностями и нуждами сельского хозяйства. Росла самостоятельность кооперации, хотя в финансовом отношении она все еще зависела от деятельности государства и решений партии.

24—26 февраля 1948 г. проходил III Республиканский съезд потребительской кооперации Мордовии, на котором были обсуждены доклады президиума и ревизионной комиссии Мордовпотребсоюза о работе за 1947 г. В выступлении председателя правления были отмечены положительные и негативные стороны работы мордовской кооперации, намечены практические шаги по улучшению ее деятельности. Предполагалось увеличить производство товаров широкого потребления на предприятиях потребкооперации, закупки и заготовки продуктов и сырья; расширить торгово-розничную сеть⁴.

В результате улучшения деятельности предприятий системы потребкооперации ее розничный товарооборот превысил довоенный уровень. Значительно больше, чем до войны, стало кооперативных предприятий общественного питания и хлебопечения.

Послевоенное реформирование народнохозяйственного комплекса не вело к изменению системы управления. Однако оно дало некоторую свободу руководителям отраслей народного хозяйства, включая и кооперацию. Так, 25 марта 1958 г. Правление Центросоюза СССР приняло постановление № 76 «О расширении прав членов потребительских обществ и правлений кооперативов». Теперь обычное собрание пайщиков само решало, когда и какие предприятия должны быть построены с учетом имеющихся у них денежных и материальных ресурсов.

Середина 50-х гг. XX в. ознаменована преобразованиями в экономической политике в сторону социальной ориентации хозяйственной деятельности. В это время существенно возрастает значение потребительской кооперации. Было принято решение увеличить производство товаров народного потребления на предприятиях промышленности потребкооперации⁵. Правительство страны в целях дальнейшего развития сельского хозяйства в 3 раза повысило закупочные цены на

сельхозпродукцию, снизило налог с личного приусадебного участка. С середины 50-х гг. XX в. в системе потребительской кооперации произошли значительные перемены: в сельской местности от государственных органов системе потребкооперации были переданы заготовки шерсти, кожевенного сырья, пушнины, каракуля и металлического лома.

25—26 мая 1954 г. состоялся IV Республиканский съезд потребительской кооперации, на котором были подведены итоги работы системы Мордовпотребсоюза за 1948—1954 гг. и намечены перспективы ее развития⁶.

За период между III и IV съездами (с 1948 по 1954 г.) потребкооперация Мордовии внесла существенный вклад в развитие производства, особенно промышленности республики, ориентируя ее на увеличение товаров народного потребления. Более того, из года в год, особенно со второго полугодия 1953 г., значительно возрос товарооборот потребкооперации. В 1953 г. по сравнению с 1948 г. он увеличился на 78,6 %, при этом сельское население Мордовии получило товаров на 261 млн руб. больше, чем в 1948 г. В республике за 1948—1953 гг. количество магазинов, лавок, столовых увеличилось на 324 единицы, в систему потребкооперации пришли профессионально подготовленные кадры⁷. В 1948—1953 гг. было организовано 7 предприятий, в том числе 3 автобазы, 2 межрайбазы, стройуправление и горкоопторг по комиссионной торговле. Розничный план товарооборота вместе с общественным питанием в 1953 г. по сравнению с 1948 г. вырос в 2,8 раза⁸.

За период 1948—1953 гг. оборот потребительских обществ достиг более 27 млн руб., основные средства составили 10,8 млн руб.⁹, т. е. в целом потребкооперация Мордовии на протяжении ряда лет работала рентабельно. За этот период произошло 7 снижений розничных цен на промышленные и продовольственные товары, увеличилось количество торговых предприятий с 1 280 до 1 568, предприятий общественного питания — со 135 до 171; хлебопечения — с 113 до 120¹⁰. Была развернута кооперативная торговля в городах и поселках продовольственными и промышленными товарами, увеличено производство продовольствия и товаров широкого потребления местными промышленными предприятиями.

В конце 50-х — начале 60-х гг. значительно усилились заготовительные функции потребкооперации. Большое вни-

мание уделялось подготовке кадров, назрела необходимость подготовки кадров на территории Мордовии. Именно в этот период в республике были открыты торгово-кооперативная школа и кооперативный техникум.

Таким образом, предприятия промышленности Мордов-потребсоюза осуществляли производство промышленных и продовольственных товаров. В исследуемый период потребительская кооперация республики развивала различные направления производственной деятельности: изготовление колбасных, хлебобулочных изделий; увеличение выпуска безалкогольных напитков; швейное, обувное производство. Значительное развитие получило щепное производство в связи с тем, что после войны вернувшиеся с фронта солдаты вновь отстраивали свои дома.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Очерки истории потребительской кооперации Республики Мордовия / Саранский кооперативный ин-т; под ред. Б.Ф. Кевбрина. Саранск: Тип. «Красный Октябрь», 1996. С. 47.

² ЦГА РМ. Ф. Р-11. Оп. 1. Д. 293. Л. 27—36.

³ См.: История потребительской кооперации Республики Мордовия: учеб. пособие / под общ. ред. Б.Ф. Кевбрина; Саранский кооперативный ин-т. Саранск: Тип. «Красный Октябрь», 2005. С. 101.

⁴ Центральный государственный архив Республики Мордовия (далее — ЦГА РМ). Ф. Р-11. Оп. 1. Д. 339. Л. 110—111.

⁵ См.: Очерки истории потребительской кооперации Республики Мордовия ... С. 53.

⁶ Там же.

⁷ См.: Кевбрина О.Б. Истоки кооперативного образования в Мордовии // Регионология. 2006. № 4. С. 338—345.

⁸ ЦГА РМ. Ф. Р-11. Оп. 1. Д. 346. Л. 140.

⁹ ЦГА РМ. Ф. Р-11. Оп. 1. Д. 1071. Л. 7.

¹⁰ ЦГА РМ. Ф. Р-11. Оп. 1. Д. 1071. Л. 147—148.

Поступила 12.10.09.

Т. А. КУЗНЕЦОВА, А. А. ТАШКИНОВ, С. И. ПАХОМОВ

МЕЖВУЗОВСКАЯ КООПЕРАЦИЯ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОГРАММ ПОДГОТОВКИ НАУЧНЫХ КАДРОВ

Ключевые слова: качество образования; научные кадры; межвузовская кооперация; компетентностная модель; эффективность образовательных программ

Key words: quality of education; scientific personnel; inter-university co-operation; competence model; efficiency of educational programme

Современному этапу развития перспективных направлений науки, техники и технологий свойственно усиление интегративных процессов, обеспечивающих решение междисциплинарных проблем. При этом традиционный подход к подготовке специалистов в рамках одного направления (специальности) становится неэффективным. Необходимое качество подготовки научных кадров может быть достигнуто за счет активизации межвузовской кооперации, обеспечивающей создание многофункциональной научно-образовательной инфраструктуры и позволяющей формировать эффективную систему подготовки конкурентоспособных научных кадров по перспективным направлениям науки, техники и технологий.

Межвузовская кооперация является формой образовательного и исследовательского взаимодействия вузов на основе объединения интеллектуальных, материально-технических и информационных ресурсов для развития образовательной, научной и инновационной совместной деятельности. Межвузовская кооперация создает условия для усиления

КУЗНЕЦОВА Татьяна Александровна, декан факультета дистанционных образовательных технологий Пермского государственного технического университета, кандидат технических наук, доцент.

ТАШКИНОВ Анатолий Александрович, первый проректор Пермского государственного технического университета, доктор физико-математических наук.

ПАХОМОВ Сергей Иванович, заместитель начальника Управления аттестации научных и научно-педагогических работников Рособнадзора, доктор химических наук.

фундаментальной составляющей образования в решении задач в смежных областях знаний и на стыках наук, где наиболее вероятно появление научных открытий и прорывных технологий; обеспечения приоритетности исследовательской и практической составляющей подготовки научных кадров, необходимых для эффективного решения научных и прикладных задач, создания и трансфера инновационных технологических разработок в производство; повышения эффективности ресурсообеспечения образовательного и научно-исследовательского процесса.

Кооперирование вузов осуществляется в соответствии с принципами, принятыми Международным кооперативным альянсом (International Co-operative Alliance, ICA)¹. Дополнительными принципами межвузовской кооперации в подготовке научных кадров по перспективным направлениям науки, техники и технологий являются единство образовательного, научного и инновационного процесса в вузе; обеспечение академической свободы; интернационализация образования; расширение академической и научной мобильности; поддержка долгосрочных партнерских отношений в образовательной и научной деятельности; сохранение традиций и эволюционное развитие национальной системы образования².

Межвузовская кооперация как система обладает достаточно сложной структурой. Она может строиться по двум моделям: простой (гетерогенной, прямой) и сложной (органической, предполагающей специализацию) кооперациям. Могут быть выделены два профиля межвузовской кооперации: горизонтальная (внутриотраслевая) и вертикальная (межотраслевая). Межвузовская кооперация может разделяться по типу, определяемому объединяемыми ресурсами: материально-техническая, кадровая, структурно-организационная. Кроме того, она может различаться по виду в зависимости от характера совместной деятельности, например, образовательная, научно-исследовательская, производственная, инновационная. В рамках образовательной кооперации вузы могут реализовать совместные программы по двум и более смежным специальностям (дуальные или сопряженные), в рамках научно-исследовательской — комплексные научные проекты на стыке наук, в рамках производственной и инновационной — сотрудничать в опытно-конструкторской

и внедренческой деятельности (в том числе на созданных малых инновационных предприятиях при вузах).

В отличие от интеграции, предполагающей слияние различных организаций, сотрудничество на кооперативной основе строится на сохранении экономической и юридической самостоятельности участников кооперации.

Межвузовской кооперации присущ ряд особенностей: договорной характер кооперирования, долгосрочность установленных связей, комплексный характер сотрудничества. Основными механизмами эффективной межвузовской кооперации являются специализация (основа разделения труда), концентрация (обобществление ресурсов), диверсификация (многообразие связей). К основным методам кооперирования (формирования межвузовских связей) относят методы подрядного кооперирования, взаимной частичной специализации, программный и др. В международной практике широко применяются аутсорсинг (outsourcing) и субконтрактинг (subcontracting).

Существующий опыт российских и зарубежных вузов показал, что основная ценность межвузовского кооперирования состоит в формировании соответствующей среды для решения сложных образовательных и научно-технических проблем на стыке наук и смежных специальностей подготовки. Структурные признаки образовательной среды определяются моделями, профилями, типами и видами кооперации, а также оказывают непосредственное воздействие на структуру и содержание академического и исследовательского компонентов программ подготовки научных кадров.

Сформированная в ходе кооперирования вузов образовательная, исследовательская и инновационная среда во многом определяет эффективность и качество подготовки научных кадров. В связи с этим актуальной задачей является выявление степеней влияния тех или иных структурных признаков формируемой среды (видов и типов межвузовской кооперации) на эффективность и качество подготовки научных кадров. При этом качество подготовки определяется системой формируемых компетенций, а эффективность — степенью приближения этой системы к эталонной (необходимой и достаточной для решения определенных проблем на стыке наук).

Мы выявили уровень воздействия различных видов и типов межвузовской кооперации на качество подготовки

научных кадров, взяв данные Пермского государственного технического университета и используя соответствующую методику³. Обобщенная многомерная матричная модель межвузовской кооперации может быть задана двумерной моделью $M1(j,k)$, где j — вид кооперации, k — тип кооперации.

Компетентностная модель $M2(l,q,p)$, разработанная в соответствии с методикой, имеет трехмерную структуру. Элементы модели $m_{2,lpq}$ определяют p -компоненту q -вида l -компетенции выпускника. В частности, в предложенном Макете Федерального государственного образовательного стандарта ВПО по направлениям подготовки (бакалавр, магистр, специалист) предлагается рассматривать компетенции двух типов: универсальные⁴ (или общекультурные⁵) и профессиональные, каждый из которых включает несколько видов. Для универсальных (общекультурных) компетенций — это социально-личностные, общенаучные, инструментальные виды. Для профессиональных компетенций различают общепрофессиональные компетенции, а также определяемые видом деятельности выпускников: производственно-технологические, организационно-управленческие, научно-исследовательские, проектные. При подготовке специалистов система формируемых компетенций дополняется их профессионально-специализированным видом. В свою очередь каждый вид компетенций характеризуется наличием компонентов — знаний, способностей, умений, готовностей, владений, навыков, мотиваций.

В соответствии с используемой методикой отношения элементов моделей $M1$ и $M2$ определялись количественно с применением метода экспертных оценок.

Исследование показало, что при формировании социально-личностных и общенаучных компетенций уровень влияния образовательной кооперации превышает уровень влияния научно-исследовательской (в 3 раза) и производственно-инновационной кооперации (в 1,5 раза). Для формирования инструментальных компетенций наиболее эффективны производственно-инновационная и научно-исследовательская межвузовские кооперации (уровень их влияния почти в 2 раза превышает влияние образовательной кооперации). При формировании профессиональных компетенций наибольшую эффективность имеют научно-исследовательский и производственно-инновационный виды межвузовской кооперации.

В частности, при формировании производственно-технологических и организационно-управленческих компетенций уровень влияния производственно-инновационной кооперации превышает уровень влияния образовательной кооперации в два раза, а научно-исследовательской — в 1,5 раза. При формировании научно-исследовательских компетенций наиболее эффективна научно-исследовательская межвузовская кооперация, уровень влияния которой превышает соответствующий показатель для производственно-инновационной кооперации в 1,7 раза.

Таким образом, образовательная кооперация вузов наиболее эффективна при формировании общенаучных, научно-исследовательской и производственно-инновационной — инструментальных и научно-исследовательских компетенций выпускников.

Анализ влияния типов кооперации на формирование компетенций выпускников показал, что для формирования социально-личностных и общенаучных компетенций наиболее эффективна структурно-организационная кооперация, уровень влияния которой превышает уровень влияния материально-технической кооперации в 3 раза, кадровой — в 1,4 раза. При формировании инструментальных компетенций возрастает уровень влияния материально-технической кооперации вузов (в 1,8 раза по отношению к структурно-организационной и в 1,2 раза — кадровой кооперации). При формировании производственно-технологических и организационно-управленческих компетенций более эффективна структурно-организационная кооперация, уровень влияния которой превышает соответствующие показатели для кадровой кооперации в 2 раза, для материально-технической — в 1,8 раза применительно к производственно-технологическим компетенциям и в 5 раз — организационно-управленческим. Формирование научно-исследовательских компетенций целесообразно производить на основе материально-технической кооперации, уровень влияния которой превышает уровень влияния структурно-организационной в 1,7 раза, кадровой — в 1,3 раза.

Таким образом, кадровая кооперация наиболее эффективна при формировании инструментальных, общенаучных и научно-исследовательских компетенций. Материально-техническая межвузовская кооперация эффективна при

формировании инструментальных и научно-исследовательских компетенций, структурно-организационная — общенаучных и организационно-управленческих компетенций выпускников.

В целом можно сделать вывод о том, что для эффективного формирования универсальных социально-личностных компетенций следует развивать образовательную кооперацию кадрового и структурно-организационного типа, для формирования универсальных инструментальных компетенций, определяющих владение технологиями, методами профессиональной и научной многопрофильной деятельности, — научно-исследовательскую и производственно-инновационную кооперацию вузов преимущественно материально-технического типа. Профессиональные компетенции эффективно формируются на основе научно-исследовательской и производственно-инновационной кооперации структурно-организационного типа, причем для формирования производственно-технологических и научно-исследовательских компетенций велик уровень влияния материально-технической межвузовской кооперации.

Проведенное исследование показало, что обоснованный выбор тех или иных видов, типов и организационных форм межвузовской кооперации, производимый исходя из конкретных условий, позволяет эффективно влиять на формируемые компетенции выпускников вузов и, следовательно, на качество подготовки научных кадров.

Межвузовская кооперация обеспечивает необходимую среду для взаимообмена кадровыми ресурсами, методическими разработками и материально-техническими активами научно-образовательных структур. Взаимодействие вузов на основе кооперации обеспечивает условия для эффективной реализации образовательных программ на стыке областей знаний, совмещения фундаментальных и прикладных исследований, вовлечения молодых ученых к выполнению проектов по приоритетным направлениям науки, техники и технологий и тем самым способствует повышению эффективности и качества подготовки научных кадров.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: ICA International Co-operative Alliance. URL: <http://www.ica.coop/al-ica> (дата обращения: 16.09.2009).

² См.: Международные правовые акты и документы по развитию европейской интеграции в образовании и исследованиях: европейское образовательное пространство: от Лиссабонской конвенции о признании до Болонского процесса / под ред. Г.А. Лукичева. М., 2004. 384 с.

³ См.: Петров В.Ю., Кузнецова Т.А. Влияние процессов интеграции образования и науки на формирование компетенций выпускников вуза // Высш. образование в России. 2008. № 10. С. 7—14.

⁴ См.: Макет ФГОС ВПО по направлениям подготовки (бакалавр, магистр, специалист). URL: <http://www.edu.ru/db/portal/spe> (дата обращения: 10.08.2009).

⁵ См.: Проекты ФГОС высшего профессионального образования. URL: <http://mon.gov.ru/pro/fgos/vpo> (дата обращения: 18.09.2009).

Поступила 29.09.09.

Н. А. ЧЕКАНИНА

РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ФИНАНСИРОВАНИЯ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

Ключевые слова: высшее образование; сметная стоимость; денежные средства; механизм финансирования; финансовые ресурсы; бюджетное финансирование

Key words: higher education; cost estimate; monetary funds; mechanism of financing; financial resources; budget financing

Система финансирования высшей школы России является многоканальной. Новые экономические условия вызвали необходимость изменения механизма формирования и использования финансовых ресурсов вузами, структуры финансовых потоков, возникновения новых источников финансирования высшего профессионального образования. Существенными остаются различия между ведущими и вновь образованными университетами, центральными и периферийными.

Система образования РФ сформировалась в условиях плановой экономики. На современном этапе развития общества система образования соответствует, с одной стороны, структуре и механизмам рыночного хозяйства, с другой — условиям значительно более децентрализованной политической системы, где основной массив по выбору приоритетов и распределению ресурсов перемещается в регионы, расширяется поле приложения индивидуальной активности всех членов общества и, следовательно, требуется учет социальных факторов и национальных интересов. Принцип региональности в системе образования в последнее время приобретает все большее значение. Это связано в первую очередь с общей тенденцией децентрализации всех сторон жизни общества, повышением роли и значения регионов в политическом и экономическом отношениях, увеличением доли местных бюджетов.

ЧЕКАНИНА Наталья Александровна, аспирант кафедры экономики и логистики Мордовского государственного университета.

Оценивая состояние современного российского университетского образования, можно отметить, что изменения, происходившие в развитии высшей школы, в своем большинстве позитивны. Сейчас предпринимаются шаги в устранении дублирования подготовки специалистов в регионах. Основные фонды и земли переданы вузам, создан Совет ректоров российских высших учебных заведений. Система высшего образования становится гибкой, многоуровневой, многоступенчатой. При этом в университетском образовании включенность блоков фундаментальных дисциплин предполагается на любом из уровней подготовки¹.

Государственное финансирование высшей школы на современном этапе характеризуется формированием цен на образовательные услуги на основе сметной стоимости, опирающейся на предварительно утвержденные нормативы численности преподавательского состава и материально-технического обеспечения, программы курсов и т. д. Наряду с приоритетной задачей обеспечения страны в целом и ее конкретных регионов квалифицированной рабочей силой государство преследует также задачи социальной политики: увеличение благосостояния граждан, повышение общего культурного уровня населения, формирование гражданской позиции обучающихся.

Во многих регионах России, в том числе и в Республике Мордовия, система высшего образования сочетает в себе бесплатные и платные формы обучения: бюджетное и коммерческое в государственных вузах; разнообразные платные дополнительные образовательные услуги в государственных вузах; платное обучение в негосударственном секторе.

Мордовский государственный университет является одним из крупнейших в России. Он является основным научным центром республики, в котором работают более 80 % кандидатов и докторов наук, проживающих в Мордовии. Все важные для республики научно-технические программы и исследования ведутся с участием ученых университета. Финансовый механизм университета характеризуется сочетанием бюджетного финансирования учреждения с развитием платных образовательных услуг и другими источниками финансирования. При этом считается недопустимой простая замена бесплатных услуг платными, акцент делается на их рациональное сочетание. Денежные средства, поступающие

учреждению образования из различных источников, составляют фонд финансовых ресурсов, или доход учреждения.

Финансово-экономическое положение государственного вуза формируется под влиянием объема бюджетного финансирования, объема поступивших от юридических и физических лиц внебюджетных средств, эффективности использования трудовых, материальных и энергетических ресурсов.

Вопрос государственного финансирования образования является одной из наиболее сложных проблем бюджетного управления. На систему финансирования высшей школы, услуги которой оплачиваются за счет средств федерального бюджета, приходится основная нагрузка, обусловленная, с одной стороны, жесткими условиями бюджетного финансирования, с другой — сложностью образовательных программ.

Схема финансирования на основе сметной стоимости затрат на образование эффективна в краткосрочной перспективе. Она позволяет осуществлять гибкое и оперативное управление объемом ассигнований на развитие образования, отражая структуру бюджетных приоритетов и доступность финансовых ресурсов для государств. Но в долгосрочной перспективе подобный механизм обладает существенными недостатками. Жесткая связь между доходами бюджета и объемом финансирования снижает степень стабильности финансирования образования, а в ряде случаев приводит к нарушениям в функционировании отлаженных механизмов финансирования высшей школы.

Финансирование высшей школы за счет средств бюджета опирается на налоговый потенциал государства, который в свою очередь зависит от уровня доходов населения и хозяйствующих субъектов региона, в котором находится вуз. В связи с этим ухудшение экономического положения в регионе и снижение жизненного уровня ведут к сокращению налогового потенциала, необходимого для финансирования бюджетных расходов, и уменьшению платежеспособного потенциала семей и хозяйствующих субъектов. Следовательно, бюджетное и внебюджетное финансирование тесно взаимосвязаны и имеют единый ресурсный ограничитель.

Основной статьей доходов во внебюджетной деятельности университета являются средства, полученные от студентов, обучающихся на коммерческой основе. С одной стороны, это

свидетельствует о востребованности высшего образования, с другой — возникает проблема снижения качества образования студентов и выпускников университета.

Дополнительным источником финансирования высшей школы в регионе является внешнеэкономическая деятельность. Переход от жесткой централизации управления международными связями к самостоятельности начался с 1991 г., когда Указом Президента РФ от 11 июля 1991 г. № 1 «О первоочередных мерах по развитию образования в Российской Федерации» вузам было предоставлено право ведения внешнеэкономической деятельности, и валютную выручку от экономической деятельности было разрешено оставлять в распоряжении учебного заведения. Право самостоятельного осуществления внешнеэкономической деятельности и право собственности на заработанные валютные средства подтверждаются и в Законе РФ от 10 июля 1992 г. № 3266-1 «Об образовании».

При Мордовском государственном университете функционирует Управление международных связей, деятельность которого осуществляется по нескольким направлениям: заключение договоров, соглашений о научно-техническом сотрудничестве с вузами, фирмами, организациями дальнего зарубежья в области высшего образования; прием иностранных граждан в университет на обучение и стажировку на контрактной основе; проведение на базе университета международных конференций, симпозиумов, совещаний с привлечением иностранных специалистов и ученых; размещение информации рекламного характера об университете в различных международных справочниках по высшему образованию для привлечения в университет иностранных граждан на обучение². Эти меры привели к большей активизации международной деятельности университета, объектами которой являются учебный процесс, исследовательская деятельность, информационное обслуживание и т. д. С каждым годом возрастает количество научно-технических договоров с зарубежными вузами.

Приоритетной целью государства в области социальной сферы является сбалансированное региональное развитие, гарантирующее равные качество и условия жизни населения вне зависимости от места проживания. Добиться выполнения этой цели в сфере образования можно только путем перехода на прямое бюджетное государственное финансирование,

базирующееся на нормативах, основой которых являются государственные минимальные социальные стандарты, что будет гарантировать формирование единого образовательного пространства, обоснованного механизма вертикального и горизонтального финансового выравнивания.

Проблему уравнивания доходной базы регионов можно решить с помощью выравнивающих трансфертов. Известно несколько способов субсидирования региональных бюджетов. Один устанавливает определенный фиксированный норматив финансирования высшего образования для региональных бюджетов. Другой заключается в определении на федеральном и региональном уровнях объемов дотационных сумм на основе дифференцированных финансовых нормативов.

Существующий механизм сметного бюджетного финансирования, когда сметные назначения по статьям расходов утверждаются в размерах, не обеспечивающих даже минимальных норм жизнедеятельности образовательного учреждения, является неэффективным и необъективным. Переход к финансированию образовательного процесса на основе нормативов снизит влияние субъективных факторов в принятии решений, позволит обоснованно определить потребность учреждения в финансовом обеспечении и оптимально распределить выделяемые денежные ресурсы.

Основной проблемой процесса децентрализации финансирования высшей школы является значительная региональная дифференциация, обусловленная тем, что федеральный уровень управления образованием не имеет возможности осуществлять финансирование в соответствии с установленными нормами, а региональные власти не всегда отдают предпочтение расходам на образование. Поддержать возможности региональных и муниципальных бюджетов в обеспечении образовательных систем необходимыми финансовыми средствами поможет фиксация доли средств, направляемых на финансирование образования во всех видах доходов консолидированного бюджета, например, в процентах от ставок любого налога с последующим перечислением соответствующих сумм в специальные фонды.

В системе профессионального образования введение регионального компонента финансирования может привести к более тесной связи между образовательным учреждением и экономикой соответствующего региона. Этому будет спо-

собствовать введение региональных заказов (контрактов) на подготовку специалистов³. Анализ финансового положения крупнейшего вуза ПФО (Мордовского государственного университета) показал, что ряд затрат, являющихся необходимыми для организации качественного учебного процесса, университет при существующих объемах бюджетного финансирования может оплатить только за счет дополнительно зарабатываемых внебюджетных средств.

Основными направлениями финансового самообеспечения Мордовского государственного образования сейчас являются оказание образовательных услуг; научно-исследовательская, проектная, экспертно-консультативная деятельность; производственная деятельность; сдача в аренду производственных площадей и оборудования; спонсорская помощь предприятий, организаций, банков и членов попечительских советов.

Первое направление является главным источником самофинансирования. Платные (с полной компенсацией затрат) образовательные услуги осуществляются подготовительными курсами, аспирантурой, институтами и факультетами при подготовке специалистов с высшим образованием по всем контрольным цифрам и системой повышения квалификации. В университете по договорам с полной компенсацией затрат обучаются более 10 тыс. чел., из которых свыше 60 % — студенты очной формы обучения.

Большую помощь университет получает из бюджета республики и г. Саранска. В 1996 г. в бюджете Мордовии впервые выделены статьи, предусматривающие финансовую поддержку высшей школы. В 2007 г. на капитальное строительство университету из республиканского бюджета выделены 15,5 млн руб., на дополнительные стипендии студентам-сиротам — около 1,7 млн руб., на именные стипендии студентам и надбавки к стипендиям докторантов — 600 тыс. руб. Использование внебюджетных источников финансирования и поддержка республиканского бюджета позволяют качественно сохранять и развивать материально-техническую базу университета⁴.

Нехватка собственных финансовых ресурсов в вузе отрицательно сказывается на развитии материальной базы и качестве подготовки специалистов, вызывает отток наиболее одаренной части научно-педагогического персонала, снижает уровень социально-экономического развития региона, его

конкурентоспособности на мировом рынке. В современных условиях, когда финансирование учреждений образования ведется лишь по статьям текущих расходов, региональным и местным властям следует брать на себя часть забот о развитии системы высшего образования региона и увеличении числа студентов высших учебных заведений.

Финансовая политика региона должна быть направлена в первую очередь на обеспечение основных социально-экономических функций государственного управления, выполнение общегосударственных приоритетов экономического и социального развития на основе единой системы экономических нормативов и минимальных социальных стандартов. С помощью региональных финансов необходимо осуществлять выравнивание уровней экономического и социального развития территорий. При этом основным финансовым инструментом должны стать региональные программы, средства на осуществление которых формируются за счет доходов бюджетов соответствующих административно-территориальных единиц и налогов вышестоящих бюджетов⁵. Пример Мордовского университета показывает, что в небольших субъектах РФ с точки зрения концентрации и более эффективного использования кадрового потенциала, материальной базы, улучшения учебно-методической работы целесообразно иметь крупные государственные многопрофильные университеты, «не распыляя» средства федерального бюджета по мелким профильным вузам с контингентом обучающихся 5—10 тыс. студентов. На наш взгляд, Мордовский университет представляет наиболее эффективную для небольших и средних по размерам субъектов РФ модель регионального университета, для которого характерны полипрофильность; развитая система дополнительного образования, сопоставимая по масштабам образовательных услуг с основной деятельностью по подготовке дипломированных специалистов; система послевузовского образования, способная на 70—80 % обеспечить воспроизводство научно-педагогических кадров вуза; высокая степень концентрации научного потенциала региона.

Концепция развития высшего образования в современных условиях неразрывно связана с рынком труда, состояние которого определяется процессами, происходящими в экономике России в целом и в отдельных ее регионах. При этом в сфере экономического обеспечения высшего образования

необходимы гарантированное участие государства и развитие предпринимательской деятельности вузов для привлечения дополнительных ресурсов.

В современных условиях высшие учебные заведения (центральные вузы или периферийные) вынуждены в максимальной степени использовать возможности многоканального финансирования своей деятельности. Вместе с тем, как показывает мировой опыт, внебюджетные источники финансирования могут служить лишь дополнением к основным средствам, которые государство выделяет для финансирования профессионального образования. Поэтому для стабильного развития высших учебных заведений органам исполнительной и законодательной власти РФ следует обеспечить выполнение взятых на себя обязательств по финансированию вузов страны. Для этого необходимо повысить ответственность органов исполнительной власти в центре и на местах за выполнение принятых федеральных законов, указов Президента страны и постановлений Правительства РФ в области образования; разработать модель государственно-общественного управления образовательными учреждениями в целях развития институтов общественного участия в образовательной деятельности, повышения открытости и инвестиционной привлекательности сферы образования; внедрить механизмы, способствующие развитию экономической самостоятельности вузов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Степаненко О.Н. Финансирование науки и образования — приоритетное направление устойчивого развития экономической системы // Экономика образования. 2004. № 2. С. 15—18.

² См.: Макаркин Н.П. Университет на стыке веков. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2003. С. 266.

³ См.: Натробина О.В. Совершенствование системы финансирования образования: автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2002. 37 с.

⁴ См.: Макаркин Н.П. Мордовский государственный университет на пороге XXI века. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1997. С. 150.

⁵ Сеницкая Н.Я. Финансово-экономические основы функционирования государственных вузов: автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2000. 26 с.

Поступила 23.09.09.

А. В. МАКАРКИН

ДИНАМИКА ТРУДОУСТРОЙСТВА ВЫПУСКНИКОВ ВУЗА

Ключевые слова: трудоустройство; занятость; выпускник; рынок труда; тенденции; безработица

Key words: job placement; employment; graduate; labour market; tendencies; unemployment

В условиях кризиса работодатели оптимизируют затраты и кадровый состав организаций. Реализация этого происходит посредством ротации кадров, перераспределения обязанностей между сотрудниками и (в качестве крайней меры) увольнения. Новых сотрудников принимают в исключительных случаях, если на освободившуюся позицию не удастся найти специалиста внутри организации. В этих условиях в наиболее тяжелом положении оказываются выпускники вузов, не имеющие опыта практической профессиональной деятельности, с одной стороны, и не владеющие навыками поиска работы и эффективного трудоустройства — с другой. Сложность в трудоустройстве выпускников 2008 г. обострилась в связи с изменениями на рынке труда, вызванными глобальным экономическим кризисом.

Для выявления тенденций на рынке труда и прогнозирования его развития Региональным центром содействия трудоустройству выпускников вузов Республики Мордовия (РЦСТВ) с июня 2008 г. по январь 2009 г. было проведено исследование проблемы занятости выпускников Мордовского государственного университета 2008 г. выпуска. Сбор информации производился путем устного опроса в индивидуальных и телефонных беседах с выпускниками и их родителями. Первичные данные были собраны в мае—июле 2008 г. до получения дипломов, при посещении выпускниками РЦСТВ. Фиксировались контактная информация,

МАКАРКИН Алексей Васильевич, директор Регионального центра содействия трудоустройству выпускников вузов РМ, кандидат педагогических наук.

сведения о месте будущего трудоустройства и занимаемой должности, намерения выезда за пределы республики и продолжения обучения. С нетрудоустроенными выпускниками была организована профориентационная и адаптационная работа, предлагались вакансии в соответствии с полученной специальностью. Результаты исследования приводятся по состоянию на 1 февраля 2009 г.

Проблемы трудоустройства выпускников, обучавшихся на очной бюджетной форме в Мордовском государственном университете, исследуются с 2002 г., что позволяет выявить динамику этого процесса на протяжении 8 лет. Объем выборочной совокупности составил 1 682 чел. (84,2 % от выпуска специалистов). В сравнительном анализе трудоустройства выпускников 2008 г. с данными прошлых лет мы приводим показатели занятости бюджетников по состоянию на январь года, следующего за годом окончания вуза. Впервые в 2008 г. было организовано исследование показателей трудоустройства выпускников, обучавшихся с полным возмещением затрат («коммерческие студенты»). Их выборка составила 934 чел. (78,3 % от выпуска специалистов). Объем общей выборки составил 2 616 чел. (82 %). Такая выборка обеспечивает валидность исследования и с большой степенью вероятности позволяет экстраполировать его результаты на весь выпуск специалистов очной формы обучения.

Для комплексной оценки трудоустройства выпускников в Мордовском государственном университете РЦСТВ отслеживает динамику пяти наиболее существенных показателей занятости: общая занятость, трудоустройство по специальности, трудоустройство не по специальности, официальная безработица (число человек, состоящих на учете городских и районных центров занятости населения), выезд за пределы республики (табл. 1).

Таблица 1

Показатели трудоустройства выпускников
Мордовского государственного университета, %

Показатель	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.
Занятость выпускников	88,4	89,9	90,5	91,9	89,6
Трудоустройство по специальности	59,6	61,0	63,6	62,9	56,4
Трудоустройство не по специальности	18,2	19,6	18,8	20,1	18,3
Безработица	5,1	2,4	1,7	0,9	1,6
Выезд за пределы РМ	11,1	11,0	12,6	13,5	15,8

В целом занятость по университету в 2008 г. составила 88,3 %, в том числе «бюджетников» — 89,6 %, «коммерческих студентов» — 85,2 %. Занятость специалистов, обучавшихся с полным возмещением затрат, на 4,4 % меньше «бюджетников». Разность в уровнях трудоустройства «бюджетников» и «коммерсантов» обозначим $\Delta_{Б-К}$, тогда $\Delta_{Б-К} = 4,4$ %.

Доля не занятых выпускников составила 11,7 %, из них 1,5 % зарегистрированы на бирже труда, оставшиеся 10,2 % включают в себя нетрудоустроенных выпускников, не вставших на учет в центры занятости населения и осуществлявших поиск работы самостоятельно, в том числе через РЦСТВ; выпускников, не пожелавших говорить о месте трудоустройства и, как правило, занимающихся работой на дому (программирование, заработок в Интернете и др.), частным бизнесом.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что реальная доля безработных меньше чем 11,7 %. Говоря о безработице, будем ссылаться на процент выпускников, официально зарегистрированных в службах занятости г. Саранска и муниципальных районов, — 1,5 %. «Бюджетники», зарегистрированные на бирже труда, составили 1,6 %, «коммерческие студенты» — 1,4 %. Разница $\Delta_{Б-К} = 0,2$ % не имеет существенного значения, поэтому можно утверждать, что процент безработицы у «бюджетников» и «коммерсантов» одинаков — 1,5 %.

В октябре 2008 г. официальная безработица по России составила 1,6 % от экономически активного населения, в январе 2009 г. — 2,06 %. Следует отметить, что в России доля безработных выпускников вузов больше, чем безработных среди экономически активного населения в целом. Однако безработица выпускников Мордовского государственного университета была меньше безработицы экономически активного населения России до кризиса рынка труда на 0,7 % (составляла 0,9 %) и в период кризиса на 0,56 % (1,5 %).

Однако с 2007 по 2008 г. произошел рост доли безработных выпускников бюджетной формы обучения на 0,7 % (с 0,9 % в 2007 г. до 1,6 % в 2008 г.), т. е. в 1,8 раза. Кризис привел к изменению общей динамики планомерного снижения безработицы выпускников Мордовского государственного университета за последние 4 года с 5,1 % в 2004 г. до 0,9 % в 2007 г. В 2008 г. показатель вырос до уровня 2006 г.

Отметим, что официальная безработица выпускников 2008 г. с февраля по июнь 2009 г. снизилась с 1,5 до 0,3 %. Это связано с тем, что, во-первых, в течение года происходит естественный процесс трудоустройства выпускников; во-вторых, целенаправленная и систематизированная работа сотрудников РЦСТВ во взаимодействии с Государственным комитетом Республики Мордовии по занятости населения, совместная реализация правительственных программ, направленных на снижение напряженности на рынке труда Мордовия, позволили включить часть нетрудоустроенных выпускников в мероприятия по содействию занятости населения.

Трудоустройство выпускников по специальности является одним из важных показателей востребованности специалистов и удовлетворенности работодателей качеством образования. В целом по университету он составил 54,1 %, по «бюджетникам» — 56,6 %, по «коммерческим студентам» — 50 %. Показатели трудоустройства по специальности «коммерческих студентов» на 6,6 % ниже, чем «бюджетников» ($\Delta_{Б-К} = 6,6$ %), что свидетельствует о большей востребованности специалистов, обучавшихся на основе бюджетного финансирования.

Сравнивая показатели трудоустройства по специальности выпускников в Мордовском государственном университете с аналогичными показателями в других вузах страны, можно отметить, что до кризиса уровень трудоустройства по своей специальности выпускников российских вузов по России составлял, по разным оценкам, от 30 до 50 %¹. В 2007 г. в Мордовском государственном университете трудоустройство по специальности составляло 62,9 %, что как минимум на 13 % выше средних показателей по России. В 2008 г. показатель трудоустройства по специальности выпускников снизился на 6,3 % и составил 56,6 %, что больше докризисного среднего значения по РФ.

Показатель трудоустройства по профилю подготовки более информативен по отношению к факультетам и специальностям. В рейтинге факультетов на протяжении последних 5 лет ведущие позиции занимают медицинский институт (доля трудоустроившихся по специальности выпускников составляет 85 %), строительный (74 %), юридический (73 %), экономический (55 %) факультеты, факультет электронной техники (74 %), а относительно низкие позиции имеют

историко-социологический институт (26 %), светотехнический (37 %), географический (40 %) и филологический (41 %) факультеты.

До кризиса имели место вариации спроса на выпускников некоторых специальностей, однако они отражали объективное состояние рынка труда специалистов. Например, расширение услуг специалистов по программному продукту «1С:Бухгалтерия» и рекомендации Министерства финансов применять его в бюджетных учреждениях в 2005—2007 гг. повысили трудоустройство выпускников по специальностям «математика», «прикладная математика», «автоматизированные системы обработки информации и управления». Осуществляемая оптимизация кадрового состава в период кризиса может привести к сокращению одних специалистов и появлению потребности в других. Увеличение трудоустройства по специальности свидетельствует о потребности рынка труда на определенных специалистах.

Для анализа степени значимости изменения показателей трудоустройства введем такие понятия, как «коридор вариативности» и «степень изменения показателя трудоустройства по специальности ϵ ».

Коридор вариативности — интервал, в пределах которого изменялся показатель трудоустройства по специальности (t) на протяжении 7 лет (с 2002 по 2008 г.). Этот показатель рассчитывался применительно к тем специальностям, выпуск по которым осуществлялся более 3 лет (с 2005 г. и ранее). Узость коридора свидетельствует о стабильности рынка труда по специальности, ширина — о его непостоянстве. В табл. 2 приведен рейтинг специальностей по стабильности трудоустройства выпускников. Заметим, что показатель стабильности трудоустройства целесообразно рассматривать в совокупности с показателем уровня трудоустройства. В этом случае узость коридора вариативности будет свидетельствовать о стабильно низких или стабильно высоких показателях трудоустройства.

Потребность рынка труда стабильно высока на выпускников специальностей «юриспруденция», «сети связи и системы коммутаций», «бухгалтерский учет, анализ и аудит», «лечебное дело», «автоматизированные системы обработки и управления информацией», «промышленное и гражданское строительство», «городское строительство и хозяйство»,

«финансы и кредит». Потребность рынка труда низка на выпускников специальностей «регионоведение» (коридор вариативности: $12,2\% < t < 45,7\%$), «история» ($24\% < t < 51,9\%$), «психология» ($27,8\% < t < 53,3\%$), «геоэкология» ($28,1\% < t < 50\%$), «метрология и метрологическое обеспечение» ($32\% < t < 52,2\%$), «светотехника и источники света» ($36\% < t < 50\%$).

Таблица 2

Стабильность трудоустройства по специальности, %

№ п/п	Специальность	Трудоустройство по специальности выпускников 2008 г. бюджетной формы обучения	Ширина коридора вариативности
1	Юриспруденция	83,5	12,1
2	Светотехника и источники света	38,1	14,0
3	Сети связи и системы коммутаций	81,5	16,1
4	Бухгалтерский учет, анализ и аудит	74,5	17,2
5	Технология производства и переработки с/х продукции	43,6	18,7
6	Лечебное дело	83,3	19,1
7	Автоматизированные системы обработки информации	85,7	19,9
8	Промышленное и гражданское строительство	85,3	20,4
9	Городское строительство и хозяйство	87,9	21,3
10	Геоэкология	31,0	21,9
11	Технология машиностроения	35,3	23,2
12	Финансы и кредит	63,3	23,4
13	Русский язык и литература	53,1	25,4
14	Управление качеством	51,9	26,3
15	Биотехнология	59,4	26,9
16	Психология	26,3	27,0
17	Химия	44,4	28,1
18	Государственное муниципальное управление	51,9	28,4
19	Менеджмент	59,0	28,8
20	Статистика	47,4	29,2
21	Педиатрия	83,9	29,3
22	Механизация переработки с/х продукции	31,3	30,2
23	Промышленная электроника	74,5	30,3
24	История	21,6	30,3

№ п/п	Специальность	Трудоустройство по специальности выпускников 2008 г. бюджетной формы обучения	Ширина коридора вариативности
25	Прикладная математика	75,0	31,1
26	Технология обслуживания и ремонта машин в АПК	56,5	31,5
27	Социальная работа	45,1	32,6
28	Регионоведение	13,6	33,5
29	Немецкий язык	41,2	33,8
30	Агрономия	50,0	33,9
31	Английский язык	41,7	34,6
32	Метрология и МО	16,7	35,5
33	Математика	64,3	35,8
34	Металлообработывающие станки и комплексы	39,1	36,6
35	Картография	57,9	37,1
36	Физика	62,1	38,0
37	Микроэлектроника и твердотельная электроника	50,0	38,3
38	Народное художественное творчество	66,7	38,9
39	Ветеринария	62,5	39,4
40	Биоэкология	52,9	39,4
41	Экономика и УП (РИМ)	69,6	39,6
42	Автомобильные дороги и аэродромы	75,0	40,1
43	Экономика и УП (СТФ)	56,0	40,2
44	Радиотехника	73,7	42,1
45	Экономика и УП АПК	61,5	42,6
46	Зоотехния	46,4	42,6
47	Механизация с/х	69,2	44,1
48	Мордовский язык и литература	22,2	45,7
49	Журналистика	63,6	46,9
50	Энергообеспечение предприятий	63,8	47,9
51	Библиотечно-информационная деятельность	17,6	49,7
52	Финно-угорская филология	20,0	53,3
53	География	40,7	53,4
54	Дирижирование	85,7	66,7
55	Французский язык	36,4	66,7
	Всего	56,6	7,0

Спрос не является стабильным на выпускников специальностей «французский язык», «дирижирование», «география», «финно-угорская филология». Степень увеличения или уменьшения показателя трудоустройства по специальности в 2008 г. (ε) должна демонстрировать во сколько раз t вышел за границы коридора вариативности 2002—2007 гг.

$$\varepsilon = \begin{cases} \frac{t - t_{\min}}{t_{\max} - t_{\min}}, & \text{при } t \geq t_{\text{среднее}} \\ \frac{t - t_{\max}}{t_{\max} - t_{\min}}, & \text{при } t < t_{\text{среднее}} \end{cases},$$

где $t_{\min}$ — минимальное значение трудоустройства по специальности с 2002 по 2007 г. (нижняя граница коридора вариативности), $t_{\max}$ — максимальное значение (верхняя граница коридора вариативности), $t_{\text{среднее}}$ — среднее значение трудоустройства по специальности.

Если $-1 \leq \varepsilon \leq 1$, тогда t не вышло за пределы коридора вариативности, и можно утверждать, что кризис не воздействовал на трудоустройство по конкретной специальности. Если $\varepsilon < -1$, тогда $t < t_{\min}$, и можно утверждать, что кризис оказал негативное влияние на трудоустройство по данной специальности. Если $\varepsilon > 1$, тогда $t > t_{\max}$, и можно утверждать, что кризис оказал положительное влияние на трудоустройство по данной специальности.

Таблица 3

Степень изменения трудоустройства по специальности ε

№ п/п	Специальность	Рост трудоустройства по специальности с 2007 по 2008 г. $\Delta_{8-7}, \%$	Степень изменения, ε
1	Социальная работа	5,6	1,21
2	Технология обслуживания и ремонта машин в АПК	31,5	1,10
3	Юриспруденция	1,1	1,10
4	Промышленное и гражданское строительство	1,3	1,07
5	Экономика и УП (РИМ)	15,8	1,04
6	Радиотехника	8,7	1,04
7	Физика	3,5	1,03

№ п/п	Специальность	Рост трудоустройства по специальности с 2007 по 2008 г. Δ_{8-7} , %	Степень изменения, ϵ
43	Менеджмент	-28,8	-1,01
44	Психология	-1,5	-1,06
45	История	-30,3	-1,09
46	Мордовский язык и литература	-4,7	-1,11
47	Агрономия	-5,6	-1,13
48	Бухгалтерский учет, анализ и аудит	-17,2	-1,24
49	Механизация переработки с/х продукции	-22,5	-1,31
50	Немецкий язык	-33,8	-1,35
51	Финансы и кредит	-21,3	-1,38
52	Финно-угорская филология	-15,7	-1,42
53	Технология машиностроения	-10,2	-1,56
54	Английский язык	-12,4	-1,56
55	Метрология и метрологическое обеспечение	-27,3	-1,76
	Всего	-6,3	-1,09

Более чем в 2 раза процент трудоустройства по профилю не вышел за пределы коридора вариативности ни на одной специальности, что позволяет сделать вывод об *отсутствии критических изменений в трудоустройстве выпускников по специальности*. От 1,5 до 2 раз (что можно считать сильными изменениями при $1,5 < |\epsilon| < 2$) в отрицательную сторону ухудшилось положение выпускников специальностей «метрология» ($\epsilon = -1,76$), «технология машиностроения» ($\epsilon = -1,56$), «английский язык» ($\epsilon = -1,56$).

Значимые отрицательные изменения ($1,2 < |\epsilon| < 1,5$) имеют специальности «финно-угорская филология» ($\epsilon = -1,42$), «финансы и кредит» ($\epsilon = -1,38$), «немецкий язык» ($\epsilon = -1,35$), «механизация переработки сельскохозяйственной продукции» ($\epsilon = -1,31$), «бухгалтерский учет, анализ и аудит» ($\epsilon = -1,24$). Значительно улучшилось трудоустройство социальных работников ($\epsilon = 1,21$). У других специальностей $|\epsilon| < 1,2$, что не имеет существенной важности и может быть вызвано различными факторами функционирования рынка труда.

За пределы коридора вариативности вышли в лучшую сторону первые 7 специальностей табл. 3 ($\epsilon > 1$), в худшую сторону — последние 13 специальностей ($\epsilon < 1$). Для этих

специальностей важен показатель ϵ в совокупности с ростом трудоустройства по специальности 2008 г. по сравнению с 2007 г. Δ_{8-7} . Из первых семи специальностей наибольший рост наблюдался у специальностей «технология обслуживания и ремонта машин в АПК» ($\Delta_{8-7} = 31,5\%$) и «экономика и управление производством» (Рузаевский институт машиностроения) ($\Delta_{8-7} = 15,8\%$). Из последних 13 специальностей резко снижается трудоустройство по специальности по сравнению с 2007 г. на специальностях «немецкий язык» ($\Delta_{8-7} = -33,8\%$), «история» ($\Delta_{8-7} = -30,3\%$), «менеджмент» ($\Delta_{8-7} = -28,8\%$), «метрология» ($\Delta_{8-7} = -27,3\%$), «механизация переработки сельскохозяйственной продукции» ($\Delta_{8-7} = -22,5\%$), «финансы и кредит» ($\Delta_{8-7} = -21,3\%$), «бухгалтерский учет, анализ и аудит» ($\Delta_{8-7} = -17,2\%$), «финно-угорская филология» ($\Delta_{8-7} = -15,7\%$).

На 2,2 % увеличилась доля выпускников, трудоустроившихся за пределами Мордовии (с 13,5 % в 2007 г. до 15,7 % в 2008 г.) (рисунок). В условиях кризиса часть выехавших для трудоустройства выпускников вернулась в регион, т. е. процент выехавших мог быть больше 15,7 %.

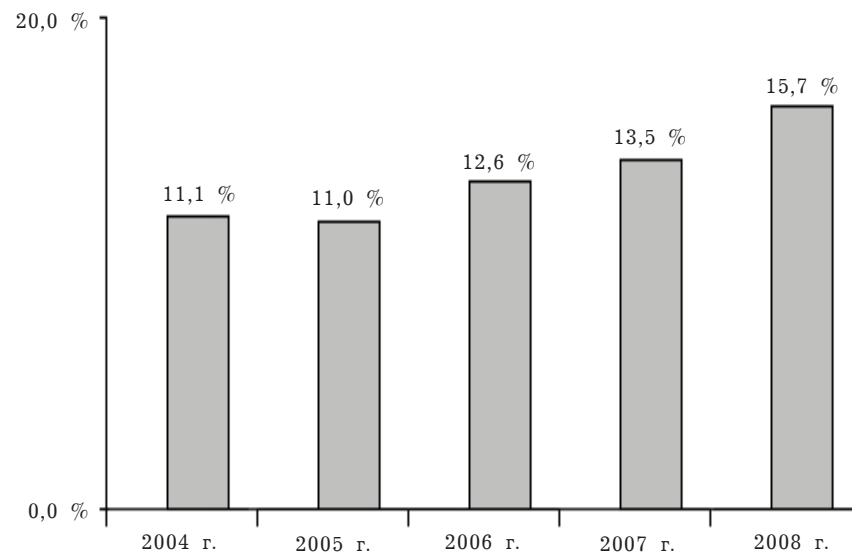

Рисунок. Число выехавших выпускников за пределы РМ

По данным исследования карьерного роста выпускников Мордовского государственного университета, проведенного РЦСТВ в апреле—сентябре 2009 г., доля выехавших за пределы республики для трудоустройства выпускников за 2—4 года после окончания вуза составляет 24 %. Доля выезжающих для трудоустройства мужчин (26,7 %) больше доли выезжающих женщин (21,4 %), «активистов» выехало 25 %, «неактивистов» — 21,8 %, из закончивших с красным дипломом выпускников — 20,2 %, из «неотличников» — 25,8 %, уроженцев г. Саранска — 20,2 %, из районов республики — 31,5 %.

Рост зарплат в год у выехавших выпускников осуществляется в 1,6 раза на протяжении первых пяти лет после окончания университета, у оставшихся — в 1,3 раза, при этом что зарплат для выпускников в Мордовии и г. Москве отличаются в разы. Как результат, профессиональная успешность, оцениваемая по 100-балльной шкале, у выехавших выпускников больше (59 баллов), чем у оставшихся (53 баллов).

Выехавшие выпускники меняют место работы с повышением своего социального статуса и зарплаты в среднем 3 раза за первые 4 года работы после окончания вуза, оставшиеся в Мордовии — 2,5 раза. Это свидетельствует о том, что методы, технологии работы, условия труда у республиканского работодателя не всегда удовлетворяют уровню компетентности выпускника вуза.

Таким образом, кризис оказал значительное влияние на трудоустройство выпускников Мордовского государственного университета 2008 г. Показатель занятости по специальности снизился с 62,9 до 56,6 %, что привело к росту доли выпускников, зарегистрированных на бирже труда, до 1,5 %. Доля безработных выпускников университета меньше экономически активного населения России. Наблюдается тенденция роста доли выпускников Мордовского государственного университета, выехавших для трудоустройства в другие регионы страны.

В связи с этим руководству российских вузов для объективного исследования рынка труда следует, на наш взгляд, внедрить систему мониторинга востребованности специалистов. Системе высшего образования Республики Мордовия имеет смысл во взаимодействии с органами государствен-

ной власти, объединениями работодателей разработать и внедрить систему достоверного планирования потребностей экономики в квалифицированных специалистах, распространить опыт содействия трудоустройству РЦСТВ на все вузы республики.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ См.: Лебедев В.В. Центры содействия трудоустройству выпускников в вузовской системе стратегического партнерства. Н. Новгород: ННГУ, 2008. 182 с.

Поступила 02.10.09.

Е. В. ЕРЕМИНА

**ПРЕДМЕТНАЯ ОБЛАСТЬ
И ПРОБЛЕМАТИКА
СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ В РЕГИОНЕ**

Ключевые слова: пространство; регион; социология региона; социология в регионе; функциональная интеграция

Key words: space; region; sociology of the region; sociology in the region; functional integration

Процесс регионализации в России, активизировавшийся в 90-х гг. XX в., дал импульс развитию интегративных исследований региональных проблем. Качественно новые явления, охватившие постсоветское пространство, не вписывались в методологию экономического и географического детерминизма. Они потребовали поиска принципиально иных подходов, способных анализировать и теоретически обосновывать формирующуюся социальную реальность.

Изучение регионов, проводившееся в Москве, Санкт-Петербурге и региональных научных центрах, было в основном направлено на выявление причин и путей преодоления их социально-экономического неравенства, управление региональными процессами, межрегиональную интеграцию, социально-политическое и социокультурное развитие¹. Социология региона стала учебным курсом, преподаваемым в ряде университетов России. Вместе с тем многочисленные научные исследования и учебные курсы, прочно утвердившиеся в социологии, пока не позволяют утверждать, что социология региона переросла этап развития в качестве междисциплинарного среза уже существующих отраслей социологического знания и окончательно сложилась как самостоятельная отрасль социологии.

ЕРЕМИНА Екатерина Витальевна, доцент кафедры государственного управления и социологии региона Пензенского государственного университета, кандидат социологических наук.

Именно поэтому, на наш взгляд, актуально обратиться к вопросу о статусе социологии региона как специальной отрасли социологического знания. Некоторые российские социологи говорят о нецелесообразности употребления понятия «региональная социология» и заостряют свое внимание на проблемах исследовательских возможностей социологов в регионах, формировании социологических школ. Г. Е. Зборовский утверждает, что «любая наука, в том числе и социологическая, не может „делиться“ по критерию места расположения или занятия ею на центральную (столичную) и региональную. Наука всегда только одна, независимо от региона, где ею занимаются. При этом можно добиваться заметных результатов в тех или иных городах и всях страны и никаких — в столицах»².

Однако невозможно отрицать очевидного и не замечать процесса регионализации, принимающего все более глобальный характер. На наш взгляд, социология способна ответить на вызов социальной практики институционализацией социологии региона как самостоятельной отрасли, теории среднего уровня. Думается, что сегодня для этого сложились достаточные теоретико-методологические предпосылки, а также сформировалась широкая эмпирическая база. Кроме того, существует огромный массив имеющихся в распоряжении социологов региональных исследований, проведенных в рамках региональной экономики, экономической социологии, социально-экономической географии, политологии, этнографии и других отраслей знаний. Материалы этих исследований могут быть переосмыслены и использованы для создания социологии региона. В последние годы в мировой и отечественной социологии появились труды методологического плана, обозначившие общее направление социологического исследования регионов. Значительный научный потенциал, на наш взгляд, имеет пространственная социология.

В гуманитарных науках отсутствует единство точек зрения и подходов к понятию «пространство». На наш взгляд, можно обоснованно утверждать, что к настоящему времени в гуманитарных науках проблема социального пространства разработана явно недостаточно. С позиций современности можно проследить не только эволюцию этого понятия, но и изменение подходов к нему, в том числе полное отрицание онтологического статуса проблемы пространства. А. М. Мос-

тепаненко отмечал, что многочисленные попытки понять специфику социальных явлений на основе простой квалификации фактов, без введения адекватных понятий социального пространства и времени не приводят к желаемому результату³. Таким образом, логика анализа социальных явлений и процессов вынуждает исследователя обратиться к фактору пространства.

Сложилось несколько тенденций в понимании пространства в отечественной и зарубежной философии, социологии, психологии и т. д. Проблематика пространственного измерения социальных явлений и процессов привлекала к себе внимание ряда философов, социологов, психологов и т. д. Также весьма подробно изучались динамика изменения пространственной среды в условиях постиндустриального общества; динамика изменений образа жизни, сознания жителей; динамика социокультурной сферы и т. д.

Своеобразное развитие тема пространства получила в марксистском обществоведении⁴. Рассматривая теоретические подходы к исследованию пространственных отношений, В. Г. Виноградский различает понятия социального пространства и среды обитания человека. Их смещение характерно для дисциплин, ориентированных на взаимоотношения человека и природы (география, экономическая география, архитектурно-проектировочная деятельность, археология). Используя категорию «социальное пространство», представители этих дисциплин трактуют ее как «пространство социальной деятельности», противостоящее геофизическому пространству. Такой подход не лишен оснований, однако категория «социальное пространство» утрачивает при этом свой философско-социологический смысл, «начинает играть не вполне свойственную ей роль: она, по сути дела, выступает в качестве иной словесной оболочки таких конкретно-научных представлений, как антропосфера, социосфера, „вторая природа“, искусственная среда жизнедеятельности и т. д.»⁵.

Развивается альтернативное понимание социального пространства как неразрывного единства физической территориальности и социальных отношений. «Значительная часть авторов, — пишет В. Г. Виноградский, — выделяет в качестве основной характеристики социального пространства совокупность общественных отношений как отношений людей друг к другу, которые и составляют, по их мнению, главное

содержание пространства как формы социального развития... Одним из первых подобный способ понимания социального пространства реализовал Г. Е. Зборовский, который подчеркивал, что общественные отношения составляют основное содержание социального пространства как определенной формы и вместе с тем необходимого условия функционирования общественных отношений»⁶.

Характерным для многих исследований является тот факт, что пространство рассматривается как понятие относительно территории, на которой разворачиваются социальные связи и взаимодействия. Именно это значение, по мнению А. Ф. Филиппова, важно для социолога, задача которого состоит в анализе идеи пространства, приводящей к формированию того или иного типа социального (регионального) действия⁷. А. Ф. Филиппов предлагает интересную интерпретацию зиммелевской социологии пространства. Не употребляя понятия «регион» и «региология», он создает убедительную версию замкнутого социального пространства как целостной системы, что вполне соответствует трактовке региона как целостной самозамкнутой системы⁸.

В качестве элементов методологического основания региональных исследований пристального внимания заслуживают идеи И. Валлерстайна, М. Грановеттера, Т. Парсонса, Р. Сведберга, Дж. Фридмана, Ю. Хабермаса и др. В частности, конструктивным потенциалом в этом контексте обладают теоретические построения Т. Парсонса о том, что социальная система и общество — понятия, хотя и взаимосвязанные, но не совпадающие друг с другом. Общество — это особый тип социальной системы, который достиг наивысшего уровня самодостаточности по отношению к своему окружению. Развитие общества рассматривается им как эволюционный процесс, включающий структурную дифференциацию и взаимодействие систем и подсистем действия. На каждом новом уровне этот процесс сопровождается все большим упорядочиванием системных отношений, повышением внутренней сложности систем и большими возможностями удовлетворения системных потребностей. Для современных исследователей регионов эти выводы особо значимы, так как категория «регион» в системном анализе концептуализируется как подсистема общества. Являясь автономной, самоорганизующейся подсистемой, регион составляет интег-

ративное ядро социальной системы, воспроизводит себя и энергетически поддерживает социум.

Взгляды Ю. Хабермаса, разработавшего теорию коммуникативного действия, вполне применимы к трактовке региона как открытой системы. Сфера «коммуникативного действия», включающая политику, право, культуру, противопоставляется им сфере «инструментального действия». Ю. Хабермас сформулировал тезис о «колонизации» системой жизненного мира, приобретающей глобальный характер⁹. Оппозиция «система — жизненный мир» является фундаментальной в концепции ученого, который показывает, что значительные области жизненного мира, такие как публичная сфера, образование, гражданство в современном обществе, начинают подчиняться императивам экономической подсистемы.

Одним из наиболее перспективных, на наш взгляд, сегодня является изучение регионов в контексте отношений «центр — регион». Методологическая ценность этого подхода состоит в том, что он основан на фундаментальном социологическом принципе — исследовании социальных отношений через выявление социального неравенства, а также представляет отношения «центр — регион» как форму территориального неравенства. В ряде российских и зарубежных исследований встречаются попытки создания единой теории взаимодействия регионов и центра как целостной системы. Как отмечает О. В. Грицай, среди разного рода экономических теорий, относящихся к этой проблематике, можно условно выделить две группы: основанные на принципе функциональной интеграции регионов (Дж. Фридман и К. Уивер, теория пространственного разделения труда Д. Мэсси и др.) и делающие упор на отношения «центр — периферия»¹⁰. Наиболее адекватными являются, на наш взгляд, идеи неизбежности перехода от парадигмы модернизации (признания необходимости «подтягивания» менее развитых территорий до уровня более развитых за счет индустриализации, создания очагов модернизации, способствующих ускоренному развитию менее развитых регионов) к парадигме зависимости и взаимозависимости.

Так, согласно концепции Дж. Фридмана, неравномерность экономического роста и процесс пространственной поляризации порождают диспропорции между периферией и центром. Периферия при этом включает в себя периферию «внутрен-

нюю», непосредственно связанную с центром, и «внешнюю», на которую центр почти не оказывает влияния. На любом пространственном уровне центр и периферия связаны между собой коммуникативными потоками, причем направление этих коммуникаций определяет характеристики взаимодействия периферии и центра независимо от их «дальности». Движущей силой, обеспечивающей постоянное развитие системы отношений «центр — периферия», по мысли Дж. Фридмана, служит «постоянная качественная трансформация ядра за счет генерирования, внедрения и диффузии новшеств»¹¹.

Логическим развитием идей взаимодействия «центра» и «периферии» стала теория И. Валлерстайна. По мысли ученого, единицей анализа процессов дифференциации, интеграции и социальной эволюции является глобальная мировая система, обладающая своими механизмами развития и не зависящая от внутренних социальных процессов¹². Согласно его концепции мировых систем, экономическое развитие каждой страны осуществляется в рамках системы мировой экономики, развивающейся по универсальным законам, причем различие между «периферией» и «центром» соблюдается на протяжении всего исторического процесса, хотя конкретное содержание «периферии» и «центра» постоянно меняется.

Таким образом, в рамках социологии региона интеграция достижений отечественной и мировой науки (экономической социологии, социологии города и деревни, неинституционализма, этносоциологических и социокультурных исследований, социологии пространства, коммуникативного действия, мир-системы и теории социальных сетей) создает принципиально новую в качественном отношении методологическую базу региональных исследований.

В октябре 2006 г. при поддержке Российского гуманитарного научного фонда в журнале «Социологические исследования» прошли VIII Харчевские чтения, темой которых стала «Региональная социология: становление и направления исследований». Итогам дискуссии была посвящена обзорно-аналитическая статья Н. В. Романовского¹³. Социологами, принявшими участие в обсуждении проблемы, поднимались вопросы о соотношении понятий «региональная социология», «социология в регионах» и «регион как объект социологического исследования». На наш взгляд, особенность и

уместность употребления того или иного понятия во многом определяются целями, задачами, объектом и предметом исследования в каждом конкретном случае. Безусловно, существуют единые общесоциологические методология и методика, но они, применимые в разных регионах и разными исследователями, могут приводить к различным и порой трудно соотносимым результатам.

Усложняет ситуацию и понимание самого понятия «регион». В отечественной и зарубежной литературе отсутствует достаточная четкость в его определении¹⁴. При социологическом подходе к рассмотрению региона необходимо учитывать специфику природных и социальных факторов. Границы региона определяются взаимосвязями, отношениями, общей деятельностью людей, именно поэтому они чаще всего не совпадают с политическими и административными рамками. Регион как социальное образование соразмерен человеку и вместе с тем позволяет ему ощущать себя «встроенным» в более значительное пространство.

В 2006 г. Ученый совет Института социологии РАН принял решение об организации в структуре института нового подразделения — Центра региональной социологии и возложил на него исследовательские задачи по фундаментальным проблемам социологии регионов и координации деятельности отдельных региональных социологических центров. В настоящее время, как отмечает руководитель Центра В. В. Маркин, «можно выделить две стороны социальной организации региональных сообществ, требующих социологического изучения: объектную — условия и факторы жизнедеятельности людей на данной территории и субъектную — факторов и их взаимодействие в локализованном социальном пространстве, а также выходах во внешнюю среду (по отношению к региону)»¹⁵. Каждый из факторов социальной организации региональных сообществ — геополитический, демографический, экологический, экономический, социокультурный, этнический, а также уровень и качество жизни населения, социальной дифференциации — имеет достаточно разработанный аппарат исследования. Однако ощущим недостаток комплексного междисциплинарного анализа этих факторов, даже на примере отдельных регионов.

Особую значимость приобретает тема региональной идентификации и социального моделирования регионов.

Последнее, формализуя идентичность и придавая ей качественную определенность и структурированность, представляет проектно-исследовательскую деятельность, требующую соответствующих теоретико-методологических оснований и определенного социологического инструментария для ее реализации. В качестве основных источников для получения первичной информации наряду с социологической интерпретацией статистики используются материалы экспертных оценок, фокус-групп, массовых опросов и др. Сопоставление материалов, полученных из различных источников, в социологической интерпретации дает возможность выявлять региональную идентичность в факторных динамических социальных моделях¹⁶.

По мнению некоторых ученых, социология региона имеет своей целью раскрыть взаимодействие социального организма региона как социального явления с системой общественных отношений в целом, отдельными ее сферами. В этом плане необходимо учитывать влияние общества на социальные процессы в регионе и, наоборот, степень влияния опыта функционирования и развития региональных социальных процессов на общественные процессы¹⁷.

Безусловно, предметное поле социологии региона еще только формируется, а само это направление в российской социологии, по мнению М. К. Горшкова, находится пока в начальной стадии научной институционализации¹⁸. Однако нельзя не отметить тот факт, что основательная социологическая разработка в научно-теоретическом и прикладном аспектах вопросов, связанных с региональной дифференциацией современного российского общества, будет способствовать оптимизации государственной региональной политики и ее реализации.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Аванесова Г.А., Астафьева О.Н. Социокультурное развитие российских регионов: механизмы самоорганизации и региональная политика. М.: Изд-во РАГС, 2001. 424 с.; Барбаков О.М. Региональное управление: реалии и перспективы. СПб.: Лань, 1999. 288 с.; Доленко Д.В. Территориальное устройство общества: социально-политический анализ. Саранск, 1993. 100 с.; Орешина М.А. Россия региональная: теоретико-методологические аспекты изучения / под ред. Г.И. Зверевой. М.: МГИУ, 2000. 196 с.; Региональная экономика и региональная политика: сб. науч. тр. / отв. ред. Е.Г.Анимица. Вып. 1—5. Екатеринбург: УГЭУ, 1994—1999. 247 с.; Троцкий А.Я. Соци-

ально-территориальная структура региона: строение и основные тенденции трансформации. ИЭ и ОПП СО РАН. Новосибирск, 1997. 249 с.

² Зборовский Г.Е. Социология в регионах — проблемы и перспективы // Социс. 2006. № 8. С. 42—43.

³ См.: Мостепаненко А.М. Проблема универсальности основных свойств пространства и времени. Л., 1969. 230 с.

⁴ См.: Виноградский В.Г. Социальная организация пространства. Философско-социологический анализ. М.: Наука, 1988. 187 с.

⁵ Там же. С. 12—13.

⁶ Там же. С. 20—21.

⁷ См.: Филиппов А.Ф. Теоретические основания социологии пространства. М.: Канон-Пресс-Ц, 2003. 230 с.

⁸ См.: Его же. Гетеротопология родных просторов // Отеч. зап. 2002. № 6/7. С. 48—62.

⁹ См.: Habermas J. Theorie des kommunikativen handelns. Frankfurt, 1981.

¹⁰ См.: Грицай О.В., Иоффе Г.В., Трейвиш А.И. Центр и периферия в региональном развитии / отв. ред. Г.А. Приваловская; АН СССР, Ин-т географии. М.: Наука, 1991.

¹¹ Там же. С. 14.

¹² См.: Wallerstein I. The Modern World-System: Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the 16-th Century. N. Y.: Academic Press, 1974.

¹³ См.: Романовский Н.В. Региональная социология или социология в регионах? // Социс. 2007. № 2. С. 144—148.

¹⁴ См.: Барбаков О.М. Регион как объект управления // Социс. 2002. № 7. С. 96—100; Лапин Н.И. Регион, его статус и функции в российском обществе: теоретико-методологические основы исследования // Социс. 2006. № 8. С. 25—34.

¹⁵ Маркин В.В. Диалог с регионами: опыт анализа // Социс. 2008. № 7. С. 130.

¹⁶ Там же. С. 131.

¹⁷ См.: Савинов Л.И. Социология региона как научно-управленческое направление // Проблемы развития регионального социума: материалы Междунар. науч.-практ. конф.: в 2 ч. / НИИ регионологии; отв. ред. Н.П. Макаркин. Саранск, 2006. Ч. 1. С. 18.

¹⁸ См.: Горшков М.К. Региональная социология: социология регионов и социология в регионах (вместо предисловия) // Региональная социология в России: сб. материалов социологических исследований / отв. ред. В.В. Маркин. Институт социологии РАН. М.: Экслибрис-Пресс, 2007. С. 5.

Поступила 18.06.09.

А. С. ПЛИГУЗОВ

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА

Ключевые слова: человеческий капитал; социальное иждивенчество; государственная политика; духовный потенциал; социум; цивилизация

Key words: human capital; social dependency; state policy; moral potential; society; civilisation

Под человеческим капиталом понимается воплощенный в человеке запас способностей, знаний, навыков и мотиваций. Его формирование, подобно накоплению физического или финансового капитала, требует отвлечения средств от текущего потребления ради получения дополнительных доходов в будущем. К важнейшим видами человеческих инвестиций относят образование, подготовку на производстве, миграцию, информационный поиск, рождение и воспитание детей. Вместе с тем аналогию между человеческим и «обычным» капиталом нельзя считать полной. Во-первых, в современном обществе человек (в отличие от станка или пакета акций) не может быть предметом купли-продажи (такое возможно лишь в рабовладельческой экономике). Как следствие, на рынке устанавливаются только цены за «аренду» человеческого капитала (в виде ставок заработной платы), тогда как цены на его активы отсутствуют. Это серьезно усложняет анализ. Во-вторых, человеческий капитал способен повышать эффективность деятельности в рыночном и вне рыночном секторе. Доход от него может принимать денежную и неденежную формы. В результате социальные аспекты вложений в человека оказываются не менее важны, чем производственные. Тем не менее человеческий капитал подобен физическому: он представляет собой благо длительного пользования, требует расходов по

ПЛИГУЗОВ Алексей Сергеевич, заместитель начальника информационно-аналитического управления Администрации Главы Республики Мордовия, кандидат социологических наук.

ремонту и содержанию, может устаревать еще до того, как произойдет его физический износ¹.

Идеи, заложенные в теории человеческого капитала, оказали серьезное воздействие на государственную экономическую политику государства. Благодаря этой теории изменилось отношение общества к вложениям в человека. В них научились видеть инвестиции, обеспечивающие производственный, причем долговременный по своему характеру, эффект. Это обеспечило теоретическое обоснование ускоренного развития системы образования и подготовки кадров во многих странах мира².

Под влиянием теории человеческого капитала, в которой образованию отводится роль «великого уравнивателя», произошла определенная переориентация социальной политики. В частности, программы подготовки стали рассматриваться как эффективное орудие борьбы с бедностью и, возможно, более предпочтительное, чем прямое перераспределение доходов. Важный вывод состоял в том, что общепринятые оценки экономического неравенства, основанные на измерении текущих, а не пожизненных доходов, являются преувеличенными. Молодежь, инвестирующая в свое образование, сознательно отдает предпочтение низким текущим доходам, с тем чтобы получить впоследствии доступ к высокооплачиваемым рабочим местам.

Параметры накопления человеческого капитала зависят от *коэффициента иждивенчества социума*. Чем сильнее социум стремится в силу определенных исторических и социальных причин жить за счет других, тем стремительнее снижается скорость накопления человеческого капитала. К мировым кризисам приводит именно глобальное усиление иждивенческих настроений в обществе. *Иждивенчество* рассматривается как стремление во всем рассчитывать не на свои силы, а на помощь других, вообще жить за чужой счет. Это пассивная позиция потребителя, который сам не в состоянии создать или приобрести все, что ему необходимо. Это стремление обеспечить определенные жизненные параметры за счет других членов социума.

Иждивенчество — одно из проявлений индивидуализма в социуме, выражающееся в стремлении людей постоянно получать от общества, семьи, других людей материальные блага, не давая при этом ничего взамен.

В результате неправильного семейного или школьного воспитания, когда дети и подростки полностью освобождаются от посильного труда в семье, у некоторых развивается неверное представление о своих обязанностях. Возникает мнение, что о них всегда и везде должны заботиться родители, общество; появляется эгоистическое стремление жить за счет других. Самым действенным средством преодоления иждивенчества являются приобщение к труду, разъяснение трудовых обязанностей.

Формирование иждивенческой психологии во многом связано с распространением концепции общества потребления, доминирующей во многих развитых странах. Спекулятивные операции на фондовых рынках, неадекватная затратам система оплаты труда, наличие большого количества нефункциональных единиц в организациях — все это симптомы иждивенчества.

Коэффициент иждивенчества социума — сложный интегральный показатель, который рассчитывается не только как отношение работающих и неработающих членов общества. Необходимо обратить внимание на уровень профессиональной мобильности, причем не только восходящей, но и нисходящей. Большое значение имеет потребность членов социума в повышении образования (при этом есть потребность не просто учиться, но и переучиваться). При определении коэффициента иждивенчества следует оценивать наличие ежедневной потребности каждого человека в высокопроизводительном труде. Необходимо также учитывать количество выходных, праздников, характер проведения свободного времени, адекватность расходов бюджетов всех уровней и семейных бюджетов. Точное определение коэффициента иждивенчества социума невозможно без качественных социологических исследований.

Технократический подход к концепции человеческого капитала в последние годы ставит целью максимальное механическое увеличение параметров человеческого капитала социумов³. Подобные тенденции имеют циклический характер и вызваны особенностью капиталистического производства. При сознательной политике государства и крупных компаний по увеличению параметров человеческого капитала происходит изменение социальных установок социума. Появляется замкнутость исключительно на практические знания и на-

выки, приносящие быстрый финансовый доход; происходит изменение морально-нравственных идеалов.

Максимальное увеличение человеческого капитала как производственной единицы может приводить к *сокращению духовного потенциала социума*. Иждивенческие настроения, появляющиеся в обществе, бесконтрольное стремление к обогащению приводят к отстранению от духовных, семейных и традиционных ценностей. Двумя основными составляющими любого социума общества являются духовное и материальное. Большинство кризисных явлений вызвано сокращением духовной составляющей. Односторонняя ориентация только на рациональность, разрушение гармонии между духовностью и знанием, по словам И. А. Ильина, «не дает зрелости человеческому духу»⁴.

Разрушение цивилизаций в истории человечества часто связано с уходом в материальную, антидуховную плоскость. Знаменитый тезис «хлеба и зрелищ», который предшествовал крушению римской империи, с одной стороны, выражает приоритет иждивенческих настроений, с другой — имеет более глубокую сущность: снижение духовности до самых низменных потребностей человека. Снижение духовного потенциала отражает одну из острейших проблем советского общества. Ценности, казавшиеся незыблемыми в течение многих десятков лет в СССР, во многом утратили свое значение. Снижение влияния советской идеологии, изменение жизненного уровня населения, отсутствие стабильности в экономике, спад производства привели к формированию новой системы ценностей.

В процессе саморегулирования социума большую роль играет кризис. Его нельзя рассматривать как случайное явление в системе капиталистического хозяйства. Экономические кризисы являются его неизбежным результатом. Кризисы рождались вместе с появлением господства капитала. На протяжении более чем сотни лет происходят периодические экономические кризисы, повторяясь через каждые 12—10—8 и меньше лет. Если в экономике кризис уравнивает спрос и предложение, то в сфере ценностных ориентаций он восстанавливает баланс духовного и материального.

Человеческий капитал как запас способностей, знаний, навыков и мотиваций имеет достаточно конъюнктурный характер. Он зависит от определенной ситуации в эконо-

мике и политической сфере. Кризисный характер развития рыночной экономики говорит о необходимости предупреждения текущих кризисов человеческого капитала не только за счет прогнозов рынка труда и сферы образования, но и за счет идеологического и религиозного управления человеческим капиталом. Он подчиняется законам рынка, спроса и предложения. В связи с этим к концепции человеческого капитала применимы многие спекулятивные инструменты, ожидания на рынке, инвестиции в человеческий капитал. Усиление роли этих инструментов на рынке говорит об увеличении коэффициента иждивенчества социума.

Процесс накопления человеческого капитала носит менее управляемый и более многовариантный характер, чем процесс накопления финансового, административного или иных видов капитала. Он зависит от исторических, идеологических и административных особенностей. Параметры накопления человеческого капитала определяют конкурентоспособность общества.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Макконел К.Р., Брю С.Л. Экономикс: принципы, проблемы и политика. Т. 2. М.: Республика, 1992. 400 с.

² См.: Смит А. Исследования о богатстве народов / пер. М. Щепкина. М.: Изд-е К.Т. Солдатенкова, 1985. 255 с.

³ См.: Дятлов С.А. Теория человеческого капитала: учеб. пособие. СПб.: Изд. СПбУЭФ, 1996. С. 38.

⁴ Ильин И.А. Путь к очевидности. М.: Русский колокол, 2005. С. 83.

Поступила 15.09.09.

А. Н. ЕРШОВ

О. С. ИВЛЕВА

ПРОБЛЕМА ГЕНДЕРНОГО РАВЕНСТВА В СОЦИАЛЬНОМ УПРАВЛЕНИИ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Ключевые слова: гендерное равенство; социальное управление; женское лидерство; социальные интересы; мотивация; элита; эффективный менеджер

Key words: gender equality; social management; women's leadership; social interests; motivation; elite; effective manager

Известно, какую роль играли женщины в политической жизни Древней Греции и Древнего Рима. Уже в Средние века хорошо известный в российской истории своим поединком с А. Невским шведский ярл Биргер узаконил участие женщин в политической жизни государства. С XVI в. на престоле мы видим не просто женщин, а женщин-правительниц. В XX в. в большинстве стран мира была решена проблема юридического равноправия женщин. Даже в мусульманских и католических странах женщины-государственные деятели перестали вызывать удивление. В то же время обращение

ЕРШОВ Андрей Николаевич, ректор Академии государственного и муниципального управления при Президенте Республики Татарстан, доктор социологических наук, профессор.

ИВЛЕВА Ольга Сергеевна, преподаватель кафедры социологии и философии Академии государственного и муниципального управления при Президенте Республики Татарстан.

к истории вопроса отчетливо выявляет истоки различных исследовательских подходов.

Российская история также знает женщин, игравших заметную роль во власти. Более того, собственно и российское государство как аппарат централизованного управления страной берет начало с административной реформы княгини Ольги, разделившей страну на погосты и поставившей в каждом погосте тиунов — полномочных представителей государственной власти на местах. Государство стало выстраивать некоторую структуру, начали определяться функции отдельных органов власти. Эти процессы облекались в форму княжеских распоряжений, имевших силу закона. При этом княгиня Ольга являет собой пример органического сочетания безутешной вдовы, свято хранящей верность погибшему супругу, а также заботливой матери и мудрой правительницы.

Дальше с женским политическим лидерством в отечественной истории начинаются некоторые сложности. Царевна Софья не была такой амбициозной ограниченной дамой, какой ее любят изображать в фильмах и книгах о юности Петра I. Все зачатки конструктивных преобразований в эпоху, предшествующую приходу к реальной власти Петра Великого, связаны с «Зеленой тетрадью» князя В. В. Голицына, в которой изложен довольно последовательный план радикального обновления России, лишь отчасти реализованный впоследствии первым императором. Абсолютное влияние на его наследницу А. Д. Меншикова не было тайной даже для их современников. Время царствования Анны получило название «бироновщина». Полное равнодушие Елизаветы к государственным делам, управление которыми было сосредоточено в руках И. И. Шувалова и сменившего его А. Г. Разумовского, широко обсуждалось даже за пределами России. Царствование Екатерины II, несмотря на все достижения, носило весьма противоречивый характер. Неоднозначную роль последней императрицы отмечают даже такие верноподданные мемуаристы, как А. И. Деникин, экс-командир Отдельного корпуса жандармов и товарищ министра внутренних дел А. Г. Курлов, бывший министр иностранных дел царской России С. Д. Сазонов и др.

Миф о том, что женскому лидерству препятствуют семейные обязанности, не выдерживает критики. Достаточно

вспомнить уже упомянутую княгиню Ольгу или более близкую по времени М. Тэтчер. Мы видим немало примеров успешных женщин и дома, и на работе. Так, например, мать братьев Елисеевых (один из которых — космонавт, академик, много лет возглавлявший МВТУ им. Н. Э. Баумана) одна вырастила и воспитала сыновей, при этом стала видным ученым, доктором наук, профессором. Эти примеры показывают, что женщине, чтобы стать лидером, вовсе не обязательно, подобно Елизавете I Английской, жертвовать тем, что принято называть «женской природой» (замужество, материнство и т. п.).

Разумеется, примеров женского лидерства в политике даже меньше, чем принято считать. Но их нельзя игнорировать. XX в. выдвинул на авансцену политической жизни немало женщин даже на Востоке, где они традиционно занимали подчиненное положение. Стало очевидным, что женщина может быть представителем социальной элиты и общественным лидером глобального масштаба, оставаясь при этом Женщиной (И. Ганди, М. Тэтчер и др.).

Однако и в XXI в. проблема гендерного равенства остается актуальной. Во-первых, по-прежнему стоит вопрос правоприменения законодательных норм, регулирующих положение женщины в современном обществе. Во-вторых, очевидна необходимость компаративного мониторинга решения гендерных проблем в различных странах и регионах¹. В-третьих, необходим анализ своеобразия решения гендерных проблем в отдельно взятых странах и регионах². В-четвертых, актуальны вопросы практической реализации гендерных аспектов гражданских прав и свобод в отдельных сферах жизнедеятельности человека и общества³.

Можно выделить несколько направлений исследования этих проблем. Ученые, работающие в рамках социально-правового направления, основное внимание сосредоточивают на юридическом обеспечении гендерного равенства, доходящем до введения квот и даже до обратной дискриминации с присущим последней предпочтением в пользу представителей дискриминируемой группы. Так, интересный материал, касающийся практики правового решения проблемы гендерного равенства в европейских странах, содержится, например, в работе Н. М. Степановой «Практики правового решения проблемы гендерного равенства в европейских странах» (2007)⁴. Сторонники социально-психологического

направления склонны рассматривать все проблемы сквозь призму психофизиологических различий, существующих между женщинами и мужчинами. Содержательный анализ таких подходов дан Т. Б. Рябовой⁵. Социально-историческое направление интерпретирует вопросы гендерного равенства как следствия воздействия сложившихся когнитивно-объяснительных стереотипов на социальное поведение людей⁶.

Социально-статистическое направление описывает сложившуюся ситуацию с гендерным равенством в различных сферах жизнедеятельности общества и регионах⁷.

Эти направления вполне соответствуют отмеченным выше исторически сложившимся подходам к проблемам гендерного равенства в сфере социального управления и основным парадигмам современной социологии. Направление исследований гендерного равенства, определяемое как социально-правовое, соответствует парадигме социальных дефиниций. Социально-психологическое, как и социально-статистическое, тяготеет к парадигме социальных фактов. Социально-историческое направление явно соотносится с парадигмой социального поведения. Однако, как показывает анализ гендерных практик социального управления, например, в Республике Татарстан еще недостаточно разработаны подходы к этой проблематике в парадигме социально-исторического детерминизма.

Социально-исторический детерминизм сводит общество к взаимодействию личностей, обладающих потребностями, представлениями, способностями, характерами и т. д. Их внутренние и внешние переживания, основанные на внутреннем мире человека, взаимодействия обусловлены объективным состоянием общества, которое само является результатом прошлых взаимодействий. Опираясь на прошлое, мы живем в настоящем, создаем будущее, изменяя своими действиями существующее состояние общества.

Применительно к сфере социального управления научное объяснение состояния и тенденций развития проблемы гендерного равенства предполагает поиск ответов на ряд вопросов: «Каковы мотивы управленческой деятельности?», «Какова структура этой деятельности?», «Насколько эффективна эта деятельность?».

Субъект управления может руководствоваться или своими интересами, или интересами той социальной общности,

которая является объектом управленческой деятельности. В первом случае выявление различий интересов субъекта и других участников процесса управления дезорганизует их взаимодействие, что роковым образом отражается на эффективности управленческой деятельности даже с точки зрения управляющего субъекта. Последний сталкивается с открытым или скрытым саботажем управленческих решений, препятствующим достижению его целей. Во втором случае, напротив, мотив защиты общих интересов сплачивает управляющих и управляемых. Но только тогда и постольку, когда и поскольку эти общие интересы позитивно соотносятся с интересами частными. Это значит, что в данном случае интерес субъекта управления, мотивирующий его профессиональную деятельность, должен заключаться в защите интересов управляемой общности, а интересы общности в свою очередь не должны противоречить интересам ее членов. Получается, что эффективность социального управления теснейшим образом связана с концепцией элит, разработанной в 70—80-х гг. XX в. Ю. Хабермасом.

Ю. Хабермас указывал, что элита — это часть общества, специализирующаяся на представлении и защите общих интересов. Чтобы представлять именно общие интересы, а не свои собственные представления об общих интересах, элита должна уметь их выявлять и формулировать. Это предполагает постоянный дискурс элиты и массы, т. е. той части населения, которая живет своими частными интересами и для которой общие интересы значимы в той мере, в которой они могут быть позитивно соотнесены с конкретным частным интересом отдельного представителя массы. Однако структура дискурса предполагает наличие медиатора, побуждающего партнеров к диалогу посредством критики односторонности их мировосприятия. Этот медиатор — общественность⁸.

Итак, эффективное социальное управление предполагает, что специалист по управлению является представителем элиты, основополагающая черта которой — высокий уровень духовности как сочетания идеальной потребности познания и социальной потребности жить для других⁹. При этом элитарность предполагает не изоляцию от общества, не закрытость группы, а демократичность, настрой на социальное партнерство, диалог со всеми участниками

социального процесса. Собственно, основная мотивация эффективного менеджера и обусловливается его духовностью. Современный управленец — представитель элиты. В противном случае он не может рассчитывать на успех в своей профессиональной деятельности.

Управление давно стало коллективным: более или менее сложными социальными процессами может управлять команда, но не отдельный человек. Само понятие управленческой команды неотделимо от понятия лидерства. Д. Майерс определяет лидерство как «процесс, посредством которого определенные члены группы мотивируют и ведут за собой группу»¹⁰. Вся группа — управленческая команда — элита, включая лидера, но не все члены группы — лидеры. Иными словами, каждый лидер должен быть представителем элиты, но не каждый представитель элиты является лидером.

Элитарность и лидерство — это способ мировосприятия, отношения к жизни. Ныне гендерные различия в способах восприятия мира — факт, не вызывающий сомнений. Таким образом, возникает вопрос «Как вписываются элитарность и лидерство в типичные гендерные модели мировосприятия?». Речь идет не о том, способны ли отдельно взятые мужчины и женщины быть успешными представителями элиты или лидерами. Вопрос в другом: «Может ли типичная женщина быть не менее успешным представителем элиты, лидером, чем типичный мужчина?».

Д. Майерс доказывает, что женщины более внимательны и чувствительны к нуждам других людей. Женскому стилю поведения присуща направленность на взаимное общение. Женщины менее агрессивны и т. д.¹¹ Эти выводы свидетельствуют о том, что типичная женщина более подвержена восприятию и усвоению именно тех черт мировосприятия и социального поведения, которые и составляют основополагающие признаки элитаризма. Кроме того, многие исследователи утверждают, что у женщин чаще, чем у мужчин, встречается демократический стиль лидерства, наиболее соответствующий вызовам времени¹². Следовательно, типичная женщина как минимум может быть не менее успешным представителем элиты и даже лидером, чем типичный мужчина.

Следовательно, когда мы говорим о гендерном равенстве в сфере социального управления, суть проблемы состоит не в неспособности женщины быть эффективным менед-

жером, лидером и тем более не в объективной ситуации, препятствующей включению женщин в управленческую деятельность. В этом плане эволюционистский подход в исследовании подобной проблематики, делающий упор на «естественный отбор», объективные детерминанты тех или иных социальных приоритетов, оказывается уязвимым для критики. Более адекватным приходится признать культуральный подход, заостряющий внимание на субъективных детерминантах, стереотипах мировосприятия, исторически сложившихся и часто воздействующих на поведение людей даже тогда, когда объективные условия, определявшие их формирование и развитие, коренным образом изменились. Женщине приходится с большим трудом завоевывать себе место в мире социального управления не потому, что она менее способна к этой деятельности по сравнению с мужчиной, а вследствие *господства соответствующих ролевых установок*. Ее не только не принимают в качестве успешного менеджера, она сама способна воспринимать себя в этой роли только при условии принятия типично мужской модели мировосприятия и поведения. Когда к этому прибавляется использование типично женских признаков поведения (соблазнение, кокетство, повышенная эмоциональность и т. п.) в качестве инструмента достижения цели, мы констатируем наличие «стервы», роль которой принимается за обязательную основу женского успеха в современном мире. Не женщина, а мужчина в женском облике часто оказывается образцом поведения для женщины, пытающейся делать управленческую карьеру. Можно сказать, что чаще всего бизнес-леди в действительности оказывается феминизированной женщиной, использующим типично женские «уловки» в типично мужском поведении. Однако именно типично женское мировосприятие и поведение в современных условиях могут оказаться более эффективными с точки зрения достижения главной цели социального управления — формирования и укрепления социального партнерства на основе учета и обеспечения разнообразных интересов субъектов.

Противоречие, складывающееся между традиционными ролевыми установками и объективными потребностями общества, объясняет то своеобразное положение, которое мы видим в гендерной структуре персонала государственного и муниципального управления в Республике Татарстан.

В составе государственной службы РТ женщины составляют 72,8 % персонала. Они преобладают в возрастных группах до 50 лет. Среди руководителей государственной службы женщины составляют 55,9 %, на должностях помощников (советников) работают 63,6 % женщин. Должности специалистов государственной службы занимают 75,5 % женщин, среди обслуживающих специалистов женщин — 88,5 %.

Итак, женщины уже сегодня преобладают в государственной службе региона, включая и федеральные органы власти на территории Татарстана. Кроме того, их на 5,1 % больше в возрастной группе работников до 30 лет; на 3,3 % — в группе до 40 лет и на 1,1 % — в возрастной группе до 50 лет. Иными словами, омоложение государственной службы происходит за счет женщин.

Однако тенденция к феминизации государственной службы ослабевает по мере восхождения по ее иерархической лестнице. Если в целом женщины составляют без малого три четверти работников государственной службы, то среди работников, занимающих руководящие должности, их немногим больше половины. Женщину уже оценили как специалиста государственного управления, но ей еще не вполне доверяют как руководящему работнику государственной службы.

Но государственная служба по определению должна исходить из приоритетов общественных интересов. Профессиональная защита и обеспечение частных (локальных) интересов — задача органов местного (локального) самоуправления. Вестернизация понятия «местное» через термин «локальное» необходимо для того, чтобы понять специфику муниципальной службы: речь идет не о дополнении системы государственного управления органами, полномочия которых ограничены пределами территории (муниципального образования, поселения), а об особой миссии местного самоуправления. Интересы массы локализованы, но они нуждаются в представлении и защите на всех уровнях организации жизнедеятельности общества. Именно муниципалитеты в первую очередь должны строить свою деятельность на широком общественном дискурсе, опирающемся на представительство, учет и взаимное согласование частных интересов всех социальных субъектов. Казалось бы, именно здесь и надо в максимальной степени использовать преимущества женского социального мировосприятия (эмпатия, демократичность и пр.).

Что же в действительности? В муниципальной службе Республики Татарстан среди депутатов представительных органов муниципальных образований женщин 27,4 %; среди глав муниципальных образований — 24,5 %. Таким образом, если среди руководящих работников органов государственного управления женщин несколько больше половины, то среди руководящих работников муниципальной службы их только около четвертой части от общей численности данной категории персонала.

На наш взгляд, есть три фактора, которые объясняют сложившееся положение с гендерным равенством в сфере социального управления.

Во-первых, с большим трудом прививается в сознании специалистов и населения новая постмодернистская парадигма социального управления, отказывающаяся от приоритета интересов «системы» над интересами субъектов¹³. Во-вторых, с неменьшими трудностями проникает в сознание социальных субъектов современная концепция взаимодействия на основе партнерства, а не подчинения¹⁴. В-третьих, вследствие воздействия первых двух факторов сохраняются ролевые ожидания и установки, уже не адекватные вызовам времени.

Таким образом, корень проблемы гендерного равенства в социальном управлении состоит в политическом воспитании населения, включая персонал органов управления. Следует не плестись в хвосте у часто отстающей от вызовов времени практики, а работать «на упреждение». В качестве практической меры можно предложить восстановление системы политического просвещения, игравшей в СССР роль политического всеобуча (разумеется, на новой основе); совершенствование (с учетом гендерного подхода) учебно-образовательных программ подготовки и переподготовки управленческих кадров.

Объективная ситуация требует активного включения женщин в социальное управление. Правовые основы этого процесса налицо. Но готово ли общество, включая лидеров и самих женщин, к тому, чтобы принять женщину в качестве полноправного и полномочного представителя элиты и лидера не в «точечном» формате отдельных представителей прекрасного, но неслабого пола типа И. Ганди или Б. Бхутто, М. Тэтчер или А. Меркель? Сможет ли общество

когда-нибудь оказаться готовым к такому повороту событий, если этим процессом не управлять, пустить на самотек политико-воспитательную работу с самыми широкими кругами населения?

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Гендерное равенство в России и Канаде: перспективы использования позитивного опыта. URL: <http://www.formulaprava.ru/files/materials/156> (дата обращения: 21.04.2009).

² См.: Хушкадамова Х.О. Женщины в политике и управлении Таджикистана // Социс. 2009. № 5. С. 76—80.

³ См.: Мирошниченко О.Н. Профессиональная самореализация женщин-государственных служащих в условиях гендерно-адаптируемой политики органов государственного управления (на примере Чувашской Республики). Н. Новгород: ВВАГС, 2005. 187 с.

⁴ См.: Степанова Н.М. Практики правового решения проблемы гендерного равенства в европейских странах // Новые направления политической науки. М., 2007. С. 187—199.

⁵ См.: Рябова Т.Б. Рекрутирование гендерной идентичности в современной российской политической риторике // Там же. С. 165—177.

⁶ См.: Завершинская Н.А. Вопросы гендерного равенства как следствия воздействия сложившихся когнитивно-объяснительных стереотипов на социальное поведение людей // Там же. С. 84—97.

⁷ См.: Айвазова С.Г. Гендерный порядок в России: возможности и пределы модернизации (опыт использования институциональной методологии) // Там же. С. 69—83.

⁸ См.: Современная западная социология: теории, традиции, перспективы / под ред. П. Монсона. СПб.: НОТАБЕНЕ, 1992. С. 307—343.

⁹ См.: Педагогика. Большая современная энциклопедия / сост. Е.С. Рапаевич. Мн.: Совр. слово, 2005. С. 156.

¹⁰ Социальная психология. СПб.: Питер, 1999. С. 394.

¹¹ Там же. С. 229—233.

¹² Там же. С. 395.

¹³ См.: Бурганова Л.А. Социология управления: учебник. Казань: Изд. КГТУ, 2007. С. 28—33.

¹⁴ См.: Ершов А.Н. Социальные ресурсы местного самоуправления. Казань: Идель-Пресс, 2001. С. 69—102.

Поступила 20.10.09.

Ю. Ю. КУДАШКИНА

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ И КАЧЕСТВО ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНА

Ключевые слова: социальное развитие; уровень жизни; качество жизни; социальные индикаторы; население; общество; регион; социальная сфера; индекс качества жизни

Key words: social development; living standards; quality of life; social indicators; population; society; region; social sphere; index of quality of life

Существенно возросший интерес к проблематике качества жизни свидетельствует о том, что общество озабочено не только проблемами самосохранения, но и вопросами устойчивого социального развития, необходимостью создания достойных условий жизни для будущих и ныне живущих поколений. Признавая качество жизни как социально-экономическую категорию, наиболее логичным, хотя и не претендующим на истину в последней инстанции, представляется его определение как степени удовлетворения потребностей и реализации интересов социального субъекта¹. Поэтому измерение этого потенциала является одновременно и оценкой качества жизни.

Оценка уровня и качества жизни характеризуется комплексом показателей, отражающих различные стороны жизни общества. В целом ситуация в социальной сфере Республики Мордовия может быть оценена как противоречивая. Наблюдаются негативные тенденции: низкие параметры воспроизводства населения, устойчивая депопуляция и сокращение численности (за период с 1959 по 2009 г. включительно население региона сократилось на 172 тыс. чел., или на 17 %, и составляло на 1 января 2009 г. 833 тыс. чел.); увеличение общей заболеваемости населения (на 33 % по сравнению с 2000 г.); уменьшение показателя обеспечения

КУДАШКИНА Юлия Юрьевна, соискатель кафедры государственного и муниципального управления Мордовского государственного университета.

населения медицинскими услугами (обеспеченность койко-местами в больничных учреждениях на 10 тыс. чел. населения в 2008 г. сократилось на 19,8 % по сравнению с 2000 г.); значительная дифференциация в оплате труда (ее низкий уровень в основных отраслях экономики: промышленности, образовании, сельском хозяйстве, культуре, а также в непроизводственных видах обслуживания населения); задолженность по заработной плате; снижение реальных доходов работников бюджетной сферы; несоответствие профессиональной структуры безработных структуре спроса на рабочую силу; уменьшение контингента дошкольных и школьных образовательных учреждений и др.

В то же время имеются положительные тенденции: рост денежных доходов, среднемесячной заработной платы, пенсий как в номинальном, так и в реальном выражении, причем рост доходов опережает рост потребительских цен (номинальная начисленная средняя заработная плата в январе—декабре 2008 г. в целом по Мордовии составила 10 530,5 руб. и возросла по сравнению с январем—декабром 2007 г. на 30 % и в 10 раз по сравнению с 2000 г.; выплата пенсий по Мордовии в 2008 г. в среднем в месяц составила 3 750 руб., т. е. произошел рост на 22,7 % по сравнению с 2007 г.); в структуре потребительских расходов снизилась доля на покупку алкоголя и оплату услуг и, напротив, возросла на покупку непродовольственных товаров и продуктов питания; увеличение показателя обеспеченности врачами на 10 тыс. чел. населения; укрепление материальной базы учреждений культуры и здравоохранения, а также развитие массового спорта (по сравнению с 2000 г. возросла численность занимающихся в детско-юношеских спортивных школах на 53,8 % и занимающихся в спортивных секциях и группах более чем в 2 раза); внедрение современных видов связи; снижение общего количества преступлений более чем на 12 %².

Для более полного анализа социальной ситуации нами была построена интегральная оценка социального положения Мордовии и определен обобщающий показатель уровня социального развития за период с 2003 по 2008 г. В качестве позитивных показателей рассмотрены 10 индикаторов, негативных — 7 индикаторов³. Результаты этой оценки приведены в табл. 1.

Таблица 1

Интегральная оценка уровня социального развития Республики Мордовия

Интервал оценки	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.
0,15—0,3	—	—	—	—	—	—
0,31—0,45	0,31	0,37	0,42	—	—	—
0,46—0,6	—	—	—	0,46	0,59	—
0,61—0,75	—	—	—	—	—	—
Свыше 0,75	—	—	—	—	—	0,78

Из табл. 1 видно, что для Мордовии в 2003—2005 гг. были характерны существенный уровень социального благополучия и средний уровень социальной напряженности. В 2006—2007 гг. в республике наблюдались средний уровень социального благополучия и существенный уровень социальной напряженности, а в 2008 г. — весьма высокий уровень социального благополучия и низкий уровень социальной напряженности. Низкий уровень социальной напряженности в последний год обусловлен значительным уменьшением высоких значений негативных факторов, т. е. в Мордовии в эти годы отмечалось снижение уровня смертности, в том числе младенческой, количества зарегистрированных преступлений и числа официально зарегистрированных безработных. Высокий уровень социального благополучия обусловлен ростом значений позитивных индикаторов, таких как численность занятых, приходящихся на 1 пенсионера; размер средней заработной платы; количество браков и др.

Важным для выявления уровня жизни населения республики является прогнозирование явлений и процессов, происходящих на рынке труда, подходящим инструментом для которого являются регрессионные математические модели⁴. Решение задач прогнозирования занятости населения предполагает определение зависимости от основных социально-экономических параметров развития демографических факторов, в том числе миграционных процессов.

Для определения взаимосвязей между динамикой занятости населения Мордовии и основных социально-экономических показателей рассмотрим базу данных, представляющих собой совокупность показателей за период 2001—2008 гг. Так как экономическим системам свойственны «лаговые» взаимодействия, то для учета фактора времени все показатели приведем к базе 2001 г. Исходные данные представлены в табл. 2⁵.

Таблица 2

Динамика основных социально-экономических показателей Республики Мордовия, % к 2001 г.

Показатель*	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.
X ₁	100,0	97,3	98,2	99,7	104,7	101,6	105,3	110,4
X ₂	100,0	123,5	142,3	191,2	246,3	315,5	385,0	528,6
X ₃	100,0	98,5	92,7	85,2	91,4	85,1	84,5	87,7
X ₄	100,0	172,8	243,2	287,4	329,4	493,3	639,2	859,9
X ₅	100,0	157,2	158,9	150,0	151,8	144,5	157,0	101,4
X ₆	100,0	98,8	97,6	96,5	95,4	94,3	93,3	92,5
X ₇	100,0	94,8	84,5	66,0	55,6	63,5	43,6	34,2
X ₈	100,0	95,7	89,1	81,5	92,4	71,7	67,4	62,0
X ₉	100,0	136,3	188,2	241,0	289,5	366,4	432,3	545,0
X ₁₀	100,0	107,0	91,9	75,6	54,1	62,6	62,9	69,4

* X₁ — темп роста (снижения) численности занятого населения; X₂ — индекс физического объема промышленного производства; X₃ — индекс потребительских цен; X₄ — объем инвестиций в основной капитал (в сопоставимых ценах); X₅ — сальдо миграции населения; X₆ — темп роста (снижения) численности постоянного населения; X₇ — темп роста (снижения) общей численности безработных; X₈ — темп роста (снижения) численности безработных, зарегистрированных в государственной службе занятости населения; X₉ — темп роста (снижения) среднедушевых доходов населения в месяц (в сопоставимых ценах); X₁₀ — темп роста (снижения) потребности в работниках, заявленной предприятиями в службу занятости.

Для осуществления предварительного анализа взаимной динамики выбранных показателей нами была рассчитана матрица парных корреляций.

Значения коэффициентов парной корреляции указывают на тесную связь динамики численности занятых в экономике республики с объемами промышленного производства ($r_{x_1x_2} = 0,92$), объемами инвестиций в основной капитал ($r_{x_1x_4} = 0,88$), а также темпами снижения численности постоянного населения ($r_{x_1x_6} = -0,83$), темпами роста (снижения) общей численности безработных ($r_{x_1x_7} = -0,89$) и численности зарегистрированных безработных ($r_{x_1x_8} = -0,72$), темпами роста (снижения) среднедушевых доходов населения в месяц ($r_{x_1x_9} = 0,89$). Столь тесная взаимосвязь этих показателей обусловлена реальными экономическими процессами, поскольку непосредственно от уровня развития производства

и инвестиций зависит количество рабочих мест как существующих, так и вновь создаваемых.

Применение пошагового регрессионного анализа позволило построить несколько статистически значимых регрессионных уравнений. Первое увязывает индекс занятости с темпами промышленного производства и имеет вид:

$$Y = 95,22 + 0,027X_2 . \quad (1)$$

Коэффициенты регрессии статистически значимы по критерию Стьюдента ($t_{\beta_0} = 69,7$; $t_{\beta_2} = 5,8$) и F -критерию Фишера ($F = 33,25$). Следовательно, полученное значение является неслучайным, оно получено под влиянием существенных факторов. Таким образом, для изменения уровня занятости населения на 1 % необходимо достичь увеличения объемов промышленного производства на 14,9 % ($\mathcal{E}_2 = 0,067$).

Второе регрессионное уравнение представляет собой попытку установить зависимость динамики уровня занятости населения от капиталовложений в региональную экономику. Полученная зависимость имеет вид:

$$Y = 96,24 + 0,015X_4 . \quad (2)$$

Коэффициенты регрессии статистически значимы по критерию Стьюдента ($t_{\beta_0} = 64,3$; $t_{\beta_4} = 4,6$), а модель — по критерию Фишера ($F = 21,44$; $p < 0,00358$); $R^2 = 0,884$. Частный коэффициент эластичности $\mathcal{E}_4$ равен 0,057. Таким образом, рост инвестиций в производственную сферу экономики на 1 % приводит к росту индекса занятости населения на 0,05 % (для увеличения индекса занятости на 1 % необходим рост инвестиций на 17,5 %).

Из приведенных выше результатов расчетов мы видим, что на занятость населения в большей степени оказывает влияние показатель динамики инвестиций. Таким образом, для увеличения численности занятого населения на 1 % при прочих равных условиях необходимо обеспечить рост объемов производства на 0,4 %, инвестиций — на 0,3 %.

Третье регрессионное уравнение связывает динамику занятости населения с показателями промышленного производства и численностью зарегистрированных безработных.

$$Y = 67,86 + 0,050X_2 - 0,261X_8 . \quad (3)$$

Таким образом, повышение уровня занятости населения на 1 % произойдет при прочих равных условиях в случае, если прирост промышленного производства составит 8,1 %, а число зарегистрированных безработных снизится на 4,8 %.

Проведение дальнейшего регрессионного анализа позволило построить уравнение, отражающее зависимость динамики индекса занятости с темпами роста (снижения) среднедушевых доходов населения в месяц:

$$Y = 94,8 + 0,026X_9 . \quad (4)$$

Для увеличения численности занятого населения на 1 % необходимо увеличение среднедушевых доходов на 13,7 %.

Таким образом, существует тесная связь динамики численности занятых в экономике республики с объемами промышленного производства, объемами инвестиций в основной капитал, темпами снижения численности постоянного населения, темпами роста (снижения) общей численности безработных и численности зарегистрированных безработных, а также темпами роста (снижения) среднедушевых доходов населения в месяц.

Предложенный комплекс моделей является инструментом анализа и прогнозирования динамики занятости населения во взаимоувязке с основными макроэкономическими показателями и может быть использован для практических расчетов как на уровне регионов, так и отдельных муниципальных образований.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Маликов Н.С. К вопросу о содержании понятия «качество жизни» и его измерению // Уровень жизни населения регионов России. 2002. С. 12.

² См.: Мордовия: стат. ежегодник / Мордовиястат. Саранск: Тип. «Красный Октябрь», 2009. С. 42—186.

³ Там же.

⁴ См.: Ефимова М.Р., Бычкова С.Г. Социальная статистика: учеб. пособие. М.: Финансы и статистика, 2003. С. 112.

⁵ См.: Мордовия: стат. ежегодник ...

Поступила 04.03.09.

А. А. АНОШКИН

РАЗВИТИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РЕГИОНЕ

Ключевые слова: малый бизнес; предприниматели; предприятие; конкуренция; рынок; товарооборот

Key words: small business; entrepreneurs; enterprise; competition; market; sales volume

Количество субъектов малого бизнеса в России вполне соответствует аналогичным показателям в развитых странах. Однако сектор малого бизнеса имеет относительно небольшое значение для отечественной экономики, его вклад в ВВП колеблется в пределах 13—15 %, в малом бизнесе заняты 18—20 % от общего числа работников. При этом, например, в США он обеспечивает 52 % рабочих мест и 51 % общего объема выручки предприятий частного сектора¹. В Пермском крае показатели развития малого бизнеса несколько хуже среднероссийских. Малые предприятия обеспечивают работой 13,6 % работающего населения, доля продукции, произведенной малыми предприятиями, в ВРП края составляет 8,6 %².

Низкий уровень развития отечественного малого бизнеса связывают с системными экономическими факторами: чрезмерным регулированием экономики, монополизмом крупного бизнеса и государственных компаний во многих сферах, трудностями доступа к финансовым средствам для малых предприятий, коррупционным и административным давлением.

Для выявления проблем развития пермского бизнеса нами было проведено исследование малых предпринимателей г. Перми, представляющих различные отрасли: информационные технологии, финансовые услуги, торговля, строительство, производство промышленной продукции, оказание бытовых услуг, туризм, образование. В выборку были включены руководители малых предприятий.

¹ АНОШКИН Артем Александрович, аспирант кафедры культурологии Пермского государственного технического университета.

Процедура исследования заключалась в проведении глубинного интервью. В ходе беседы обсуждался круг вопросов, относящихся к предприятию: ситуация в отрасли, влияние конкуренции на предприятие, маркетинговая политика, кадровый менеджмент, финансовая стратегия, стратегия развития бизнеса, планы на перспективу.

Рынки, на которых работают малые предприниматели, представляются им сформировавшимися, давно поделенными, новым игрокам сложно на них выйти. *«В современных условиях начинать дело сложнее, потому что все уже распределено, все связи установлены, начать работать в металлургии вообще нереально. Все идет, все работает, кто-то строит, кто-то другим занимается, вклиниться в данную цепочку нереально. Сейчас, если кто-то что-то и делит, то это на самом верху (это касается олигархов), а нам внизу — это уже практически утопия что-то менять... Нужно заниматься тем, чем занимаешься, где уже есть связи, знакомые, где уже все знаешь»* (оптовая торговля). *«В большинстве отраслей уже все определено. Скажем, захочешь ты поставить свои строительные материалы. К кому ты пойдешь, как будешь договариваться? Все уже всех знают, все работает»* (ремонт и торговля).

Период формирования рынка респонденты вспоминают как значительно более простое для создания предприятия время. *«Время тогда было очень благоприятное, наши услуги тогда уже пошли, в Москве уже определились, а у нас была полная тишина. Незнание было полное, но желание стопроцентное. Поэтому сейчас я вспоминаю тех клиентов, те времена — о-о-о-о, как это было круто!»* (дизайн).

Существующие на рынке конкуренты не представляют угрозы для предпринимателей. *«У нас нет конкурентов, есть своя ниша, остальные компании продают либо дешево, либо дороже. Мы дистрибьюторы „...“ по Пермскому краю, других нет и не будет, мы дальше, куда пустят, туда и пойдём»* (торговля). *«Конкурентов я для нас не вижу. Большие предприятия я не беру, у них совсем другие обороты»* (коммунальные услуги).

Однако явную тревогу вызывают крупные компании, входящие на рынки Пермского края. *«Тогда не было больших магазинов, например, „М-Видео“ или „Сидилэнд“, то есть были, но не так много, сейчас диски уже продают в*

любом продуктивном универмаге. Клиентов не так много, как хотелось бы. Многие идут в большие торговые центры, большие магазины. Малому бизнесу в этом смысле сложнее и сложнее с каждым годом» (торговля). «Очень много компаний в нашем регионе, у которых владельцы в Москве, и многие вопросы с поставками, с серьезными услугами принимаются в Москве. Соответственно, много очень московских компаний в нашем регионе появилось, очень крупные игроки, IBS недавно пресс-релиз выпустила об открытии ресурсного центра на базе нашего региона. Основной конкурент сейчас — это московские компании. Московские компании имеют финансовые ресурсы, они могут себе позволить выходить на эти рынки, вопрос лишь, когда они появляются во все больших масштабах» (ИТ-услуги).

В перспективе угрозу пермским компаниям представляют также китайские фирмы. «Мы себе не ставим цели конкурировать с китайцами. Хорошо, хотите, берите китайцев, конкурировать с ними ни по ценам, ни по функциональным возможностям, ни по качеству мы не будем. Да, китайцы дешевые, китайские машины тоже ездят иногда. Но дело все в том, что Китай нас заваливает огромным количеством продукции...» (ИТ-услуги). «Конечно, далековато от нас пока находится Китай, но, насколько я себе представляю, все наши территории Дальнего Востока и Сибири уже наводнены дешевыми китайскими товарами, правда, не всегда хорошего качества, но действительно дешевыми, когда эта волна докатится до нас, нам будет непросто существовать» (производство).

Конкурентное поведение предпринимателей при этом можно охарактеризовать как уход от конкуренции, малый бизнес стремится ограничить себя уже имеющимися клиентами, меры по расширению бизнеса предпринимаются крайне осторожно. «Да мы даже не считаем их конкурентами, нет такого, что прямо там кто-то кого-то „душит“, отбирает у кого-то клиентов. Просто то, чем мы занимаемся, нужно всем. Каждый день появляются новые фирмы, которые закупают наши программные продукты. Работы на рынке хватает всем» (ИТ-услуги). «Какой-то жесткой конкуренции нет, как, например, в Екатеринбурге. Там действительно конкурируют, а у нас каждая фирма

имеет свой сегмент и спокойно „сидит“» (образование).

Взаимоотношения с органами государственной власти предприниматели характеризуют как нейтральные, спокойные, однако следует отметить некоторое опасение относительно вмешательства властей в дела предприятия. «Учитывая последние 5 лет, власть и бизнес идут параллельно. Они меня не касаются, я их тоже. Единственные наши взаимодействия — налоговая инспекция. Какими-то городскими, региональными или федеральными проектами я не занимаюсь, да я уже ничего не хочу от власти, пусть они мне не мешают и все» (оптовая торговля). «К властям мы относимся равнодушно, они про нас не знают, и мы про них не знаем. У нас вообще никаких проблем с ними нет. Если бы было у нас кафе, может, санэпидемстанция, пожарные ходили бы, а у нас ничего отобразить невозможно. Все в голове, даже если все компьютеры у нас отобразить. Мы пойдём и новые купим, снова сядем на прежнее место и будем работать, а можем вообще дома сидеть и работать. Мы не то чтобы являемся неуязвимыми, мы неуничтожимые, мозги есть, а остальное отнюдь не важно. Даже все патенты на нас зарегистрированы, а не на фирму» (ИТ-услуги).

Пермские предприниматели не стремятся к расширению своего бизнеса. Как только предприятие начинает приносить владельцу определенную прибыль, задачи по дальнейшему развитию бизнеса не ставятся. «Растить мы сильно не хотим... Потому что это влечет глобальные изменения и в жизни, и в структуре, а я к этому не готова. Потому что большая компания имеет свои плюсы и свои минусы. И Вы их знаете. Понятно, что там и увеличение оборота, и денег, и больше заказов. Есть минусы, которые перевешивают эти плюсы, потому что финансов хватает» (дизайн). «Мы обычные люди, которые пришли в бизнес под влиянием обстоятельств. Мы росли вместе с этой страной, сейчас мы вписываемся в нее хорошо. Нет такой задачи обогнать Абрамовича. Мы позиционируем себя как средний класс, это нас устраивает социально и финансово, вполне на жизнь хватает» (ИТ-услуги). «Понятие успеха у всех свое. У кого-то это яхта в Средиземном море, замок на Мальдивах, у меня — значительно скромнее. Возможно, что я к этому не очень стремлюсь. Просто хочу

обеспечить достаточный уровень жизни для своей семьи, плюс какое-то расширение, какой-то запас. Если у меня все это есть, то я считаю, что достаточно успешен» (оптовая и розничная торговля).

Вероятно, что для российского малого бизнеса характерен паттерн «ракушки». Предприятие-«ракушка» замкнуто на собственном небольшом сегменте рынка. Такая фирма не осуществляет планирование собственной деятельности в соответствии с влиянием основных элементов внешней среды, клиентов и конкурентов. Малые предприятия Перми не выработывают стратегии, не развивают конкурентных преимуществ. Предприниматели полагаются на опыт, сложившуюся репутацию, имеющиеся связи. Можно предположить, что отрасли, в которых конкурируют в основном местные малые и средние фирмы, а компании из других регионов представлены слабо, отличаются низкой степенью конкуренции и, следовательно, небольшим количеством маркетинговых, технологических и организационных инноваций.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Д. Медведев: доля малого бизнеса в ВВП РФ составила 13—15 % // РИА Росбизнесконсалтинг. URL: <http://top.rbc.ru/economics/18/02/2008/142463.shtml> (дата обращения: 30.12.2008); OECD Small and Medium Enterprise Outlook. Paris: OECD Publications Service, 2000. 223 p.

² См.: Динамика развития малого предпринимательства в Пермском крае в 2005—2007 гг. // Пермский центр развития предпринимательства. URL: http://pcrp.ru/files/dinamika_razvitiya.doc (дата обращения: 30.12.2008).

Поступила 11.01.09.

М. С. ТРЕТЬЯКОВ

МОЛОДЕЖЬ НА РЕГИОНАЛЬНОМ РЫНКЕ ТРУДА

Ключевые слова: молодежь; занятость; рынок труда; безработица; кадры; трудовой потенциал; частный сектор; образование; опыт работы

Key words: youth; employment; labour market; unemployment; personnel; labour potential; private sector; education; job experience

Рынок труда представляет собой систему общественных отношений, отражающих уровень развития, и достигнутый на данный период баланс интересов между предпринимателями, работниками и государством.

Формирование в России экономики, основанной на рыночных отношениях, повлекло за собой кардинальные изменения в хозяйственном механизме и обострило проблему использования трудовых ресурсов. Смена приоритетов, структурные сдвиги и кризисные явления в народном хозяйстве потребовали выработки новых, рациональных подходов в управлении социальной защитой населения, в том числе в вопросах занятости. За годы экономических реформ стало ясно, что наряду со свойственными мировому индустриальному и постиндустриальному обществу социально-экономическими противоречиями между научно-техническим прогрессом и снижением безработицы, характером, условиями труда и его оплатой существуют специфические российские проблемы рынка труда, связанные с высоким уровнем трудовой активности населения при низком уровне жизни и эффективности труда; недостаточной территориально-отраслевой мобильностью кадров, не всегда соответствующей рыночным условиям подготовки и переподготовки кадров; неразвитостью инфраструктуры рынка труда.

Создание и развитие частного сектора экономики повлекли значительные изменения характера и содержания занятости,

ТРЕТЬЯКОВ Максим Сергеевич, аспирант кафедры социологии и политологии Курского государственного университета.

которые в капиталистическом государстве определяются требованиями рынка. Официально рынок труда в Курской области образован в связи с принятием в 1991 г. Закона «О занятости населения Российской Федерации». Становление рыночных отношений в сфере труда было связано прежде всего с изменением приоритетов государственной политики занятости. В первую очередь государство признало за работником право распоряжаться своими способностями к производительному труду, стало развивать мелкое и среднее предпринимательство на основе демонополизации, свободной конкуренции, привлечения иностранного капитала, создания возможностей для трудовой мобильности. Зарплаты в негосударственном секторе экономики оказались существенно более высокими, что обеспечило перераспределение кадров.

Рынок труда Курской области характеризуется сокращением спроса на рабочую силу в промышленно-производственном секторе и, как следствие, сокращением занятости на крупных и средних предприятиях и ростом регистрируемой безработицы. Одним из открытых проявлений неэффективной занятости является неполная занятость, которая из года в год остается достаточно высокой.

С целью детального изучения трудовых отношений, сложившихся в Курской области в ходе комплексного социологического исследования «Социокультурный портрет региона», нами было проведено анкетирование 1 128 жителей области, представителей различных возрастных и социальных групп. Результаты исследования показали, что в течение 1995—2007 гг. уровень «молодежной безработицы» в общей численности официально зарегистрированных безработных в Курской области составил 50 %, имея тенденцию к снижению. Наиболее высокая доля выпускников учебных заведений в общей численности регистрируемых безработных была отмечена в 1992 г. (20 %), самая низкая — в 2000 г. (1,5 %)¹.

В ходе экспертного опроса, в котором приняли участие руководители кадровых служб ведущих предприятий города, представители кадровых агентств и служб занятости населения, были отмечены существенные проблемы молодежной занятости в регионе. Ее причины носят объективный (отсутствие опыта работы, недостаточная квалификация молодых специалистов) и субъективный (недоверие к молодым людям со стороны руководства, трудовых организаций) характер.

Многие эксперты указывали на нехватку рабочих мест в регионе.

При изучении проблемы молодежной безработицы был выявлен ряд противоречий: возрастающая потребность общества в специалистах нового профиля, с одной стороны, и низкий спрос на молодых специалистов — с другой; достаточно высокий уровень общей подготовки молодых специалистов с высшим образованием и их профессиональная, практическая и психологическая незрелость; разрыв между профессиональной подготовкой, предоставляемой современными вузами и реальной обстановкой, сложившейся на рынке труда; неоднократные попытки ученых, экономистов и политиков решить проблему занятости и вывести страну из «безработного» кризиса и продолжающийся сохраняться высокий уровень безработицы среди молодых специалистов.

На вопрос о том, какие следует принять меры по решению проблемы занятости молодежи, эксперты практически единогласно заявили о необходимости корректировки учебных программ вузов в соответствии с запросами работодателей. Среди возможных мер по снятию напряженности также назывались увеличение количества рабочих мест; налоговые льготы для работодателей, принимающих к себе молодых специалистов; возвращение к системе распределения выпускников вузов с обязательной отработкой 3—5 лет. Таким образом, большинство работодателей ждет государственного влияния на рынок труда, будь то реформа образования или система распределения, но ни одна из этих мер невозможна без участия государства.

Органы государственного управления в свою очередь делают определенные шаги в решении проблем молодежной безработицы. Так, в октябре 2007 г. Курская областная дума приняла Закон «О квотировании рабочих мест для отдельных категорий молодежи в Курской области», который предусматривает обязанность средних и крупных организаций региона по резервированию или созданию рабочих мест за счет собственных средств для несовершеннолетних и молодых граждан в возрасте от 18 до 20 лет из числа выпускников учреждений начального и среднего профессионального образования, ищущих работу впервые. На наш взгляд, закон имеет явную сиюминутную социальную направленность. Не решая основных экономических задач, он призван гаранти-

ровать трудоустройство социально незащищенных граждан, при этом не адаптируя их к реалиям рынка труда. Кроме того, резервирование мест вынуждает работодателя ждать заполнения вакансий именно молодежью, иначе говоря, создает рабочие места, в которых нет производственной необходимости, что негативно сказывается на производительности труда предприятий региона. Сегодня подтверждается опасение в том, что этот закон постигнет участь Закона «О квотировании рабочих мест для инвалидов в Курской области». Работодатели его просто проигнорируют. Так, в III квартале 2007 г. из 516 инвалидов, нашедших работу с помощью службы занятости, лишь 5 были трудоустроены за счет квот².

Результаты исследования позволяют сделать вывод о пассивности всех участников рынка труда региона. Когда трудовые ресурсы используются неполностью, в особенности молодежные, экономическая система функционирует неэффективно. Последствия безработицы в регионе ложатся тяжелым бременем на все население региона, нанося серьезный ущерб жизненным интересам людей и системе общественных ценностей. Можно сказать, что высокий уровень безработицы — одна из острейших проблем современного общества, яркий и неоспоримый показатель нестабильности экономики страны.

Это говорит о необходимости выработки системной политики регулирования занятости населения, подразумевающей активное участие органов государственной власти в системе трудовых отношений, проводимой для стимулирования активности субъектов системы занятости региона, формирования эффективной и стабильной системы отношений на региональном рынке труда.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ По данным, предоставленным территориальным органом Федеральной службы государственной статистики по Курской области (ТО ФГС КО).

² По данным комитета по занятости населения Курской области.

Поступила 01.07.09.

В. А. СМІРНОВ

РАЗВИТИЕ МОЛОДЕЖНЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ В РЕГИОНЕ

Ключевые слова: молодежное общественное объединение; самоорганизация; потенциал общества; трансформация общества; жизнедеятельность

Key words: youth public association; self-organization; potential of the society; transformation of the society; life-sustaining activity

Современная Россия переживает процесс трансформации всех сфер жизни: социальной, политической, экономической, культурной. Многие процессы, происходящие в ней, носят неоднозначный и стохастический характер, не поддаваясь линейному управлению и требуя инновационных форм их оптимизации. Важнейшим механизмом успешной трансформации можно считать инновационно-реформаторский потенциал общества, основу которого составляет российская молодежь.

Особое место в этой ситуации отведено процессу самоорганизации молодежи, ее участию в общественно-политических процессах, формированию и развитию институтов гражданского общества. Важным элементом деятельности государства становятся работа по развитию самоуправления молодежи, поддержка самоорганизации и инициативы молодых людей, развитие молодежных общественных объединений (МОО).

Процессы трансформации общества протекают неравномерно в разных сегментах социума. Так, центр развивается быстрее, чем периферия, что ведет к неравномерному включению молодых людей в жизнедеятельность общества. Провинция существенно отстает от центра с точки зрения доступа молодых людей к интеллектуальным, инновацион-

СМІРНОВ Владимир Алексеевич, доцент кафедры философии Куростромской государственной сельскохозяйственной академии, кандидат политических наук.

ным, образовательным ресурсам. Все это требует системного анализа положения региональной и провинциальной молодежи, что мы и пытались сделать в ходе нескольких социологических исследований, проведенных на территории Костромской области¹.

При анализе процессов самоорганизации подростков и молодежи мы опираемся на концепцию *peer group*, разработанную европейскими социологами в 60—70 гг. XX в.² Подростковые и молодежные объединения могут рассматриваться как важнейший этап и механизм социализации подрастающего поколения. В связи с этим самым ценным в МОО мы видим не конкретную деятельность (в большинстве случаев предлагаемую взрослыми и зачастую не имеющую реального эмоционального отклика у подростков и молодежи), а возможность для молодого человека примерить на себя и отыграть разные социальные роли, попробовать себя в разных статусах и ситуациях социального взаимодействия.

Для описания особенностей МОО, действующих на территории Костромской области, было выделено несколько признаков: МОО глазами участников, мотивы участия молодежи в работе общественного объединения, участие МОО в решении проблем подростков и молодежи, особенности взаимоотношений МОО с органами государственной и муниципальной власти, а также институтами гражданского общества.

Мы придерживаемся конструктивистской методологии, для которой важно то, каким образом люди характеризуют ситуацию и социальное пространство, в котором они функционируют. Зачастую то, как объединение представлено в сознании его участников, разительно отличается от форм, целей и задач, декларируемых при его создании.

В ходе исследования участникам детских и молодежных общественных объединений был задан вопрос «Как Вы считаете, общественное объединение — это ...?», а также было предложено несколько вариантов ответа на него (табл. 1).

То обстоятельство, что большинство опрошенных участников объединений определяет свою организацию как группу людей с общими интересами, имеет двоякое значение. С одной стороны, это, безусловно, положительно, поскольку общественное объединение — это в первую очередь сообщество людей, имеющих общий интерес и общую цель, которые и стали фактором создания организации. С другой

стороны, данное обстоятельство наводит на мысль, что вся деятельность детского и (или) молодежного общественного объединения строится вокруг общения по интересам, не переходя в активную социальную фазу. В данном случае общественное объединение определяется как еще одна форма организации досуга и свободного времени, построенная на принципах общения по интересам. При этом тот факт, что на реальную деятельность («команда для проведения акций, мероприятий») и «объединение людей для решения собственных проблем») в общей сложности указывают чуть больше 14 % опрошенных, лишь подтверждает вышесказанное.

Таблица 1

Общественное объединение глазами участников, %

Вариант ответа	Опрошенные
Группа людей с общими интересами	54,9
Организация, созданная государством для решения проблем молодежи	21,6
Форма объединения людей для решения собственных проблем	6,5
Кружок, студия, где люди чему-то обучаются	8,5
Команда для проведения акций, мероприятий	7,8

Особого внимания требует оценка мнения опрошенных, указавших на то, что общественное объединение — это продукт, созданный государством для решения проблем молодежи (21,6 %). Эта позиция в корне противоречит самому понятию общественного объединения, создаваемого и существующего для уравновешивания влияния государства, создания «поля» приложения общественных сил, независимых от государственных структур и, мало того, призванных их контролировать. Такое неадекватное понимание общественной инициативы и активности ведет к формированию и развитию *социального иждивенчества*, отсутствию опыта демократического социального и политического участия, развитию неадекватного осознания молодыми людьми возможностей представления и отстаивания своих прав.

Участникам исследования был задан следующий вопрос: «Почему Вы стали участником общественного объединения?». Было предложено выбрать не более двух факторов, оказавших влияние на принятие решения (табл. 2).

Большинство опрошенных указало на то, что в общественное объединение их привела активная жизненная позиция (41,8 %). Важно понимать, что полученные цифры

не доказывают того, что заслуга в развитии молодежной активности принадлежит общественному объединению. Среди ответивших таким образом могут быть те, кому «просто нечего делать». Кроме того, в муниципалитетах Костромской области пока нет развитой системы реализации молодежной активности, кроме МОО. Есть надежда, что постепенно она там появится за счет активности политических партий и новых молодежных движений. В такой ситуации МОО, действующие при участии органов комитетов по делам молодежи, могут оказаться невостребованными.

Таблица 2

Мотивы участия молодежи в деятельности МОО, %

Вариант ответа	Опрошенные
Хочу сделать общественно-политическую карьеру	2,6
С помощью объединения могу сделать жизнь лучше	23,5
У меня активная жизненная позиция	41,8
В объединение меня привели родители	1,3
Просто больше нечего делать	30,7

Важным является тот факт, что более 30 % опрошенных указали в качестве мотива «просто больше нечего делать». Другими словами, треть участников МОО Костромской области, по их собственным оценкам, находится в объединении только до тех пор, пока не появился более интересный и привлекательный стимул. Сегодня молодежная сфера в плане привлекательности, красочности, эффектности своей деятельности существенно уступает сфере бизнес-услуг, привлекающей для организации досуга молодежи более значительные материально-технические и интеллектуальные ресурсы. Пока в большинстве муниципальных образований региона не сформировалась развитая индустрия развлечений, но с каждым годом темпы этого процесса возрастают. При этом молодежная сфера в большинстве случаев не предлагает альтернативных вариантов организации досуга молодежи. Речь не идет о том, что государственные органы по делам молодежи должны строить развлекательные центры, но о том, что они вполне помогут организовать молодежное кафе, найти возможность создания условий для качественного просмотра современных фильмов, организовать проведение интеллектуальных игр.

Важнейшее место в жизнедеятельности молодого человека занимают общение с ровесниками, участие в ситуациях утверждения своего статуса, самореализации и т. д. В связи

с этим задачей руководителя МОО является организация такой ситуации, в которой потребности молодого человека будут реализованы. Практически ни одно общественное объединение региона не предлагает молодежи деятельность, направленную на защиту и представление ее интересов, включение ее в решение актуальных для данного возраста проблем; не предоставляет возможностей для формулирования и выражения своей позиции.

Важнейшим элементом деятельности общественного объединения должна быть работа по защите и предоставлению прав его участников. Такой подход к пониманию МОО позволяет рассматривать его не только как площадку для организованного общения, но и как реальный механизм молодежной политики, ориентированный на оптимизацию транзита молодого поколения. Мы понимаем, что слабость провинциальных общественных объединений не позволяет говорить об их значительной деятельности по решению проблем молодежи. Мы ведем речь о возможности МОО выступать представителем интересов молодежи, артикулировать потребности молодых людей и представлять в органы государственной и муниципальной власти проекты и предложения по их удовлетворению. Как показывают наши исследования, молодежные объединения не выходят на такой уровень социальной активности.

На вопрос «Какие из молодежных проблем решает или могло бы решить Ваше объединение?» ответы распределились весьма показательно (табл. 3).

Таблица 3

Участие ДиМОО в решении проблем молодежи³, %

Вариант ответа	Опрошенные
Низкие доходы молодежи	5,9
Проблемы с жильем	3,3
Проблемы трудоустройства	1,7
Отсутствие мест отдыха для молодежи	43,8
Низкий уровень образования	13,7
Преступность	11,8
Экология	17,6
Низкая культура подростков и молодежи	41,2
Никакие	13,1

Актуальные проблемы провинциальной молодежи остаются вне поля деятельности большинства молодежных объединений. Подчеркнем еще раз тот факт, что по объективным

причинам провинциальное молодежное общественное объединение не может решить ни одну из серьезных молодежных проблем. Вызывает опасение другое обстоятельство. В условиях провинции, где возможностей для усвоения адекватных современности норм социального и политического участия практически нет, общественное объединение остается единственным шансом для молодого человека, стремящегося к реализации своего социального потенциала. В связи с этим любая активность в сфере попыток разрешить фундаментальные проблемы молодого поколения является, на наш взгляд, позитивной и несет в себе огромный социализирующий эффект. К сожалению, как показывает серия глубинных интервью с руководителями и организаторами молодежных общественных объединений, проведенных в рамках наших исследований, большинство из них воспринимает объединение как продолжение деятельности органов по делам молодежи или воспитательной системы школы, что приводит к жесткой регламентации деятельности объединения или трансформации его в сферу свободного полужоформализованного общения молодежи. Именно это обстоятельство объясняет отсутствие в сознании молодых участников объединений даже мысли о возможности решать наиболее значимые проблемы молодежи, ограничиваясь организацией досуга и вопросами повышения культуры молодого поколения. Мы ни в коей мере не принижаем значимость этих проблем, указывая лишь на то, что ряд других проблем даже не актуализируется большинством участников молодежных объединений.

Следует отметить, что более 13 % опрошенных указали, что МОО вообще не решает или не может решить никаких проблем молодежи. Представленный параметр является достаточно серьезным показателем работы молодежных организаций и требует особого внимания к себе. С увеличением срока пребывания молодого человека в объединении резко снижается число тех, кто считает, что МОО не могут решать молодежные проблемы. Самый высокий результат «негативных» оценок приходится на первый год пребывания в объединении (25 %), а к четвертому году число выбравших этот вариант ответа снижается до 5,3 %. Объяснение этого явления состоит в том, что, во-первых, вполне вероятно, что деятельность МОО по реализации потребностей подростков и молодежи меняет мнение его участников, и они

действительно видят реальные дела по улучшению жизни подрастающего поколения. Во-вторых, возможна ситуация «социального зомбирования», в которой руководители и организаторы молодежного движения зачастую достаточно жестко формируют у участников МОО многие ценностные, нормативные и эмоциональные позиции.

Включение МОО в социальную среду, развитие отношений с политическими и социальными институтами, с одной стороны, создают условия для развития объединения, с другой — позволяют его участникам получать опыт социального партнерства с разнообразными общественно-политическими факторами. Участникам МОО был задан вопрос «С кем наиболее успешно взаимодействует Ваше объединение?». Варианты ответов представлены в табл. 4.

Таблица 4

Взаимодействие МОО с политическими и общественными организациями, %

Организация	Опрошенные
Отдел по делам молодежи	75,8
Учебное заведение	61,4
Администрация района	13,7
Администрация предприятий	0,7
Предприниматели	3,3
Районная газета	21,6
Другие общественные объединения	11,1

Наиболее успешное взаимодействие объединения Костромской области осуществляют с отделами по делам молодежи и учебными заведениями, на базе которых они действуют. Это, безусловно, положительное явление. У МОО Костромской области в условиях дотационного региона, неразвитой инфраструктуры институтов гражданского общества нет механизмов для самостоятельного существования и развития. В данном случае реальная помощь отдела по делам молодежи или образовательного учреждения служит важным системообразующим фактором появления и существования МОО. Однако необходима, на наш взгляд, переоценка роли органов по делам молодежи и образовательных учреждений в направлении поддержки и развития МОО.

Долгое время система государственной молодежной политики базировалась на идеях социальной защиты и направленной социализации подрастающего поколения. Сегодня речь должна идти о том, чтобы создавать необходимые условия для молодежной инициативы, развивать у молодежи чувство

самостоятельности и самодостаточности, предлагать ей альтернативные варианты саморазвития и реализации собственного потенциала. МОО станет важным агентом социализации только тогда, когда в его рамках молодой человек сможет освоить навыки эффективного социального взаимодействия, проектирования и планирования своей жизнедеятельности, принципы и технологии социального партнерства. Все это невозможно достичь, оставаясь в социальном поле органов по делам молодежи и системы образования. Это объясняется несколькими обстоятельствами. Во-первых, для полноценного освоения динамично трансформирующейся социальной реальности молодому человеку необходим как можно больший и разнообразный опыт социального взаимодействия, выходящий за рамки одного института (система образования и молодежная сфера). Во-вторых, преобладающий процент работников молодежной и образовательной сфер несут в себе профессиональные ценности, сформированные в период «пионерско-комсомольской» юности. Современная российская реальность во многих случаях базируется на совершенно иных ценностных принципах и ориентациях. В-третьих, многие работники молодежной сферы и системы образования не могут сформировать у молодежи востребованных современностью навыков эффективного экономического мышления, готовности к организации собственного дела, поскольку сами в большинстве случаев не осуществляли подобной деятельности.

Требуется активное внедрение детских и молодежных общественных объединений в социальную среду посредством расширения социальных связей и отношений. Этот параметр вызывает серьезные опасения. Как показали данные, полученные в ходе нашего исследования, большинство опрошенных не видит (следовательно, и не принимает участие в этой деятельности) элементов взаимодействия с органами муниципальной власти, районными СМИ, предпринимателями, другими общественными объединениями. Это не значит, что многие руководители ДиМОО не общаются и не взаимодействуют с перечисленными социальными институтами, не осуществляют совместные проекты, не получают финансовую и материальную поддержку от бизнеса, не публикуют информацию в СМИ о проведенных акциях и мероприятиях. Мы лишь обращаем внимание на то, что в социальном опыте

простых участников МОО (детей, подростков и молодежи) практически нет места для подобных отношений. В этом контексте представляется важным то обстоятельство, что участники объединений видят смысл в развитии партнерских отношений с институтами гражданского общества, органами государственной и муниципальной власти. Демонстрацией этого являются ответы на вопрос «Кто может помочь в решении проблем Вашего объединения?» (табл. 5).

Таблица 5

Оказание помощи МОО в решении проблем, %

Организация	Опрошенные
Отдел по делам молодежи	39,9
Учебное заведение	15,7
Администрация района	67,3
Администрация региона	40,5
Предприниматели	19,6
Другие общественные объединения	7,8

Складывается противоречивая ситуация, когда участники молодежных объединений видят реальных партнеров для развития своего объединения, но не имеют возможности для взаимодействия с ними или же не владеют технологиями социального партнерства. Развитие демократической, адекватной современным социокультурным особенностям личности невозможно без включения подростков и молодежи в деятельность по налаживанию и развитию отношений с максимально большим количеством институтов гражданского общества (бизнес, политические партии, некоммерческие организации и фонды, религиозные организации, СМИ и т. д.), а не только с ветеранскими и другими детскими и молодежными объединениями. В этом смысле показательна информация, полученная в ходе неструктурированного интервью по итогам сборов детско-ветеранских общественных организаций в г. Костроме в декабре 2006 г. На вопрос о том, чем вообще может заниматься детское объединение, у детей и подростков был только один вариант ответа: «помогать ветеранам, детям-инвалидам и бездомным животным». Эта ситуация могла бы выглядеть смешной, если бы наглядно не демонстрировала факт «социального зомбирования» участников объединений и формирования у них неадекватных жизненных стратегий.

Таким образом, трансформация российского общества, разрушение системы эффективной государственной моло-

дежной политики, неразвитость институтов гражданского общества ведут к снижению жизненных шансов провинциальной молодежи, сокращению возможностей ее самореализации и эффективной социализации. Особой проблемой в этом контексте становится отсутствие опыта гражданской и социальной активности, опыта представления и отстаивания собственных интересов, защиты прав. В таких условиях эффективным инструментом социализации могут стать молодежные общественные объединения.

В современных условиях необходимо создание новой модели развития МОО и взаимодействия с ними. Эта модель должна быть построена на современных инновационных социальных технологиях, принципах проектного подхода с опорой на достижения отечественной и западной социологии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Проблемы и перспективы развития детских и молодежных общественных объединений на территории Костромской области», 2006 г., выборка квотная, репрезентативная, 940 чел.; «Молодежь Костромы: психологическое состояние, ценностные ориентации, социальные проблемы», 2006 г., выборка квотная, репрезентативная, 720 чел.; «Степень вовлеченности молодежи в экстремистскую и радикальную активность», 2007 г., выборка квотная, репрезентативная, 1 200 чел. Объектом исследований были молодые люди в возрасте от 15 до 30 лет.

² См.: Tenbruck F.N. *Jugend und Gesellschaft*. Freiburg, 1962. 181 p.

³ Здесь и далее в тех случаях, когда общий процент превышает 100 %, респонденты имели возможность выбрать до трех вариантов ответов.

Поступила 10.08.09.

М. М. ГУДОВ

Э. Р. ЦУЛАЯ

ОЦЕНКА ХАРАКТЕРА РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ СЕЛА РЕГИОНА

Ключевые слова: социальная инфраструктура села; демографические показатели; благосостояние; жилищный фонд; образование; учреждения культурного назначения; здравоохранение; транспортная доступность; связь

Key words: rural area social infrastructure; demographic indices; prosperity; housing stock; education; cultural institutions; public health care; transport availability; communication

Характер трансформационных преобразований социально-экономической системы России в условиях кризиса с еще большей актуальностью выдвигает проблемы обеспечения государственных гарантий перед гражданами. В этом контексте необходим анализ функционирования институтов, посредством которых государство реализует свои социальные функции.

Роль социальной инфраструктуры определяется участием ее отраслей и видов деятельности в создании условий,

ГУДОВ Михаил Михайлович, профессор кафедры финансов и кредита Мордовского государственного университета, кандидат экономических наук.

ЦУЛАЯ Эка Ревазиевна, аспирант кафедры финансов и кредита Мордовского государственного университета.

обеспечивающих воспроизводство человеческого капитала, рабочей силы, личности. Развитие отраслей социальной инфраструктуры направлено на улучшение качества жизни населения, повышение уровня его благосостояния, формирование и воспроизводство здорового, творчески активного поколения. Социальная инфраструктура призвана решать проблемы обеспеченности населения качественным жильем; создавать социокультурную сферу жизнедеятельности человека; улучшать экологические условия жизни и труда; повышать профессиональный уровень работников как базу роста производительности труда, объемов товаров и услуг; осуществлять социальную защищенность населения.

Особая необходимость в формировании и наличии таких условий существует в сельских территориях страны. Дело в том, что рыночная трансформация национальной экономики и аграрной сферы не привела к такому состоянию АПК, которое позволило бы объединить процессы его роста и повышения степени социального обустройства сельского населения в единую систему.

Эффективное управление социальным развитием сельских территорий невозможно без комплексной оценки социального положения сельского населения, одним из ключевых этапов которого является определение степени обеспеченности жителей услугами и объектами социальной инфраструктуры.

Существуют различные методологические подходы к оценке уровня обеспеченности сельских жителей объектами социальной инфраструктуры и уровня достаточности оказываемых ими услуг. Основой нашей оценки является система статистических показателей, разработанная Организацией экономического сотрудничества и развития¹. Алгоритм анализа, объектом которого является социальная инфраструктура села Республики Мордовия, представляется следующим образом: оценка демографической ситуации → уровня благосостояния жителей → состояния жилищного фонда → работы учреждений образования, культуры, здравоохранения → транспортного сообщения и связи.

Обращаясь к вопросу о численности сельского населения Мордовии, следует отметить, что данные официальной статистики указывают на ярко выраженную тенденцию к его сокращению. Только за период 2000—2008 гг. произошло сокращение численности населения, в том числе и сельского,

на 9 %, хотя его доля в общей численности населения, начиная с 2000 г., остается стабильной и, по нашим расчетам, не выходит за рамки 40—41 %². Миграционные настроения населения Мордовии свидетельствуют о непривлекательности сельских территорий республики для постоянного проживания и работы. В 2002 г. впервые средний размер сельской семьи в республике стал меньше, чем городской, и составил 2,5 чел., в то время, как по оценкам исследователей, для расширенного воспроизводства сельская семья должна иметь 4—5 детей³.

Неблагоприятные демографические процессы отчасти обусловлены недостаточной материальной обеспеченностью сельских жителей республики, уровень благосостояния которых не в лучшую сторону отличается от уровня благосостояния жителя, занятого в других секторах экономики. Данные Госкомстата России свидетельствуют о том, что Мордовия в 2007 г. вышла на 1-е место по уровню среднемесячной заработной платы в сельском хозяйстве в ПФО — 5 192 руб.⁴ Несмотря на то, что республика опережает не только Ульяновскую, Пензенскую, Самарскую, Саратовскую области, Башкортостан, но даже и богатый Татарстан, среднемесячная заработная плата в сельском хозяйстве отстает от среднероссийского уровня на 16 %. Если говорить о качестве значения этого показателя, то оно вызывает большую озабоченность. В связи с этим правомерно указать на то, что 70 % в 2007 г. от всей просроченной задолженности по заработной плате в Мордовии приходилось именно на сельское хозяйство⁵.

Гораздо более объективную информацию может дать соотношение среднемесячной заработной платы и величины прожиточного минимума. И в этом случае мы можем наблюдать, что среднемесячная заработная плата сельского жителя впервые пересекла установленный прожиточный минимум в 2003 г. и на конец 2007 г. на 65 % превысила его установленное значение, в то время как рекомендуемое соотношение этих показателей составляет 7,5—8,0⁶.

Оценка уровня благосостояния напрямую связана с блоком показателей, характеризующих состояние жилищного фонда села. Растущий год от года в Мордовии сельский жилищный фонд целесообразно охарактеризовать не только с точки зрения увеличения квадратных метров, но и уделить

внимание качеству используемого жилищного фонда. Согласно данным выборочных обследований бюджетов домашних хозяйств, причиной недовольства жилищными условиями сельских жителей России в 66,2 % случаев является ветхое жилье, требующее капитального ремонта (36,7 % случаев у горожан). Оставляет желать лучшего и обеспеченность жилья инженерными видами благоустройства⁷.

Практически по всем статьям обеспеченность жилищного фонда инженерными видами благоустройства в разы уступает обеспеченности городского. От 60 до 90 % площадей сельского жилищного фонда не оборудованы водопроводом, центральным отоплением, канализацией, горячим водоснабжением. По этому блоку показателей положение сельского населения существенно хуже городского. Лишь только по газооснащенности территорий сёла Мордовии сильно отличаются со знаком «плюс» от среднестатистической российской деревни.

Наряду с уровнем благосостояния и жилищными условиями важная роль в социальной инфраструктуре села отводится возможности использования объектов здравоохранения, образования, культуры и пр. В связи с этим важна характеристика ситуации, сложившейся в сфере образования в сельской местности. Данные официальной статистики о состоянии сферы дошкольного образования на селе позволяют сделать вывод, что в период за 2002—2008 гг. прослеживается устойчивая тенденция уменьшения количества дошкольных учреждений в сельской местности (на 5,6 %). Отчасти это вызвано тем, что на 100 мест приходится не более 80—90 детей⁸.

Аналогичная ситуация наблюдается в общеобразовательных учреждениях. За тот же период начальных школ стало меньше на 23 %, при этом все большую долю занимают учебные учреждения с минимальной численностью учащихся. За счет закрытия малокомплектных школ в сельской местности количество учреждений на начало 2008/09 учебного года уменьшилось на 273 ед. по сравнению с 1995/96 учебным годом⁹.

Характеризуя степень развитости учреждений образовательной сети в сельской местности республики, необходимо отметить, что сокращение общего количества школ и учреждений дошкольного образования происходит в связи со

сложившейся демографической ситуацией. Однако закрытие малокомплектных школ может привести к еще большему оттоку населения из сельских районов республики, так как является очевидным желание родителей дать возможность ребенку получить качественное образование в школе, находящейся в селе проживания.

Большую роль в жизни человека, организации его досуга и борьбы с асоциальным поведением населения играет возможность организовать свое свободное время в соответствии с духовными потребностями личности. Поэтому является важным наличие на сельской территории учреждений культурного назначения. Статистические данные свидетельствуют о том, что более 80 % библиотек и клубных учреждений в республике приходится на сельскую местность, однако их количество постепенно уменьшается. Если в 2008 г. 85 % республиканских библиотек располагалось в сельской местности, то на них приходились лишь 58 % общего библиотечного фонда. Количество клубных учреждений на селе сократилось с 591 в 2002 г. до 551 в 2008 г. Это также вызывает озабоченность, так как строительство новых объектов подобного типа за последние 6 лет не велось ни в одном районе республики¹⁰.

Оценивая возможность сельского жителя пользоваться услугами социального характера, нельзя не коснуться вопросов сети учреждений здравоохранения. Вызывает озабоченность сокращающееся год от года количество больниц, поликлиник, фельдшерско-акушерских пунктов на селе. Очевидно, что потребность сельского населения в медико-социальном обслуживании увеличивается из-за старения населения, ослабления помощи пенсионерам со стороны сельскохозяйственных предприятий. Для села также важно, что система медицинского обслуживания ориентируется не только на лечение, но и на профилактику заболеваний.

Несмотря на то, что в последние годы смертность на селе уменьшается, заболеваемость сельского населения, согласно данным обращаемости в лечебно-профилактические учреждения, за 2002—2007 гг. возросла на 11 %. При этом численность лиц, поступивших в больничные учреждения, за тот же период сократилась на 15 %. В некоторых случаях это может говорить о необеспеченности населения больничными койками или недоступности медицинских услуг. Доказательством этого

служит также наблюдающаяся в последние годы тенденция сокращения количества коек. За исследуемый период количество коек в сельских районах республики уменьшилось на 1 329, или на 27 %. Естественно, это отразилось на обеспеченности больничными койками всего населения¹¹.

Сокращение учреждений здравоохранения и количества коек в сельской местности республики усугубляется сложной транспортной доступностью территорий, так как в большинстве случаев больному приходится как минимум обращаться в центральную районную больницу, а в худшем — добираться в город. Несмотря на то, что дорожное строительство в республике идет ускоренными темпами, продолжает ухудшаться ситуация доступности сельской местности. Наряду со снижением количества пригородных и междугородных маршрутов сокращается частота их рейсов, а доступность некоторых сельских поселений железнодорожным транспортом обеспечивается лишь по выходным¹².

В такой ситуации особо важной для жителя села становится возможность поддерживать связь с родными и близкими, не находясь в информационной изоляции. Официальные статистические данные показывают нам устойчивую положительную динамику развития сети общего пользования. Количество телефонных аппаратов в сельской местности за 2002—2007 гг. выросло на 54,6 %, количество домашних телефонных аппаратов — на 59,5 %, таксофонов — более чем в 50 раз. Однако эти же данные говорят о том, что к 2006 г. менее 20 % сельских семей имели домашний телефон, лишь в 2007 г. каждый населенный пункт стал обеспечен таксофоном, до этого периода в среднем 1 таксофон приходился на 22 населенных пункта¹². Исследование сельских домохозяйств, проводимое Территориальным органом Федеральной службы государственной статистики по Республике Мордовия, позволило выявить, что на 100 домохозяйств приходится 99 сотовых телефонов, и это худший показатель в ПФО¹³.

Таким образом можно констатировать, что многие показатели степени развитости социальной инфраструктуры сельской местности, хотя и отличает положительная динамика, однако ее нельзя сопоставить с городскими населенными пунктами по благоустроенности и возможностям пользования объектами социальной инфраструктуры. Сравнение сельских территорий с городами республики по многим параметрам

не в пользу первых. Это будет являться причиной дальнейшего оттока населения из села в город.

Вышесказанное позволяет поставить под сомнение эффективность программ социального развития села, несмотря на то, что в последнее время на эти цели выделяются значительные средства.

Для преодоления перечисленных негативных тенденций в социальной сфере села и улучшения показателей, характеризующих его социальную инфраструктуру, необходимо решение ряда задач: борьба с бедностью и обеспечение занятости населения на селе; недопущение физического разрушения уже имеющихся объектов социальной инфраструктуры и стимулирование создания новых; стимулирование заинтересованности предпринимательского сектора в развитии социальной сферы села; перераспределение в пользу села бюджетных средств, направляемых на развитие социальной сферы; обеспечение достаточности финансирования и контроля целевого использования выделяемых средств.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Корбуг Л.С. Проблемы статистического наблюдения за развитием сельских территорий // Вопросы статистики. 2008. № 3. С. 28—32.

² См.: Мордовия: официальное издание. Саранск, Мордовиястат. 2008. 431 с.

³ См.: Скузоватова О. Нормативы в анализе и оценке аграрного региона // Экономист. 2007. № 4. С. 94—96.

⁴ См.: Население. Уровень благосостояния. Заработная плата. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: www.gks.ru (дата обращения: 26.03.2009).

⁵ См.: Мордовия: официальное издание ...

⁶ См.: Скузоватова О. Нормативы в анализе и оценке ...

⁷ См.: Население. Уровень благосостояния. Заработная плата ...

⁸ См.: Социальное положение и уровень жизни населения Республики Мордовия / Мордовиястат. Саранск, 2009. 162 с.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ См.: Мордовия: официальное издание ...

¹² См.: Транспорт и связь Республики Мордовия / Мордовиястат. Саранск, 2008. 56 с.

¹³ См.: Основные показатели выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств по отдельным регионам Поволжского федерального округа за 2007 год / Мордовиястат. Саранск, 2008. 66 с.

Г. А. ВОЗНЮК

**ВЛИЯНИЕ ЭЛЕМЕНТОВ
СОЦИАЛЬНОГО СТРАХОВАНИЯ
НА КАЧЕСТВО ЖИЗНИ
РАБОТНИКОВ ПРОМЫШЛЕННОГО
ПРЕДПРИЯТИЯ РЕГИОНА**

Ключевые слова: уровень жизни; качество жизни; субъективная оценка; социальное страхование; индивидуальные потребности

Key words: living standards; quality of life; subjective evaluation; social insurance; individual requirements

Совершенствование производства благодаря техническому прогрессу изменило роль работника промышленного предприятия. Изучение условий труда, возможностей работника, а также повышение производительности труда берут свое начало с 20-х гг. XX в. и связаны с именем Ф. Тейлора.

На первом, «тейлоровском этапе», обращалось внимание на то, чтобы дать возможность человеку заработать. На этом этапе исследований акцент делался на материальном стимулировании работника. С 60-х гг. актуальным стал фактор социальных потребностей, когда материальное вознаграждение ориентируется на перспективные потребности семьи работника¹. В 60—70-е гг. XX в. не только улучшились условия труда, но изменился сам работник, т. е. новый интеллектуальный потенциал работника стал предъявлять дополнительные требования к состоянию дел на производстве. В настоящее время условия труда работники рассматривают не только как комплекс факторов, относящихся к производству, но и как условия организации повседневной жизни, отдыха и воспроизводства своего трудового потенциала. Поэтому систему социального страхования работников промышленного предприятия следует считать необходимым условием.

ВОЗНЮК Галина Анатольевна, аспирант кафедры философии Казанского государственного финансово-экономического института.

С точки зрения «объективного» подхода качество жизни изучается через набор статистических показателей. Наиболее известным интегральным индексом качества жизни считается индекс развития человеческого потенциала, созданный специалистами ООН. Сторонники «субъективного» подхода изучают качество жизни через призму сознания субъекта, его удовлетворенности жизнью и ее частными аспектами, а также через ощущения счастья или несчастья. Выяснение сущности соотношения объективных и субъективных сторон в структуре совершенствования качества жизни связано с разработками различных теоретико-методологических основ качества жизни².

Крупное производство России является ключевым источником пополнения доходов в бюджет страны, и поэтому индивидуальная ответственность работников по поводу защиты от социальных рисков должна подкрепляться не только правовыми нормами, но и взаимной ответственностью государства и работодателя.

Развитие системы социального страхования, реализующей функции по охране здоровья и социального обеспечения работающих граждан, ставит вопрос относительно оценки эффективности ее деятельности и влияния на уровень жизни. В России потенциал социального страхования еще только формируется. Совокупный объем финансовых ресурсов Пенсионного фонда России, Фонда социального страхования и фондов обязательного медицинского страхования составляет всего около 8 % ВВП.

Федеральные фонды — ведущие компоненты структуры обязательного государственного социального страхования, где интегрируется и координируется множество индивидуальных действий людей в отдельных сферах общественной жизни. Участниками добровольного социального страхования являются негосударственные фонды, страховые организации, предприятия. Организации, осуществляющие социальное страхование на добровольной основе (пенсионное и медицинское), способны повлиять на уровень жизни работников. Например, показатели уровня здоровья значительно улучшились бы, если в медицинском страховании действовал бы накопительный принцип персонифицированного учета. Но сегодня объемы предоставляемой помощи по-разному распределены между категориями работников и отнюдь не одинаково ими

оцениваются. Поэтому существенные различия в восприятии социального страхования формируют субъективные представления о качестве жизни, и оно не менее важно, чем его объективные статистические характеристики.

По результатам анкетирования на промышленном объединении ОАО «Нижнекамскнефтехим» договор добровольного пенсионного страхования для работников нефтехимического производства занимает ведущее место в поддержании уровня жизни после выхода на пенсию (32 %), особенно для работников старше 31 года. Необходимость обязательного пенсионного страхования отметили 20 % респондентов, меньше всего к нему проявляют интерес молодые рабочие до 30 лет³.

Уровень обязательного медицинского страхования (ОМС) — один из наиболее важных элементов в системе формирования качества жизни человека. Здоровье работников является показателем общего уровня благосостояния населения. Для этого государство в лице своих законодательных и исполнительных органов устанавливает основные принципы организации ОМС. Такой подход предполагает обеспечение всем гражданам равных возможностей получения медицинской, лекарственной и профилактической помощи в размерах, устанавливаемых государственными программами ОМС.

Обязательное медицинское страхование наряду с пенсионным и социальным является комплексным подходом создания условий жизнедеятельности населения. Медицинское обслуживание в рамках ОМС предоставляется в соответствии с базовыми и территориальными программами обязательного медицинского страхования и разрабатывается на федеральном уровне, а также в субъектах Федерации. Базовая программа ОМС граждан России содержит основные гарантии, предоставляемые в рамках ОМС. Это амбулаторно-поликлиническая и стационарная помощь, оказываемая в учреждениях здравоохранения независимо от их организационно-правовой формы при любых заболеваниях. Исключениями составляют дорогостоящие виды медицинской помощи и лечение в федеральных медицинских учреждениях, которые финансируются за счет средств федерального бюджета.

Лечение в специализированных диспансерах и больницах, льготное лекарственное обеспечение, профилактика, скорая медицинская помощь и другое оплачиваются через бюджет

субъектов РФ и муниципальных образований. Добровольное медицинское страхование осуществляется на основе программ добровольного медицинского страхования и обеспечивает работникам предприятия получение дополнительных медицинских услуг сверх программ обязательного медицинского страхования.

Целесообразность заключения договора добровольного медицинского страхования оценивается 28 % промышленных рабочих. Этот договор является коллективным и заключается ежегодно, поэтому отношение к нему в различных социально-образовательных группах неоднозначное. По результатам исследования в большей степени в нем нуждаются рабочие с начально-профессиональным образованием (ПТУ) в возрасте после 30 лет. При этом 13 % респондентов считают, что добровольное медицинское страхование по качеству предлагаемых услуг незначительно отличается от обязательного медицинского страхования. Для молодых нефтехимиков до 30 лет (9 %) первоочередное значение имеет качество предоставляемых услуг, поэтому они готовы их оплачивать за свой счет.

Здоровье населения — это показатель, характеризующий уровень жизни страны в целом. Согласно законодательству, обязательное медицинское страхование обеспечивает всем гражданам равные возможности в получении медицинской и лекарственной помощи. Но в действительности, имея дополнительный договор на медицинское обслуживание, работники ОАО «Нижнекамскнефтехим» все же обеспокоены состоянием лекарственного обеспечения (46 %), получением санаторно-курортного лечения (28 %), материально-технической оснащённостью лечебных заведений (24 %). Молодые образованные работники больше заинтересованы в диагностическом оборудовании, а люди старше 50 лет — в лекарственном обеспечении. Зависимость между уровнем образования и отношением к своему здоровью выявили казанские социологи в результате исследований, проведенных в 1995—1996 гг.⁴

Получение санаторно-курортного лечения в разных возрастных и социальных группах оценивается неоднозначно. Например, 33 % женщин из числа рабочих считают это труднодоступным. Вопрос получения санаторного лечения не вызывает беспокойства у работников среднего и старшего возраста (26 %).

В целом оценка системы социального страхования как фактора повышения качества жизни работников промышленного объединения показывает, что существующая система социального страхования, на наш взгляд, требует пересмотра подходов к поступлению и распределению страховых взносов по договорам обязательного и добровольного страхования. Социальное страхование может эффективно функционировать только в случае, когда все субъекты правоотношений социально ответственны за исполнение установленных обязанностей. Поэтому, чтобы обеспечить высокий уровень социального обеспечения, необходимо закрепить за каждым работником личную ответственность, т. е. привлечь участие самих работников в финансирование страхования, где размер выплат зависит от предварительных взносов работников и их страхового стажа.

Именно субъективные мнения в период реформирования социальной системы позволяют говорить о социальных связях, удовлетворенности отдельными категориями социального страхования и его влиянии на жизнь в целом, о социальной стабильности и других важных жизненных ценностях, не отражаемых статистикой.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Тощенко Ж.Т. Социология. Общий курс. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Прометей, Юрайт, 1999. С. 92—96.

² См.: Беляева Л.А. Уровень и качество жизни, проблемы измерения и интерпретации // Социол. исслед. 2009. № 1. С. 33—42; Суббето А.И. Управление качеством жизни и выживаемость человека // Стандарты и качество. 1994. № 1. С. 32—37.

³ Исследования проведены лабораторией социологических исследований (ОАО «Нижнекамскнефтехим») в 2007—2008 гг. Выборочная совокупность составила 4 001 ед., что представляет 20,3 % от генеральной совокупности и обеспечивает репрезентативность исследования. Состав респондентов соответствует структуре социально-демографических и профессиональных групп промышленного производства.

⁴ См.: Нугаев М.А., Нугаев Р.М. Здоровоохранение на региональном уровне в контексте российских социальных реформ // Обществ. науки и современность. 1997. № 5. С. 44—53.

Поступила 17.06.09.

Е. В. РЯЗАНЦЕВ, ОРГАНИЗАЦИОННО-МЕТОДИЧЕСКОЕ В. Е. РЯЗАНЦЕВ И КАДРОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ УРОЛОГИЧЕСКОЙ СЛУЖБЫ

Ключевые слова: урология; амбулаторная и стационарная медицинская помощь; организация труда; структура заболеваемости; правовые основы деятельности

Key words: urology; ambulatory and stationary medical aid; labour organisation; incidence of disease; legal basis for activities

Увеличение количества урологических заболеваний в структуре общесоматической патологии представляет серьезную медицинскую и социальную проблему. Данные Государственной статистики Российской Федерации свидетельствуют об абсолютном приросте болезней органов мочеполовой системы¹.

Перерасчет на 1 тыс. чел. населения показывает увеличение заболеваемости с 19,6 чел. в 1990 г. до 48,8 чел. в 2007 г. Прирост урологической заболеваемости без учета онкоурологической патологии составил 40 %. В структуре общей заболеваемости на долю урологических болезней приходится 7—10 %. Мировая статистика указывает на увеличение средней продолжительности жизни в наиболее развитых странах до 75—82 лет. Этот показатель предполагает увеличение доли урологической помощи в общем объеме медицинских услуг, особенно в пожилом и старческом возрасте². Согласно современным исследованиям, потребность в амбулаторно-поликлинической помощи у пожилых в 2—4 раза выше, чем у лиц трудоспособного возраста, в то время как реальные показатели обращаемости за медицинской помощью на догоспитальном этапе граждан старших возрастных групп лишь в 1,5 раза превышают аналогичные данные для трудоспособного населения³.

Современная система оказания специализированной медицинской помощи населению, к сожалению, далека от

РЯЗАНЦЕВ Евгений Владимирович, заведующий курсом урологии медицинского института Мордовского государственного университета, кандидат медицинских наук, доцент.

РЯЗАНЦЕВ Владимир Евгеньевич, аспирант кафедры факультетской хирургии Мордовского государственного университета.

совершенства. Анализ качества медицинских услуг экономически развитых стран показывает множество проблем, с которыми сталкиваются пациенты и врачи. Вопрос должного финансирования государственных учреждений здравоохранения в России продолжает оставаться открытым. Но даже в тех странах, где на медицину уходит значительная часть государственного бюджета, далеко не все проблемы решены окончательно.

Качество оказания медицинских услуг напрямую зависит от организации диагностического и лечебного процессов. Системный плановый подход в управлении медицинским учреждением обеспечивает 80 % качества медицинской услуги⁴. Именно этот показатель берется за основу деятельности зарубежных и отечественных клиник. Современная политика медицинской организации должна быть направлена на достижение долговременного успеха путем удовлетворения потребителя (пациента) и выгоды всех заинтересованных сторон (собственников или вышестоящей организации государственной формы собственности), ее персонала, общества в целом. Поэтому многие западные государства пошли по пути сертификации оказания медицинских услуг населению⁵.

Акцент на роли первичной медико-санитарной помощи в большинстве стран Европы, США, Канаде является основным приоритетом деятельности современного здравоохранения. Этот принцип, провозглашенный Алма-Атинской декларацией ВОЗ в 1978 г., стал реализовываться в России лишь с начала 1990-х гг. Определенный «Основами законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан» правовой статус врача общей практики (семейного врача) до сих пор не получил должного практического подкрепления. Участковые терапевты продолжают свою работу по «старым правилам» оказания медицинской помощи, изменив лишь свое наименование на «врача общей практики». Без значительных изменений осталась вся система оказания помощи населению.

Изменившаяся структура заболеваемости предъявляет иные требования к организации медицинской помощи. Роль первичного звена в решении основных проблем со здоровьем пациента с учетом социальных, экологических факторов, психосоматических проблем должна быть решающей. Часть нагрузки предполагается переложить на медицинскую сестру

как самостоятельного специалиста. Расширение ее полномочий в сфере оказания медицинских услуг предполагается свести к определенному кругу вопросов профилактики, долгосрочному наблюдению за больными с хронической патологией. Такие меры позволят решить ряд социальных вопросов, в частности, по уходу за лицами пожилого возраста, инвалидами (нуждающимися в обслуживании в большей степени), а не в решении сложных лечебно-диагностических и тактических вопросов. Взаимодействие с социальными службами по уходу за пожилыми и хроническими больными позволит сократить количество стационарных коек за счет доброкачественного профилактического наблюдения за пациентами.

Это будет способствовать улучшению работы первичного звена здравоохранения, рациональному расходованию средств, направляемых на здравоохранение. Недостаточное финансовое обеспечение системы здравоохранения в том числе связано с увеличением продолжительности жизни населения, изменением структуры заболеваемости, преобладанием хронических форм болезни, необходимостью внедрения современной дорогостоящей аппаратуры и т. д. Уровень финансирования в определенной степени влияет на эффективность всей системы: на заболеваемость, продолжительность жизни и другие показатели здоровья населения. Характерно, что в странах с развитым первичным звеном здравоохранения отмечены более высокие показатели состояния здоровья населения, которые сочетаются с удовлетворенностью граждан всей системой здравоохранения. Это положение определяет подходы к организации первичного звена здравоохранения, выбор его модели⁶.

Врач-уролог амбулаторно-поликлинической службы совместно с врачом общей практики при правильной организации работы мог бы обеспечить специализированной квалифицированной урологической помощью население обслуживаемого участка. Однако при реализации этих услуг населению возникают сложности организационно-правового характера. Руководителю учреждения при планировании стационарной урологической помощи приходится сталкиваться с определенными проблемами. Это касается вида врачебной деятельности (плановая и экстренная помощь), ее объема, преемственности, правового регулирования, финансового обеспечения.

Стационарное лечение больных является наиболее затратным по причине круглосуточного обеспечения пациентов питанием, наблюдением и т. д. Современная специализированная медицинская стационарная помощь должна основываться на сокращении сроков качественного диагностического процесса и обеспечении высокотехнологического лечения. Использование новейших лабораторно-инструментальных методов диагностики составляет основу стационарного лечения, применяет малоинвазивные способы и методы коррекции заболеваний. Однако и здесь решающим фактором является правильная организация оказания услуг. Закупка новейшей сложной лечебно-диагностической аппаратуры в небольшие медицинские учреждения в условиях недостаточного финансирования является нерациональным шагом. Следует изучить возможности этой техники, пригодность и доступность обслуживания, стоимость расходных материалов. Наиболее оптимальным, на наш взгляд, является оснащение новой аппаратурой специализированные центры.

Необходимыми условиями достижения успеха являются правильная комплектация медицинских штатов, проведение планомерной работы по своевременной специализации сотрудников медицинского учреждения. Система здравоохранения в современном ее понимании начала формироваться с октября 1917 г. Наркомом здравоохранения РСФСР Н. А. Семашко в короткий срок заложил совершенно новые принципы организации охраны здоровья народа. Главный упор делался на профилактику заболеваний, проведение неотложных мер по охране материнства и младенчества, борьбу с социальными болезнями. Большое внимание уделено медицинской науке, ее сотрудничеству с практикой. Акцент делался на развитие высшего медицинского образования, подготовку врачебных кадров, что оставило стране богатейшее теоретическое наследие⁷.

Основа современной организационной структуры была заложена в письме Народного Комиссариата государственного призрения РСФСР от 2 декабря 1917 г. «О борьбе с заболеваемостью, смертностью и антисанитарными условиями жизни широких масс населения». Последующие приказы РСФСР и СССР утверждали штатные нормативы при оказании медицинской помощи населению. В связи с имеющимися пробелами в законодательстве России по во-

просам штатных нормативов приказы СССР носят рекомендательный характер.

Приказ МЗ СССР от 26 сентября 1978 г. № 900 «О штатных нормативах медицинского, фармацевтического персонала и работников кухонь центральных районных и районных больниц сельских районов, городских больниц и поликлиник (амбулаторий) городов и поселков городского типа с населением до 25 тысяч человек, участковых больниц, амбулаторий в сельской местности и фельдшерско-акушерских пунктов» отменил действие нескольких приказов. Согласно приказу, должность врача отделения палат стационара была утверждена из расчета 1 должность на количество коек. В урологическом отделении для взрослых и детей на 1 врача-уролога приходилось 20 коек. Должности врачей для оказания амбулаторно-поликлинической помощи населению устанавливаются из расчета на 1 тыс. чел. населения. При этом пациенты разделялись на 3 категории: проживающие и непосредственно обслуживаемые в населенном пункте, где расположена больница, на врача-хирурга-уролога приходится 0,035 должности; проживающие вне населенного пункта, где расположена больница, но непосредственно обслуживаемые ею (приписной участок), на врача-хирурга-уролога приходится 0,025 должности; проживающие на остальной территории района, обслуживаемого больницей (для ЦРБ без учета населения территории деятельности РБ), на врача-хирурга-уролога приходится 0,01 должности.

Должности заведующих отделениями стационара устанавливались из расчета минимального количества коек, для урологического отделения предусматривались 40 коек. При этом в отделениях с количеством коек до 60 должность заведующего устанавливалась вместо 0,5 должности врача.

Приказ МЗ СССР от 31 мая 1979 г. № 560 «О штатных нормативах медицинского, фармацевтического, педагогического персонала и работников кухонь областных, краевых и республиканских больниц для взрослых и детей» утверждал штатные нормативы врачей областных, краевых и республиканских больниц для взрослых и детей. В приложении № 1 приказа устанавливались должности врачей урологических отделений стационара из расчета 1 должность на 20 коек. При расчете количества должностей врачей в клинических больницах (отделениях) их число сокращалось

на 0,5 должности за счет каждого ассистента, ведущего лечебную работу.

При выполнении ассистентами в установленном порядке систематической консультативной работы из расчетного количества должностей врачей за счет каждой должности ассистента исключались 0,25 должности врача. При оказании консультативной поликлинической помощи на 100 тыс. взрослого населения области, края, республики предусматривались 0,05 должности врача-уролога. Должности заведующих отделениями устанавливались при 30 койках (как минимальное количество коек), когда возможно введение должности заведующего. В отделениях до 60 коек должность заведующего вводилась вместо 0,5 должности врача. Два отделения с установлением должностей заведующих организуют при наличии 90 и более коек соответствующего профиля. Анализ приказов № 900 и № 560 показывает изменение штатных нормативов в связи с изменением структуры заболеваемости, усложнением и введением дополнительных методов диагностики и лечения.

Приказ МЗ от 23 сентября 1981 г. № 1000 «О мерах по совершенствованию организации работы амбулаторно-поликлинических учреждений» поставил задачу повысить уровень и качество медицинского обслуживания населения, усилить работу по предупреждению заболеваний, повысить эффективность диспансеризации и расширить охват ею населения. В период с 1971 по 1980 г. были введены в строй за счет нового строительства свыше 1 500 поликлиник на 1 млн 276 тыс. посещений в смену. При этом осуществлялось строительство по типовым проектам, в основном это касалось крупных поликлиник (на 750 посещений в смену и более). Это оказало существенное влияние на объем и качество амбулаторно-поликлинической помощи населению. В 1980 г. количество посещений к врачам амбулаторно-поликлинических учреждений составило 2,8 млрд против 1,9 млрд в 1970 г. Соответственно, возрос показатель посещений к врачам поликлиник на одного городского жителя с 11,5 в 1970 г. до 13,4 в 1980 г.

Получила дальнейшее развитие сеть территориальных и цеховых врачебных участков. Количество территориальных терапевтических врачебных участков увеличилось с 34,3 тыс. в 1970 г. до 52,6 тыс. в 1980 г., а цеховых врачеб-

ных участков — с 12,7 тыс. в 1970 г. до 17,6 тыс. в 1980 г. В результате развития сети территориальных терапевтических врачебных участков и их разукрупнения существенно уменьшилась численность взрослого населения на одну должность врача-терапевта участкового — с 3 065 чел. в 1970 г. до 2 414 чел. в 1980 г.

Расширилась профилактическая и лечебно-диагностическая деятельность поликлиник. Охват профилактическими осмотрами также увеличился со 101 млн чел. в 1970 г. до 112,5 млн чел. в 1980 г., а диспансерным наблюдением — с 26,8 млн чел. в 1970 г. до 44,9 млн чел. в 1980 г. Соответственно, увеличился охват диспансерным наблюдением в расчете на 1 тыс. жителей — с 74,2 (взрослых и подростков), состоящих на диспансерном учете, до 170,2 чел. Существенно увеличилось количество рентгенологических, лабораторных и функциональных исследований. В том же приказе перечислены комплексные меры по улучшению качества оказания амбулаторно-поликлинической помощи⁸.

В приложении № 59 к приказу от 23 сентября 1981 г. № 1000 определялись расчетные нормы обслуживания для врачей амбулаторно-поликлинических учреждений (подразделений). За 1 ч работы на приеме в поликлинике врач-уролог должен осмотреть 5 пациентов, по обслуживанию больных на дому — 1,25. С учетом конкретных условий (компактность участков, обеспеченность транспортом и др.) главные врачи имели право изменять расчетные нормы обслуживания больных на дому.

Приказ МЗ от 11 октября 1982 г. № 999 «О штатных нормативах медицинского и педагогического персонала городских поликлиник, расположенных в городах с населением свыше 25 тысяч человек» установил должности врачей для обеспечения приема населения в поликлинике; оказания медицинской помощи на дому; преимущественной медицинской помощи работникам промышленных предприятий, строительных организаций, предприятий транспорта и связи; работы в медицинских комиссиях (в том числе при военкоматах) и другой работы по амбулаторно-поликлиническому обслуживанию населения из расчета на 10 тыс. чел. взрослого населения, прикрепленного к поликлинике. Были установлены 0,2 должности врача-уролога на 10 тыс. взрослого городского населения.

По существовавшим до 1989 г. приказам Министерства здравоохранения были определены штатные нормативы всех медицинских специальностей, в том числе и врачей-урологов. 31 августа 1989 г. МЗ издан приказ № 504 «О признании рекомендательными нормативных актов по труду Минздрава СССР». В соответствии с приказом на основании Постановления МЗ СССР и ЦК профсоюзов медицинских работников было объявлено, что нормативные акты Минздрава СССР по труду являются рекомендательными документами. Руководители учреждений здравоохранения получили возможность устанавливать индивидуальные нормы нагрузки работников по согласованию с профсоюзными комитетами в зависимости от конкретных условий труда с широким обсуждением в трудовых коллективах. При этом нормы нагрузки должны были устанавливаться с обязательным учетом правил охраны труда при работе во вредных условиях.

В приказе МЗ РФ от 16 октября 2001 г. № 371 «О штатных нормативах медицинского и педагогического персонала детских городских поликлиник (поликлинических отделений) в городах с населением свыше 25 тысяч человек» установлены нормативы для врача уролога. Должности врачей для обеспечения приема детей и подростков в поликлинике, учреждениях дошкольного, начального общего, основного общего, среднего (полного) общего, специального образования, начального и среднего профессионального образования, а также для оказания медицинской помощи на дому и другой амбулаторно-поликлинической работы устанавливаются из расчета на 10 тыс. детей до 18 лет, прикрепленных к поликлинике, равное 0,5 должности врача-уролога.

Мочекаменная болезнь, хроническая почечная недостаточность, доброкачественная гиперплазия и рак предстательной железы, хронический пиелонефрит и другие инфекционно-воспалительные заболевания, злокачественные новообразования формируют группу значимых заболеваний в медико-демографическом, социальном и экономическом отношениях. За последние 10 лет значительно увеличилось число больных, умерших от онкоурологических заболеваний. В структуре первичной инвалидности болезни органов мочеполовой системы занимают около 4 % при показателях полной реабилитации инвалидов этой группы 1,2—2 %, что в 2,5—3 раза ниже, чем при других заболеваниях. Таким

образом, урологические заболевания являются одной из ведущих причин снижения качества жизни, инвалидизации и преждевременной смертности, создавая ряд проблем социального и экономического характера⁹.

Несмотря на рост потребности в стационарном лечении более чем на 20 %, количество урологических коек практически не изменилось, а в некоторых регионах сократилось. В России количество развернутых урологических коек едва ли соответствует числу больных с заболеваниями мочеполовой системы, нуждающихся в госпитализации и получении своевременной квалифицированной помощи. Недостаточное обеспечение населения специализированными урологическими койками приводит к тому, что больные нередко госпитализируются в терапевтические или общехирургические стационары. Анализ результатов лечения урологических больных в этих учреждениях свидетельствует о значительно большей летальности и тяжести осложнений после выполнения различных методов лечения по сравнению с урологическими стационарами. Так, летальность от мочекаменной болезни в урологических стационарах составляет 0,7 %, а в неспециализированных отделениях достигает 1,5 %. Такие же различия отмечаются и между показателями летальности после аденомэктомии¹⁰.

Зависимость медицинских учреждений от «рекомендаций» и финансирования Фондов обязательного медицинского страхования часто приводит к «вынужденному» увеличению сроков стационарного лечения. Качество медицинской помощи и низкий уровень применения новых малоинвазивных технологий лечения также влияют на этот показатель.

Учитывая медико-социально-экономическую важность улучшения качества оказания урологической помощи, в некоторых странах бывшего СССР отошли от обязательного штатного норматива на врачей. Например, Постановлением Минздрава Республики Беларусь от 21 декабря 2007 г. № 184 увеличен норматив кадрового обеспечения врачебными должностями с 4,94 до 5,06 на 1 тыс. жителей и, самое главное, конкретные наименования и количество врачебных должностей, включая руководителей структурных подразделений, устанавливаются главным врачом самостоятельно в пределах общего количества врачебных должностей. При этом нет увеличения общего количества должностей врачей,

так как норматив рассчитывается на численность населения, которое ежегодно уменьшается. Увеличенный норматив позволит просто сохранить то количество должностей, которое имеется на сегодня, избегая ежегодного их сокращения при расчете на меньшую численность населения¹¹.

При комплектации штатов, необходимо учитывать структуру патологии региона, сезонную заболеваемость, наличие эндемических болезней, а не только число жителей. Например, по данным Государственной статистики РФ, на 1 тыс. чел. в 1990 г. заболеваемость урологическими болезнями составляла 19,6 чел., в 2007 г. достигла 48,8 пациентов, а количество должностей оставалось прежним. Таким образом, профессиональная нагрузка увеличилась в 2,4 раза¹². Вызвано это увеличением онкоурологических заболеваний, преобладанием хронических форм болезней. С учетом меняющихся условий в настоящее время необходимо рассчитывать количество должностей и профессиональную нагрузку на 1 специалиста. Стремление к повышению качества работы заложено в основе перехода к новой системе оплаты труда работникам здравоохранения.

Именно с учетом уровня заболеваемости должна рассчитываться нагрузка на 1 должность врача-уролога. Прежние штатные нормативы нагрузки, сформировавшиеся в советские времена, устарели и не должны использоваться по причине изменившейся структуры заболеваемости (снижение острых и преобладание хронических форм болезней), перехода к новой системе оплаты труда (уровень заработной платы напрямую зависит от числа обследованных пациентов и качества лечения), постоянного снижения общей численности населения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Заболеваемость населения по основным классам болезней в 1990—2007 гг. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 12.02.2009).

² См.: Лопаткин Н.А., Аполихин О.И. Урология — основная специальность. URL: <http://www.megapolis-ural.ru/cgi-bin/articles/view.cgi?id=150> (дата обращения: 12.02.2009).

³ См.: Приказ Министерства здравоохранения и медицинской промышленности Российской Федерации от 28 июля 1999 г. № 297 «О совершенствовании организации медицинской помощи гражданам пожилого и старческого возраста в Российской Федерации» // Справочно-правовая

система «Консультант Плюс». Вып. 10. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 12.02.2009).

⁴ См.: Родионова В.Н. Менеджмент в здравоохранении в новых экономических условиях // Экономика и управление здравоохранением / под ред. Ю.П. Лисицына. М.: БЕК, 1993. С. 43—83.

⁵ См.: Зиборова И.В., Лопаткин Н.А., Сивков А.В. Социально-экономические аспекты федеральной целевой программы «Урология». URL: <http://medi.ru> (дата обращения: 12.02.2009).

⁶ См.: Шабров А.В., Доценко М.С. Теория и практика семейной медицины: интеграция отечественного и международного опыта. URL: <http://www.fammed.ru/index.php?id=477> (дата обращения: 12.02.2009).

⁷ См.: Семашко Н.А. ММА в лицах. URL: <http://mma.ru/article/id10238> (дата обращения: 12.02.2009).

⁸ См.: URL: www.lawrussia.ru (дата обращения: 12.02.2009).

⁹ См.: Лопаткин Н.А., Аполихин О.И. Урология — основная специальность ...

¹⁰ Там же.

¹¹ См.: URL: www.lawrussia.ru ...

¹² Заболеваемость населения по основным классам болезней в 1990—2007 гг. ...

Поступила 31.03.09.

К. А. АНТОНОВ

ПОСТАНОВКА ПОВЕСТКИ ДНЯ РЕГИОНАЛЬНЫМИ СРЕДСТВАМИ МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Ключевые слова: повестка дня; средства массовой коммуникации (СМК); «agenda setting»; феноменологический анализ; контент-анализ; медиакорпорация; интернальные свойства

Key words: agenda; mass media; «agenda setting»; phenomenological analysis; content-analysis; media-corporation; internal properties

Сформулировав тезис об установлении средствами массовой коммуникации (СМК) повестки дня, М. Маккомбс и Д. Шоу ограничились констатацией того факта, что СМК способны ранжировать темы, которые воспринимаются индивидом как действительно значимые и важные¹. Впоследствии Ш. Иенгар провел серию экспериментов для выявления специфики установления повестки дня². Теория «agenda setting» получила широкое распространение в исследовательских кругах благодаря возможности объяснения «гегемонистской» природы власти, стремящейся навязать индивидам идеологические коды с помощью СМК.

Необходимо отметить, что радикализм этой исследовательской традиции и идеологической установки неоднократно подвергался справедливой критике на том основании, что ее приверженцы игнорируют наличие у индивидов собственного опыта, позволяющего аудитории в значительной мере противостоять силе внушения и убеждения СМК. Сторонники «медиагегемонизма» не учитывают и то, что СМК не являются «слепым орудием» в руках правящих элит, а являются относительно самостоятельным институтом с присущими ему имманентными свойствами, не зависящими от идеологического контекста и политического вмешательства. Следовательно,

АНТОНОВ Константин Александрович, доцент кафедры социологических наук Кемеровского государственного университета, кандидат социологических наук.

СМК «достойны» того, чтобы исследователи обратили внимание на анализ комплекса механизмов, корпоративных практик, элементов социального взаимодействия, с помощью которых СМК функционируют как самостоятельный институт.

Изучение институциональных практик медиапроизводства редуцируется к анализу деятельности корпоративных структур. Это и понятно, ведь СМК являются субъектами рынка. Следовательно, они вынуждены создавать продукт, наделенный высокими потребительскими свойствами, чтобы зарабатывать прибыль и успешно конкурировать друг с другом. Производство медиапосланий — это еще и рутинный, иерархизированный процесс, зависящий от специфики организации корпорации, технико-технологических свойств, особенностей трансмиссии контента. Существуют и еще более «субъективные» механизмы влияния на содержание и деятельность медиакорпораций (например, форматы, которые задают логику и форму трансформации события в медиапродукт). Все это наряду с политическим контекстом, нормативными практиками влияет на деятельность медиакорпораций.

Применяя методологически феноменологический принцип «вынесения за скобки», можно с достаточной степенью достоверности проанализировать как корпоративные, технико-технологические особенности, маркетинговая компонента, профессиональная традиция влияют на формирование повестки дня или, иными словами, заглянуть «за кулисы» медиапроизводства, скрытого от глаз «непосвященных». Для тематизации «верхнего» слоя вполне достаточным оказывается применение количественных социологических методов — контент-анализа. Для дальнейшей интерпретации полученных результатов методологически оправданно применение этнографических методов получения информации.

Чтобы выявить и объяснить механизм установления повестки дня СМК региона в 2008 г., нами был проведен контент-анализ сообщений информационных агентств и ежедневных новостных программ новосибирских телекомпаний по методу полной репрезентативной выборки с 1 марта по 30 мая. Исследуемая база включала сообщения информационных агентств «Интерфакс-Сибирь», «РИА Новости» и телекомпаний — ГТРК «Вести Новосибирск», ОТС — «Новости», «СТС-МИР» — «Новости».

Целями исследования были выявление количества ежедневно производимой информации региональными СМК; анализ количественного состава информации по различным тематическим направлениям; определение модальности сообщений (негатив-позитив) в целом, в каждой теме в отдельности, в конкретных СМК; установление количества совпадений информации в региональных СМК.

Гипотеза исследования состояла в том, что при отборе новостей к публикации репортеры руководствуются устойчивейшей профессиональной традицией, в основе которой лежит «матричный» принцип отбора новостей. Наибольшими шансами быть опубликованными обладают сообщения о катастрофах, происшествиях, скандалах, действиях известных персон, а также драматические события, особенно имеющие негативную оценку. Это помогает СМК привлекать наибольшее внимание аудитории и конкурировать на рынке медиаслуг.

Гипотеза предполагает наличие институциональных правил тематизации событий, когда информационные агентства, играя роль «привратника», обеспечивают кумулятивный эффект, побуждая затем телеканалы и печатные СМК тиражировать и интерпретировать сообщения, попавшие на информационную ленту. Это сообщения, соответствующие характеристикам, о которых шла речь выше. Индекс совпадений (когда одна и та же тема звучит во всех статусных СМК региона) и является показателем, указывающим на наличие эффекта установления повестки дня.

Корпоративная специфика, влияющая на деятельность СМК, в полной мере отражена в полученных данных о количестве информационных сообщений, которые ежедневно производят объекты исследования. Так, в телевизионных программах, средняя продолжительность которых не менее 30 мин., публикуются 10—12 новостных единиц. Это диктуется телевизионным новостным форматом. В то же время агентства публикуют не более 6—8 информации в день. Оба телевизионных агентства являются федеральными, следовательно, формат задает более жесткие критерии отбора, предусматривающие соответствие местных новостей федеральным по значимости и важности.

Ежесуточно пять медийных корпораций, попавших в поле зрения нашего исследования, производят в сумме 30—35 еди-

ниц информационных сообщений. Эти данные позволяют выявить количество совпадений, когда сообщение об одном и том же событии публикуют все издания, номинируя его на статус наиболее важного и значимого. Оказалось, что все исследуемые объекты (медиаструктуры) демонстрируют редкое единодушие. Совпадения колеблются в пределах 45—52 сообщений в месяц и от 2,5—3,5 в день. Как правило, это сообщения о значимых ритуальных мероприятиях, катастрофах и чрезвычайных происшествиях. Словом, это то, что предписывается действующей матрицей отбора событий к трансляции. В табл. 1 приведено процентное соотношение совпадений. Например, значение 17,4 % в графе «ГТРК» за март означает, что в марте ровно столько сообщений на какую-то конкретную тему было одновременно опубликовано на остальных из пяти исследуемых каналах.

Таблица 1

Соотношение совпадений транслируемой информации, %

Месяц	ГТРК	ОТС	РИА Новости	Интерфакс	СТС-МИР
Март	17,4	23,7	17,1	16,4	25,2
Апрель	19,0	23,5	20,4	11,5	25,5
Май	18,9	23,5	18,1	12,3	27,0

В исследовании были отобраны те дни, когда совпадения достигали максимального количества. Оказалось, что они полностью соответствуют «матрице» отбора и подтверждают гипотезу. Например, общая повестка дня 7 мая в том виде, как ее попытались сформировать региональные СМК, выглядит следующим образом: инаугурация Президента РФ, подорожание проезда на метро, рост цен на продукты, крупные происшествия (прорыв на теплотрассе, туман в аэропорту «Толмачево», пожар на заводе «Большевик»). Четыре из пяти исследуемых СМК обсуждали решение о чистке рядов в «Единой России», запрет на движение большегрузного транспорта, подведение итогов отопительного сезона. В табл. 2 показаны темы, в большей степени интересующие профессиональное сообщество.

В тематических предпочтениях лидируют экономика и промышленность. Это объясняется социально-политическим фоном, который априори номинирует эту тему на первое место по популярности: бурный рост экономики области, ритуализация властью темы экономических изменений (пуск

новых объектов, встречи с руководителями известных корпораций, деловые визиты губернатора в различные страны, его участие в качестве руководителя рабочих групп по подготовке заседаний Госсовета и т. д.).

Таблица 2

Тематические предпочтения профессионального сообщества, %

Тема	ГТРК	ОТС	РИА	Интерфакс	СТС
Власть и политика	9,8	9,4	5,1	2,6	4,3
Экономика, промышленность	14,0	7,2	26,0	22,2	1,7
Общество	27,6	28,6	3,5	13,9	20,3
Криминал и происшествия	14,5	3,2	51,0	38,1	21,6
Медицина	6,7	4,5	2,0	2,8	—
Культура	7,2	10,9	6,2	6,7	15,0
Сельское хозяйство	3,6	8,9	—	1,4	—
Наука и образование	5,7	7,2	2,0	3,1	6,6
ЖКХ	3,2	1,8	—	0,8	2,7
Рекреативная	3,8	2,3	2,0	2,3	0,9
Спорт	2,5	13,8	2,0	2,3	26,0
Реклама	0,8	1,1	—	—	1,3

Благодаря проведенным по результатам контент-анализа неформализованных интервью появилось еще одно объяснение «популярности» экономической тематики. Как заявили руководители всех пяти каналов, в последнее время коммерческие структуры стали принимать активное участие в формировании повестки дня. Действуя в рамках реализации собственных корпоративных пиар-стратегий, они различными способами (в основном за деньги) стараются привлечь внимание СМИ.

Позиции «общество», «криминал и происшествия» также подтверждают нашу гипотезу. Именно в рамках этих тематических направлений для профессионального сообщества содержится максимум материала, отличающегося более высокой потребительской стоимостью.

Данные контент-анализа показывают, что в освещении темы «общество» преобладают «черные краски». Негативных сообщений информационных агентств больше, чем позитивных, а в ГТРК «Новосибирск» эти показатели сравнялись. Локальный пикет населения одного из микрорайонов против точечной застройки и вырубке лесонасаждений не мог не привлечь внимание всех СМИ. При этом «погоня за сенсациями» вызывает определенную критику средств массовой

коммуникации в обществе. «Пляска на костях» — еще одно обвинение, выдвигаемое обществом современным медиа. Имеется в виду популяризация ими тем, содержащих негативную оценку (табл. 3).

Таблица 3

Эмоциональная настроенность повестки дня, %

Канал	Позитивно	Негативно	Нейтрально
ГТРК	28,9	31,6	39,6
ОТС	45,1	9,5	45,4
РИА Новости	13,8	49,1	37,1
Интерфакс	34,3	27,3	38,4
СТС-МИР	27,6	26,9	49,8

В связи с этим любопытно сравнить данные контент-анализа с опросами на предмет того, что больше всего волнует население. Такие опросы проводятся регулярно различными социологическими организациями. Всегда первые строчки в них занимает тема преступности. Однако оказывается, что лишь десятую часть опрошенных лично затрагивала эта тема. Следовательно, данная проблематика была им навязана СМИ.

Эта таблица требует некоторого пояснения. Низкое количество «негативных» сообщений на телеканале «ОТС» подтверждает нашу гипотезу. Дело в том, что ОТС принадлежит областной исполнительной власти. «Интерфакс» также демонстрирует преобладание позитивной информации над негативной. Однако это объясняется тем, что значительная часть негативной информации распределяется по различным специализированным информационным лентам, которые не попали в поле зрения нашего анализа.

В ходе проведения контент-анализа интерес вызвали темы, которые были тематизированы только одним каналом и проигнорированы другими. На субъективный взгляд, эти темы, однако, представляли определенный общественный интерес. Например, в одном из районов области запущена линия по производству теплоэффективных строительных блоков. ОТС показала об этом сюжет собственного корреспондента, который постоянно проживает в этом районе. В ходе неструктурированных интервью с руководителями других каналов выяснилось, что ГТРК могла бы разместить сюжет на эту тему в своем выпуске, но не располагала «картинкой», так как не имеет собкора в этом районе. Для

Интерфакса эта новость осталась «закрытой», так как он не смог получить точные данные о производительности этой линии, собственниках, сроках выхода на проектную мощность. Наличие таких деталей — непереносимое условие формата агентства. СТС-МИР проигнорировала эту тему в связи с тем, что «не знала об этом событии». Для РИА Новости такие темы кажутся «мелкими».

Таким образом, и на неопубликованные материалы распространяется корпоративная специфика производства новостей, что является дополнительным подтверждением нашей гипотезы, а именно: на установление повестки дня влияют не только внешние, нормативные правила, но и интернальные свойства медиакорпораций, форматы, корпоративные практики, технико-технологические особенности функционирования СМК.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: McCombs M.E., Shaw D.L. The Agenda-Setting Function of Mass Media // Public Opinion Quarterly. Vol. 36. 1972. P. 176—178.

² См.: Iyengar Sh. Is Anyone Responsible? How Television Frames Political Issues. Chicago: University of Chicago Press, 1991. 195 p.

Поступила 07.01.09.

А. А. КОШЕЛЕВ

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ТЕЛЕВИЗИОННОЙ РЕКЛАМЫ МОЛОДЕЖЬЮ

Ключевые слова: реклама; рекламный ролик; молодежь; отношение к рекламе; узнаваемость рекламных брендов

Key words: advertisement; commercial; youth; relation to advertisement; recognizability of advertisement brands

Реклама — важный общественный феномен, способный влиять на все сферы жизнедеятельности социальной системы. В настоящее время в гуманитарных науках реклама представлена в двойственном статусе. С одной стороны, эта форма маркетинговых коммуникаций воспринимается как вульгарный трюк, манипулирующий поведением потребителей, с другой — как инструмент социализации личности, обеспечивающий планомерное усвоение молодым поколением ценностных норм и стереотипов, свойственных тому или иному социуму.

Для выявления особенностей восприятия телерекламы молодым поколением осенью 2008 г. было проведено социологическое исследование, организованное Центром региональных социологических исследований при Саратовском государственном университете. Исследование проводилось методом формализованного интервью. В результате бесповторной квотной-стратифицированной выборки были опрошены 400 чел. по Саратовской области в возрасте от 14 до 30 лет.

Анализ результатов опроса позволил выявить особенности восприятия молодой аудиторией телевизионных трансляций. До одного часа в день телевизор смотрит 41 % опрошенных, от одного до трех часов в сутки просмотру телевизионных передач посвящает наибольшее количество респондентов —

КОШЕЛЕВ Александр Анатольевич, доцент кафедры социологии молодежи Саратовского государственного университета, кандидат социологических наук.

45 %. От четырех до шести часов телевизор смотрят 5 %, а более шести часов — 6 %. Таким образом, можно отметить, что у большинства опрошенных просмотр телевидения занимает в среднем от одного до трех часов, что является своеобразной досуговой деятельностью молодежи.

При этом зрительский интерес к рекламным блокам является противоречивым. Более половины респондентов (50,7 %) указали, что внимание к рекламе «зависит от настроения». Игнорируют рекламу, переключая каналы, 18,7 % опрошенных; выходят из комнаты, чтобы заняться какими-либо своими делами, 8,7 %; смотрят рекламу от начала до конца 8 %. Можно предположить, что позитивное настроение молодой аудитории зависит от оригинальности и формы подачи рекламного сообщения.

Характеристики телевизионной аудитории отличаются массовостью, которая дифференцируется в зависимости от времени суток, дней недели и особенностей телепрограммы. Это позволяет рекламодателю четко определить нужный сегмент молодой аудитории. Так, 51,3 % опрошенных указали, что чаще всего смотрят телевизор в вечернее время, 18 % — в утреннее, 12,7 % — в дневное, 10 % — в ночное и 8 % — в послеобеденное. Таким образом, чаще всего респонденты смотрят телевизор по вечерам, после работы или учебы, возможно, чтобы отдохнуть и расслабиться. Наиболее продуктивным, как видно из ответов респондентов, является использование в рекламных целях вечернего времени.

Что касается узнаваемости рекламного слогана фирм, представленных на телевидении, то лишь 34,7 % опрошенных подтвердили, что иногда при просмотре рекламных блоков такое случается; 23,3 % не обращали на это никакого внимания; 42 % затруднились ответить на этот вопрос. Такие результаты свидетельствуют, на наш взгляд, о низком уровне технологий производства рекламы, а также об отсутствии оригинальных идей.

Как показал опрос, большинство молодежи (42,7 %) не употребляет рекламные фразы в повседневной жизни, поскольку «как-то редко это бывает в тему и к месту». Но все же 30 % молодых людей признались, что иногда такая ситуация возможна. Иными словами, почти у трети опрошенных фразы из рекламных роликов переходят в активную коммуникативную форму, молодежь начинает пользоваться

ими в своей повседневной жизни (наиболее популярные фразы — это «Не тормози — сникерсни!», «„Айс?“ — „Не айс!“», «Ред Бул окрыля-я-яет!»).

В качестве наиболее популярных 13,3 % респондентов указали рекламный ролик компании «Pepsi»; 11, 3 % опрошенных выбрали рекламу напитка «Sprite»; рекламный ролик энергетического напитка «Red Bull» запомнился 8 % респондентов; рекламу коммуникатора с демонстрацией его возможностей и рекламу «Киндер-шоколада» указали по 4,7 % респондентов; чуть меньше (4,67 %) выбрали рекламу сотовой компании МТС; реклама «Эльдорадо» с резидентом «Комеди-клуб» запомнилась 4 % опрошенных; 3,3 % выбрали новую рекламу «Макдоналдс»; 2,7 % респондентов запомнили серию рекламных роликов «Орбит»; по 2 % указали рекламу жевательной резинки «Стиморол айс», пива «3 медведя», рекламу автомобилей «Хонда Аккорд» и «Лексус»; 1,3 % респондентов указали в качестве наиболее запомнившейся рекламу Дня города по местному телевидению.

Анализ результатов исследования позволил выявить эмоциональный фон респондентов в момент просмотра телевизионных передач¹. Большинство из них отметило, что во время просмотра телерекламы чаще всего возникало противоположные чувства: интерес (41,4 %) и безразличие (23,1 %). Многие указывали, что все зависит от того, какая реклама. Если она профессиональная, «цепляет», то вызывает искренний интерес. Если же это обычная реклама, каких много, ничем не привлекающая внимание, то тогда превалирует безразличие. Реклама раздражает 10,2 % опрошенных и злит 9,7 %, 15,6 % затруднились ответить на этот вопрос.

Наиболее привлекательными, по мнению молодых людей, оказались эстетические и музыкальные рекламные ролики — 24,6 и 24,3 % соответственно. Современная молодежь любит и ценит красоту, поэтому эстетические и музыкальные рекламные ролики оказались им ближе, чем художественные (16 %), мультипликационные и спортивные, которым отдали предпочтение по 9,9 %. Сюжетные и проблемные ролики указали в качестве наиболее привлекательных 8 и 1,6 % респондентов соответственно. Вероятно, это связано с тем, что молодежь устала от различного рода сериалов, которые в последнее время насытили телеэфир ведущими компаниями. Затруднились указать свои предпочтения 5,8 %

опрошенных. Полученные результаты демонстрируют некоторое противоречие: молодежь считает наиболее привлекательными эстетические и музыкальные рекламные ролики, а наиболее запоминаются и употребляются в повседневной жизни фразы из игровых, шуточных сценариев. Это еще раз подчеркивает склонность молодежи к оригинальным, нестандартным ходам, свойственным этому возрасту.

Оценка эффективности рекламных роликов выявлялась посредством анализа результатов ответов на смоделированные в анкете ситуации, когда респондентам предлагалось определиться с выбором рекламируемого товара. Наиболее разрекламированный товар предпочтут 22,7 % молодежи. Товар, который стоит дешевле, предпочли бы купить 18,7 %, более дорогой — 13,3 % (видимо, здесь влияние стереотипа «чем выше цена, тем выше качество»). Товар, упаковка которого выделяется цветом, материалом, рисунками, выбрали 8 % опрошенных. Совершенно незнакомый товар предпочтителен для 1,3 %. Полученные данные свидетельствуют о повышении уровня интереса молодежи к рекламной информации, которая становится важной составляющей жизнедеятельности человека в рыночных условиях. Положительное отношение к рекламе, на наш взгляд, также обеспечивает динамичное развитие конкуренции, что вынуждает производителя больше внимания уделять качественным характеристикам товара. «Как только потребитель, — пишет Дж. Хэмилтон, — осознает, что у него есть выбор, производитель вынужден поднять свои стандарты, чтобы конкурировать за деньги покупателей»². Поэтому неслучайно большинство респондентов считает, что характеристики товара соответствуют рекламным обещаниям и утверждениям.

Значительный интерес вызывают результаты прогнозов респондентов относительно последствий дальнейшего развития рекламных технологий. Более половины опрошенных (53 %) указали, что в дальнейшем развитие рекламы может привести к расширению кругозора потребителей рекламы; 30,8 % отметили, что это будет способствовать улучшению состояния экономики; 8,1 % убеждены, что развитие рекламных технологий является дополнительным источником дохода для государства; 6,5 % уверены, что развитие рекламных технологий приведет к падению культуры, а 1,6 % придерживаются мнения того, что это приведет к деградации человека.

Таким образом, большинство опрошенных настроено оптимистично, постепенно пропадает негативный настрой по отношению к рекламе как социальному явлению. Именно с развитием новых технологий, креативных ходов и решений реклама стала восприниматься потенциальным потребителем лояльнее.

Несомненно, ключевым аргументом дальнейшего положительного отношения к рекламе будет являться повышение качественных характеристик ее производства. Наиболее привлекательными сторонами рекламных роликов назывались красота (10,5 %), оригинальный сценарий (9,9 %), хорошая музыка (9,2 %), сексуальная символика и эротика (7,6 %), доброта, позитивное отношение к животным (по 7,5 %), юмор и положительное отношение к детям (по 7,4 %), освещение проблем окружающей среды (7,2 %), приятный голос героев ролика (6,5 %), уважительное отношение к людям старшего возраста (6,2 %), возможность получать новую информацию (5,1 %). Употребление молодежного сленга привлекает лишь 2,8 % опрошенных³. Следовательно, можно утверждать, что молодежь сегодня уделяет большое внимание эстетичности, красоте, качеству выполнения и оригинальному музыкальному сопровождению.

Среди отрицательных характеристик современной рекламы были отмечены неправдоподобность ситуаций (9,1 %), глупый сюжет (8,7 %), неприятный голос героев (8,6 %), несоответствующая музыка (8,3 %), использование в рекламе тематики конфликта (8,2 %), хамство и эгоизм (по 7,7 %), неприятные персонажи (7,6 %), неграмотный текст, фразы (7,5 %), сексуальная символика и эротика (7,2 %), употребление молодежного сленга (6,8 %), плохая игра актеров (6,6 %), негативное отношение к людям старшего возраста (5,9 %). Как показывают результаты исследования, некоторые качества, которые некоторым нравятся в телерекламе, у других вызывают негативные эмоции.

В то же время следует отметить возрастающий уровень доверия молодого поколения к рекламным сообщениям. Полностью доверяют телерекламе 10,7 %; доверяют, но частично 56 %; не доверяют полностью 10,7 %; 22,7 % опрошенных затруднились ответить. Несмотря на выявленный рост интереса к рекламной информации, уровень доверия к ней со стороны молодых людей остается неоднозначным.

Большинство опрошенных предпочитает вести себя более осторожно, тщательно продумывая свой выбор.

Исследование выявило положительную динамику в отношении молодежи к феномену рекламы как способу формирования потребительского спроса на товары и услуги. На наш взгляд, это связано с повышением качественных характеристик современной рекламы, оказывающей влияние не только на потребительское поведение, но и на формирование определенного стиля взаимодействия субъектов в обыденной жизни. Привлекательность рекламных роликов обеспечивается не простыми, примитивными приемами, а посредством использования нестандартных методов (например, ролики-игры с элементами юмора или флирта). Кроме того, в качестве наиболее запомнившихся указывались фразы из динамичных, грамотно спроектированных рекламных роликов спортивной одежды, технических новинок. Тем не менее большинство опрошенных во время просмотра теле-рекламы чаще испытывает противоречивые чувства, однако конструктивные оценки последствий развития рекламы преобладают над деструктивными.

Таким образом, реклама становится одним из основных элементов маркетинга, обеспечивающего превосходство субъектов рынка в процессе острой конкурентной борьбы. Постепенно уходит в прошлое негативное отношение к рекламе, и все чаще этот социальный феномен воспринимается как инструмент конструирования цивилизованных отношений в системах, где приоритет отдается рыночным механизмам взаимодействия. Особенно заметна эта тенденция среди молодежи, что, несомненно, положительно, ведь данная социально-демографическая группа наиболее адаптирована к инновациям и преобразованиям на пути построения цивилизованных способов коммерческой и иной деятельности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Итоговое значение в данном вопросе превышает 100 %, так как респонденты могли выбрать несколько вариантов ответов.

² Хэмилтон Дж. Маркетинговые исследования // Социс. 1994. № 5. С. 73.

³ В этих вопросах итоговое значение превышает 100 %, так как респонденты могли выбрать несколько вариантов ответов.

Поступила 03.03.09.

С. А. ТУМЕНОВА

КОНКУРЕНТНЫЕ ПРЕИМУЩЕСТВА РЕКРЕАЦИОННОГО КОМПЛЕКСА РЕГИОНА

Ключевые слова: конкурентоспособность региона; бальнеологические ресурсы; климат; гидроминеральная база; минеральная вода; целебная грязь; воздушный бассейн; рекреационно-познавательные и историко-культурные ресурсы

Key words: competitive ability of the region; balneological resources; climate; hydro-mineral ground; mineral water; salutary dirt; air pool; recreation and cognitive resources; historical and cultural resources

Возникновение комплекса новых экономических, социальных и политико-правовых проблем актуализировало необходимость разработки научно обоснованной региональной политики и стратегии, призванных обеспечить конкурентоспособность России и ее регионов на мировом рынке. Понимая под конкурентоспособностью региона как субъекта рыночных отношений способность выступать на рынке наравне с конкурирующими субъектами¹, отметим, что она определяется как наличием тех или иных конкурентоспособных отраслей, так и способностью региональных органов власти применять механизмы регулирования процессов функционирования предприятий для достижения и удержания конкурентного преимущества в определенных областях. Поскольку ведущую роль в достижении конкурентной устойчивости региона играют структурообразующие отрасли или сегменты отрасли, одной из актуальных задач в системе повышения конкурентоспособности региона выступает проблема выявления их реального потенциала. Для Кабардино-Балкарской Республики (КБР) развитие рекреационного комплекса, располагающего аттрактивными техноло-

ТУМЕНОВА Светлана Ахматовна, старший научный сотрудник отдела управления региональной экономикой Института информатики и проблем регионального управления Кабардино-Балкарского научного центра РАН, кандидат экономических наук.

гически обязательными природно-рекреационными ресурсами и культурно-историческими объектами, рассматривается в качестве одного из действенных инструментов оживления экономической активности, способного осуществить включение республики в территориальное разделение труда и решение внутрирегиональных проблем, обеспечивающих последовательное развитие социальной сферы.

Ценные бальнеологические ресурсы в совокупности с климатом, являясь предпосылкой для строительства и эксплуатации хозяйствующих субъектов рекреационной отрасли, способствуют развитию в республике большинства видов рекреационной деятельности: санаторно-курортной, лечебно-оздоровительной, туристско-экскурсионной, спортивной, культурно-познавательной, альпинизма и др.

Гидроминеральная база республики представлена четырьмя типами *минеральных вод*: углекислыми, сероводородными, азотно-термальными, метановыми. На территории КБР выделяют несколько районов с естественными природными источниками минеральных вод. Основная часть минеральных источников сосредоточена в горной и предгорной зоне республики в бассейнах рек. Общий дебит минеральных вод составляет более 90 млн л/сут. Из более 150 выявленных и зарегистрированных подземных горячих, теплых и холодных выходов минеральных вод для лечебных целей и розлива используются менее 1 %, остальные либо зарезервированы, либо требуют дальнейшего детального обследования. Спектр заболеваний, по которым проявляется лечебный эффект минеральных вод, достаточно широк: заболевания внутренних органов, желудочно-кишечного тракта, опорно-двигательного аппарата, нервной системы, гинекологические болезни и пр.

Одним из основных природных лечебных факторов КБР являются *целебные грязи*. С помощью сульфитных иловых лечебных грязей Большого Тамбукана, расположенного на территории республики и Ставропольского края, лечат заболевания желудочно-кишечного тракта, опорно-двигательного аппарата, нервной системы, почек, кожи у взрослых и детей. Запасы грязей Тамбуканского озера, оцененные в 1,4 млн т, считаются достаточными для осуществления лечебно-профилактической деятельности в санаторно-курортной практике.

Климат в республике характеризуется обилием солнечных дней, незначительной влажностью, отсутствием

сильной жары, чистотой воздуха в сочетании с богатой растительностью. Он обеспечивает благоприятные условия для организации климатолечения. При этом биоклиматические параметры позволяют активно заниматься рекреационной деятельностью круглогодично. Одними из важных естественных курортных ресурсов республики являются *воздушный бассейн*, чистота атмосферного воздуха. Естественные леса и зеленые насаждения способствуют выделению в атмосферу летучих биологически активных веществ, которые не только ионизируют и saniруют воздух, но и являются стимуляторами, а в отдельных случаях — ингибиторами жизненно важных процессов в организме. Значение ионизированного воздуха заключается в повышении активности дыхательных ферментов, улучшении деятельности сердечно-сосудистой и кровеносной системы, усилении биотоков мозга, снятии головной боли, преодолении аллергических состояний.

Ценными рекреационными ресурсами КБР являются *памятники природы*, имеющие региональный статус: геолого-ландшафтные, гидрологические, дендрологические и др. Для сохранения видового разнообразия флоры и фауны и высокогорных ландшафтов на территории КБР созданы Государственный Национальный парк «Приэльбрусье», кабардино-балкарский Высокогорный заповедник и 9 заказников, которые отнесены к разряду особо охраняемых природных территорий (ООПТ) и способствуют организации популярного в последнее время экологического туризма.

Существенным дополнением естественных лечебных факторов республики являются *рекреационно-познавательные историко-культурные ресурсы*, основу которых составляют многочисленные археологические, историко-архитектурные, военно-исторические памятники, а также достопримечательные места, связанные с именами выдающихся деятелей науки, литературы и искусства России и КБР. Развитие экологического туризма должно, на наш взгляд, иметь приоритетное значение в связи с нецелесообразностью осуществления масштабного строительства рекреационных объектов.

Одними из важнейших компонентов, составляющих национальное достояние народов республики, являются *памятники истории и культуры*, отражающие все этапы, через которые прошло в своем развитии человечество, от эпохи

камня до позднего Средневековья. Только археологических памятников, приуроченных к предгорной и равнинной частям республики, насчитывается 529, в том числе 424 кургана, 6 древних могильников, 8 городищ, 4 селища и 87 прочих памятников, охватывающих период от III в. до н. э. до XXI в. н. э. Общая площадь земель, занимаемых этими объектами, составляет 78,7 га.

Большинство из них находится в критическом техническом состоянии и нуждается в проведении срочных реставрационных работ. Памятники испытывают негативное влияние природно-климатических и антропогенных факторов, значительно ускоряющих процессы разрушения и затрудняющих использование их в качестве привлекательных объектов познавательного туризма.

Таким образом, анализ рекреационного потенциала Кабардино-Балкарской Республики показывает, что по благоприятному сочетанию природных условий, наличию бальнеологических ресурсов, разнообразию флоры, фауны она может быть отнесена к курортным территориям федерального значения. Однако наличие значительных туристских ресурсов выступает лишь как потенциальное сравнительное преимущество, которое необходимо трансформировать в конкурентное, добавляя им экономическую ценность, стоимость и создавая конкурентоспособные рекреационные продукты. Полномасштабная реализация природно-ресурсного потенциала республики должна быть связана с формированием предложения, обеспечивающего более высокий спрос на рекреационные услуги по сравнению с альтернативными в соответствии с инфраструктурными, экологическими и иными условиями формирования рекреации.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ См.: Костяев Н.П. Основа концептуальной модели устойчивой конкурентоспособности российского туризма // Сб. трудов МТА. № 3. 2008 г.

Поступила 28.01.09.

Э. Р. САФАРГАЛИЕВ

СУБСТРАТ КУЛЬТУРЫ КАК ФАКТОР ДИНАМИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ В УСЛОВИЯХ ПОЛИЭТНИЧНОСТИ РЕГИОНА

Ключевые слова: этнос; нация; полиэтничное общество; деловая культура; государство; профессиональная культура; этика

Key words: ethos; nation; poly-ethnic society; business culture; state; professional culture; ethics

В современных исследованиях, посвященных проблеме полиэтничности, сложилась ситуация, характеризующаяся преобладанием импровизации и фрагментарности, отсутствием сколько-нибудь цельных и последовательных теорий и идеологий. Это во многом объясняется тем, что лишённые идеологических оснований сдвиги глобального масштаба порождены сочетанием множества социальных, экономических, культурных, технологических и иных факторов, различные комбинации которых способны вызывать непредсказуемые ситуации. Поэтому неудивительно, что у формирующегося нового мирового порядка множество скрытых аспектов, чреватых непредсказуемыми последствиями. Эти последствия накладываются на комплекс факторов, которые в совокупности способны усиливать конфликтный потенциал как внутри отдельных обществ, так и между различными народами, странами, культурами, конфессиями и т. д.

Постиндустриальная революция, урбанизация, информатизация, рост грамотности породили специфическую культуру и массы люмпенов физического и умственного труда, оторванных от корней и земли и способных поддерживать любой миф, обещающий все блага мира. В то же время динамика секуляризации породила тип человека, для которого главным мотивом деятельности, основным жизненным кредо стало удовлетворение собственных потребностей и желаний.

САФАРГАЛИЕВ Эрнст Раисович, старший преподаватель кафедры управления Института Управления (г. Набережные Челны).

Это самовлюбленный человек, который, как удачно отметил С. Даннелс, является продуктом развития свободы, не корректируемой ответственностью¹. Он отрицает все, что ограничивает утверждение личности, восстает против институтов, процессов социализации, обязательств, т. е. против всего того, что составляет «ткань» любого общества. Он осуждает общество, считая его ответственным за все ошибки, пороки, духовную нищету и пр. Он не признает ни дисциплины, ни авторитета отца, семьи и традиций, ни самоограничений. Для него идеальным является гедонистическое общество, где все поставлено на службу удовлетворения потребностей и получения наслаждений.

Считая установку современных исследователей от марксистов до экзистенциалистов, согласно которой человек есть существо, живущее в необратимом историческом времени, упрощенной, М. Элиаде утверждал, что человек живет еще и вне исторического времени, а именно: в своей мечте, своем воображении и т. д.² Иначе говоря, человек, общество, государство и, соответственно, межгосударственные отношения, мировое сообщество в целом имеют мировоззренческое измерение. Именно это измерение определяет содержание господствующей в определенный исторический период парадигмы. Еще Ф. Ницше предупреждал, что XX в. станет веком борьбы различных сил за мировое господство, осуществляемой именем философских принципов³. Предупреждение Ницше оказалось пророческим с той лишь разницей, что многообразие и сложность мировоззренческого начала были заменены идеологическим измерением, идеологические принципы взяли верх над философскими.

Современная этика впервые в своей истории столкнулась с проблемами, от решения которых зависит судьба общественных и культурных институтов, лежащих в ее основе. Все сложные задачи, стоящие перед современной этикой, можно поделить на две группы: на вопросы этики в узком значении этого слова, а также на вопросы, связанные с борьбой и конкуренцией великих традиций и этических систем.

Решение проблем первого типа зависит от способа, которым западная этика будет вести диалог с другими этическими системами. В целом историю этического диалога можно разделить на три периода: период этноцентризма,

культурного релятивизма, а также период «умеренного культурного универсализма»⁴. Для культурного универсализма характерно утверждение «нет смысла делить культуры на лучшие и худшие». Тем не менее существуют определенные моральные нормы, которые должны быть обязательными для всех людей вне зависимости от какой бы то ни было культурной или религиозной обусловленности. Следовательно, этот культурный универсализм является этическим, тем более что он не утверждает, что все люди во всех культурах признают общие нормы нравственности, но в свою очередь постилирует, что такие нормы должны быть признаны всеми. Примером кодификации этих универсальных моральных норм является Декларация прав человека, признающая за каждым человеком право на жизнь, свободу и безопасность, исходя из самой человеческой жизни.

Сегодня необходимо отдавать себе отчет в том, что с точки зрения этики мы уже давно имеем дело с чем-то, у чего есть признаки глобализации в небольшом локальном масштабе. Эта глобализация идеи ценностей, а не экономики, как принято считать, особенно четко видна в этике, в которой давно борются друг с другом великие этические традиции, причем эта борьба никогда не проходила в мирном существовании и всегда приобретала форму более или менее открытого конфликта. Понимание глобальных процессов, происходящих в современном мире, необходимо не столько для того, чтобы к этим процессам подключиться, сколько для определения собственных горизонтов, перспектив и страхов. Большинство авторов, поднимающих эту проблему, имеют в виду процессы, происходящие в мировой экономике, но то же самое можно сказать об изменениях, происходящих в нравственности.

Что есть современный полиэтнический регион? Регион, где в условиях толерантности сосуществуют различные этносы и культуры? Это идеальное утверждение. Но не надо забывать о том, что современная полиэтническая ситуация характеризуется еще и наличием международного бизнеса. Полиэтничность значительно расширяет свои границы. Необходимо констатировать тот факт, что проблема взаимодействия различных этносов и культур, влияющая на успех международного бизнеса, базируется на политике и идеологии.

Политика теснейшим образом связана с идеологией. Идеологию можно определить как некий строительный проект или эскиз, на основе которого конструируются структуры и функции власти в том или ином обществе. Все идеологии касаются проблем авторитета, власти, властных отношений и т. д. Идеология ориентируется на непосредственные политические реалии и действия, на политический процесс и исходит из соображений привлечения наивозможно большей поддержки. Поэтому она и носит ярко выраженный тенденциозный характер.

Сегодня приходится признать, что не существует фирмы, имеющей международные контакты, которой удалось бы избежать неверных суждений, иллюзий и ошибок при взаимодействии с клиентами и поставщиками. Большая часть публикаций о международном менеджменте изобилует предостережениями о культурных различиях и даже культуры как таковой, являющихся причинами гибели корпораций. Так, В. Холл заявляет, что «культурные различия скорее могут превратить в руины партнерство, чем принести экономическую пользу»⁵. Американские специалисты по кросс-культурному консалтингу замечают, что культурные различия могут убить деловые отношения.

В свою очередь вопросы взаимодействия этноса и культур достаточно интересно и продуктивно рассматривались в рамках культурной антропологии, одним из наиболее ярких представителей которой является Л. Уайт. С его точки зрения, динамика культуры напрямую зависит от поведения этносов, характера их деятельности, результаты которой объективируются в традиции⁶. Американский мыслитель отмечает, что к важнейшим «векторам», определяющим культурную реализацию этноса, относятся хозяйственная деятельность, характер социальной организации, особенности духовной жизни. При этом Л. Уайт последовательно выступает против идеалистической трактовки этноса как субстанции, наделенной «душой», «моральностью», «переживанием жизни». В частности, он отмечает, что мораль присуща лишь отдельно взятым людям, составляющим общество, только у них есть этика. Прочие «образования», по Л. Уайту, не обладают моралью. Нациям и народам абсолютно неправоммерно приписывается та или иная моральная доминанта. Чаще всего своя нация изображается высокомораль-

ной, нация противостоящая — аморальной. Приписывание нации этического поведения зиждется на двух посылах: на перенесении на нацию мотивов и ценностей, присущих людям; на представлении о том, что в нации выражаются более высокие, благородные и чистые помыслы людей. Но человек и нация — разные системы, состоящие из разных элементов и по-разному функционирующие. Нации состоят из культурных элементов, институтов, идеологий, орудий и средств производства. Нации хищны и беспощадны, арена международных отношений представляет собой джунгли, где царят хитрость, вероломство, обман и грубая сила. И все разговоры о «моральности» призваны здесь лишь скрывать подлинные цели⁷.

Л. Уайт особо отмечает, что стереотип «моральной» оценки любого этноса связан с процессом его символической репрезентации вовне: каждая нация, каждый народ имеет убеждение о собственном благородстве, справедливости, непогрешимости, которые они стараются навязать другим народам и нациям. При жестком навязывании своих представлений другим этносам наблюдается «агрессивная деформация». В этом случае «свое» замещается «чужим». Этнос утрачивает свое культурное ядро, он деформируется и угасает. Поэтому одной из существенных черт этноса как культурной подсистемы Л. Уайт считает его способность к сплоченности и укреплению системы в целом, способность к мобилизации всех своих ресурсов в определенных ситуациях культурного и цивилизационного давления извне.

Л. Уайт особо отмечает, что в ряду различных этнокультурных систем, являющихся субъектами культурной динамики (племя, род, группа, народ, нация), нация выделяется низким уровнем консолидации и сознания. Ее поведение характеризуется лишь простыми рефлексам и тропизмами. При этом ученый особо отмечает, что по отношению к этнокультурным системам неправоммерно употреблять психологические термины («умно», «глупо»), как и этические («хорошо», «плохо»), так как разумное или неразумное поведение свойственно лишь биологическим организмам. Но из-за неразработанности культурологических категорий невольно приходится пользоваться терминологией других наук.

Понятно, почему споры и дискуссии по этому вопросу в наши дни не только не прекратились, но и приобрели

новый импульс. Они концентрируются вокруг вопросов о том, что такое национализм и национальная идея, когда они возникли, какую роль сыграли в общественно-историческом процессе, какова их роль в современном и грядущем мире, что первично — нация или государство, как они соотносятся друг с другом и т. д.

В сериях статей об ограничениях в бизнесе, опубликованных в Harvard Business Review, одна из статей просто называлась «Кросс-культурная трясина». В другом издании А. Р. Фрост сравнил конфликт культур с землетрясением. «Точно так же, как участки земной коры, существующие по отдельности, никак не влияют друг на друга, пока они, столкнувшись, не приведут к землетрясению, представители различных культурных групп могут совместно трудиться в полной гармонии, пока не случатся стычки, заметьте — такое столкновение может существенно сказаться на работе организации»⁸. Столь же патетичны и другие авторы: «Культурно обусловленные разногласия возникают, когда представители различных культур вступают в контакт. Иногда непонимание наступает еще до попытки представиться, когда вы еще даже рта не успели открыть. Столкновение на почве различия культур может вызвать вселенскую усталость или даже шок или депрессию... Каковы жалкие симптомы культурного шока? Насколько он заразен? Смертелен ли он?». Мнение о том, что «культура» может разрушить международный бизнес, конечно, не является новым. Неожиданно и тревожно заявление вроде упомянутых выше американцев, пишущих о конфликте культур с таким патологическим неистовством⁹.

Однако в этих предостережениях есть доля истины. Проблема заключается лишь в недопустимом ее преувеличении. Если правильно не работать с культурными различиями, это может привести к недопустимым проблемам в социуме.

Поднимая проблему глобализации взаимодействия этноса и культуры в условиях полиэтничности, мы стараемся подчеркнуть, что эта идея отнюдь не равнозначна попытке уподобить людей механизмам, автоматам, все действия которых заранее запрограммированы не ими выбранными и не зависящими от их воли потребностями. «Предписанность» последних отнюдь не лишает людей присущей им «свободы воли», проявляющейся в способности «ранжировать» свои

потребности в соответствии со сложившейся шкалой ценностных предпочтений.

Тем более нелепыми оказываются поиски объективной потребностной иерархии, в которой деление на «главные» и «неглавные», «первичные» и «вторичные», «определяющие» и «определяемые» потребности дано независимо от желаний и предпочтений людей. О какой объективной иерархии может идти речь, если каждый человек субстанционально свободен в выборе своих жизненных приоритетов и способен сознательно выстраивать образ своей жизни?

Однако подобные суждения не отменяют идею устойчивых, объективных зависимостей в системе человеческих потребностей. Ее выручает тот факт, что объектом ее приложения является не только индивидуальное, но и коллективное поведение людей. Это обстоятельство позволяет нам выявить не только объективную связь между потребностями как некоего статистического закона, но и социокультурные факторы, которые могут вполне описывать массовые проявления.

Ни один из жизненных выборов человека не может расцениваться как гносеологически истинный или ложный. Это не означает, что такой выбор не может рассматриваться как целесообразный относительно задач сохранения и развития общества как организационной формы совместной деятельности людей.

Чтобы лучше выявить понимание взаимосвязи глобализации этического сознания, все увеличивающейся роли потребностей человека и их фундаментальных основ в становлении современного профессионализма, необходимо рассмотреть различия между пониманием и установившимся порядком, шаблоном.

Шаблон — основа любой социальной системы, «седьмое небо» бизнеса, существенное условие успешной работы любого производственного предприятия, идеал каждого государственного чиновника. Социальная машина должна работать, как часы. Когда шаблон совершен, понимание оказывается излишним, если не считать кратковременных усилий ума, без которых вряд ли можно обойтись в необычных ситуациях (засуха или эпидемия гриппа). Сама работающая система есть продукт разума. Но когда устанавливается адекватный шаблонный порядок, разуму больше делать нечего, а

действие системы поддерживается совокупностью условных рефлексов. От человека в таких случаях требуется только достаточная восприимчивость к обучению. Немудрено понять, что общественная жизнь основана на шаблоне. Общество требует стабильности, предвидение опирается на стабильность, а стабильность — продукт шаблона.

Проблема заключается в том, что для современных социальных систем характерно нестабильное развитие, соответственно, мы должны готовить человека к встрече с новыми условиями его существования. Но нельзя подготовиться к тому, чего не знаешь. Нам необходимо такое понимание обстоятельств, которое позволило бы нам освоить новшества, которые способны оказать определенное влияние на ближайшее будущее. Но в таком случае нас уже не может удовлетворить доктрина, согласно которой общество живет по шаблону, отказ от которого грозит ему губительными последствиями. Мы должны понять причину шаблонного общественного бытия, причины, коренящиеся в человеческой природе, и в то же время правильно оценить все новое, что уже оказывает влияние на результаты общественной деятельности по сравнению с привычными шаблонами. Таким образом, мы сможем прогнозировать, что в ближайшем будущем останется неизменным, а что изменится.

Деловой дух прежде всего должен обладать достаточной силой, позволяющей подчинить деловую сторону жизни определенным шаблонам, но в то же время контролировать их действие, при необходимости создавать их заново, понимать их внутреннюю структуру и внешние цели. Эта сила обеспечивает успех. Но здесь нельзя обойтись без этического осмысления потока, несущего все разнообразие человеческих обществ, например, осмысление должно относиться к различным потребностям, включая и серьезные цели, и легкомысленные развлечения. Крайне важно развить инстинкт понимания определяющих черт текущих социальных явлений.

Таким образом, в качестве субстрата культуры в условиях полиэтничности могут выступать не только социум или этнос в целом, но и отдельные организации (деловая культура) и профессиональные сообщества (профессиональная культура) и т. д. Такие уровни существования культуры не отрицают факта преемственности общекультурных цен-

ностей, хотя и модернизируют их в определенной степени. Циклы депрессий производства, сотрясающие мир, служат нам предупреждением о том, что деловые отношения во все большей мере поражены болезнью недалковидности. Нам не следует делать ошибку, отделяя в анализе деловой мир от человеческого сообщества. Мир бизнеса — только основная часть этого сообщества, которое и подлежит анализу. Поведение всего сообщества находится под определяющим влиянием делового духа. Великое сообщество — это общество, в котором его деловые люди понимают высокое назначение своей деятельности. Низкое поведение следует за низкими мыслями. После недолгого разгула вседозволенности низкое поведение приводит к падению уровня жизни. Возвышенность сообщества является первым условием процветания, жизнеспособности, постоянного и преобладающего доверия.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Гаджиев К.С. Введение в геополитику: учебник для студентов вузов. М.: Логос, 2008. С. 67.

² См.: История веры и религиозных идей. Т. 1. От каменного века до элевсинских мистерий. М.: «Критерий», 2002. 464 с.

³ См.: Ницше Ф. Черновики и наброски 1885—1887 // Ницше Ф. Полн. собр. соч.: в 13 т. Т. 12. М.: Культурная революция, 2005. 556 с.

⁴ См.: Сломский В. Глобализация как этическая проблема философии. Рига: ВМА, 2006. С. 137.

⁵ Hall W. Managing cultures; Making strategic relationships work. Chichester, UK; John Wiley and Sons, 2005. P. 154.

⁶ См.: Комадорова И.В. Культура как социальный феномен в символической антропологии Л.А. Уайта. М.: Изд-во МГУ, 2007. С. 46.

⁷ См.: Ее же. Американская культурная антропология о факторах социокультурной динамики. М.: «Academia», 2005. С. 89.

⁸ Frost A.R. Negotiating culture in a global environment. Journal of management communication 4. 2000. P. 367.

⁹ См.: Холден Н. Дж. Кросс-культурный менеджмент. Концепция когнитивного менеджмента. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005. С. 17.

Поступила 24.09.09.

И. А. КУПЦОВА

ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РУССКОЙ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ И МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Ключевые слова: массовая культура; русская провинциальная культура; коды культуры; семантика; культурное пространство

Key words: mass culture; Russian provincial culture; culture codes; semantics; cultural space

На протяжении последнего столетия в развитии мировой культуры прослеживается сосуществование противоречивых тенденций: локализация национальных культур и стремление к глобализации мировой культуры посредством распространения ее массовых образцов. При этом можно говорить о возможном единстве общества на основе техники и технологий (при использовании стандартизированной промышленной продукции), но не о единстве культур и ценностей.

В этих условиях возникает проблема влияния массовой культуры на культуру традиционную. Мы считаем, что массовая культура в условиях постиндустриального общества выступает своеобразным инвариантом обыденной культуры городского населения, которое компетентно только в узкой сфере знаний и деятельности, а в остальном отдает предпочтение источникам информации, где все скомпоновано и объяснено. В то же время русская провинциальная культура определяется нами как культура городская, воплощенная в жизни населения малых и средних городов России.

Анализируя место и сущность массовой культуры в структуре современной культуры, Э. А. Орлова отводит ей роль транслятора смыслов и ценностей, своеобразного «переводчика» между обыденным и специализированным уровнями культуры¹. Массовая культура рассматривается А. Я. Фли-

КУПЦОВА Ирина Александровна, доцент кафедры культурологии Московского государственного гуманитарного университета, кандидат культурологии.

ером как предшественник новой обыденной культуры. Она обладает новыми качествами и характеристиками, неясными очертаниями будущего развития².

На наш взгляд, современную массовую культуру можно рассматривать и определять как феномен, «пронизывающий» все морфологические единицы существующей культуры. Она оказывает влияние на многие формы культуры в большей или меньшей степени. При традиционном делении культуры на классическую, элитарную, народную массовую культуру нельзя поставить с ними в один ряд. Уточним, что речь не идет об особой исключительности и значимости именно массовой культуры по сравнению с остальными. Она связана с каждой из составляющих, проникая в процессы их функционирования и видоизменяя их. Кроме внешних проявлений, связанных, например, с массовым использованием технических средств для трансляции и хранения образцов классической и элитарной культуры, благодаря которым они становятся легкодоступными и утрачивают былую ауру исключительности, массовая культура активно изменяет ценностно-смысловое содержание жизни.

Являясь частью городского образа жизни, создавая урбанизированную среду обитания, массовая культура, однако оказывает влияние и на культурное пространство, находящееся за пределами столицы и крупных городов. В большей степени это касается семантической стороны взаимодействия местной, укорененной и массовой культуры.

В современном российском социокультурном пространстве (нас интересует лишь городское пространство, как наиболее подверженное влиянию массовой культуры) можно выделить несколько вариантов функционирования культуры. Особняком стоит культурная жизнь столицы, которая по ряду причин (экономических, политических и др.) трудно сопоставима с жизнью остальной России. Массовая культура в данном случае играет ведущую роль, ее формы и средства выступают жизнеобразующим фактором, регулятором общественной жизни, которая подчинена стереотипам и образцам, имеющим массовидную природу.

В некотором смысле массовая культура облегчает жизнь человека в мегаполисе, транслируя универсальные «правила игры», которые предстают в образно-символической форме, максимально подготовленной для восприятия (индустрия

моды, реклама). Формируя определенный образ жизни, поддерживая ее темпоритм, массовая культура навязывает модели поведения, основанные на конкретных ценностных ориентациях. Среди них на первый план выходят ориентация на успех и карьеру, которые прежде всего выражаются в материальном благополучии; популяризация индивидуализма, не свойственного для общинного менталитета русских; ориентация на постоянное и все возрастающее потребление (шопинг как способ заполнения досуга) и др.

Второй составляющей отечественного культурного пространства являются крупные города, которые, с одной стороны, стремятся уподобиться столице, с другой — являются носителями специфических культурных черт, связанных с местным социокультурным пространством, его особенностями, историко-культурными традициями. В данном случае особую роль играет региональный характер развития. Массовая культура, как и в столице, «обслуживает» в крупных городах специфический городской образ жизни и активно формирует массовые вкусы, предпочтения, т. е. вторгается в систему ценностей и смыслов, сформированных традиционной культурой.

Обращаясь к рассмотрению третьей составляющей социокультурного пространства России, подчеркнем, что значительная часть населения нашей страны относится именно к ней³. Это средние и малые города, в жизни которых воплощена провинциальная культура.

Взаимодействие провинциальной и массовой культуры происходит на ценностно-смысловом уровне при взаимовлиянии их семантических культурных кодов. Под кодом мы понимаем некую понятийную сетку, устойчивые характеристики культуры и их конфигурацию (паттерны, образцы, используемые автоматически и формирующие ценностно-смысловую картину мира). Культура задает человеку определенную «матрицу» для понимания мира, так называемую «картину мира»⁴. Она имеет аксиологический, нормативный характер. Коды культуры реализуются через нравы и обычаи, язык и письменность, одежду, тип поселений и жилища, работу (труд), систему воспитания, экономику, армию, общественно-политическое устройство, законы, науку, религию, технику, искусство. «Код культуры — это таксономия элементов картины мира, в которой объединены

природные и созданные руками человека объекты (биофакты и артефакты), объекты внешнего и внутреннего миров (физические и психические явления)»⁵.

По мнению Ю. М. Лотмана, «основная работа культуры — в структурной организации окружающего человека мира. Культура — организатор структурности, и этим она создает для человека социальную сферу, которая, подобно биосфере, делает возможной... общественную жизнь. Но для того, чтобы исполнить эту роль, культура должна иметь внутри себя структурное „штампующее устройство“»⁶. В роли такого устройства Ю. М. Лотман называет естественный язык. Развивая его мысль, можно предположить, что подобным образом в культуре действует и система ценностей, реализуемая через семантические коды.

Система ценностей и смыслов (семантическое ядро) составляет основу культуры и, по сути, является самой культурой. Нам близко определение культуры как системы ценностей, характерной для определенного народа или общества. «Культура выступает как целостность, условием существования которой является сохранение ее форм во времени. Существование символов, ценностей, установок, категорий в культуре позволяет ее идентифицировать как отличную от других»⁷. По определению В. Хесле, культуры «посредством составляющих их систем ценностей, категорий, символов и языков настроены на последовательный и соответствующий реальности образ мира»⁸.

Именно система ценностей является тем ядром, вокруг которого формируется пространство культуры. П. А. Сорокин подчеркивал, что «всякая великая культура есть не просто конгломерат разнообразных явлений, сосуществующих, но никак друг с другом не связанных, а есть единство, или индивидуальность, все составные части которого пронизаны одним основополагающим принципом и выражают одну, и главную ценность... Именно ценность служит основой и фундаментом всякой культуры»⁹. Ценностям культуры свойственно видоизменяться с течением времени под воздействием новых факторов и обстоятельств, но происходит этот процесс крайне медленно, постепенно.

Носителями системы ценностей являются люди, которые передают традиционный семантический код, присущий данной культуре. При этом смена смыслов и ценностей, их за-

метная трансформация возможны лишь со сменой поколений. «Под культурными ценностями подразумеваются не только отдельные объекты — памятники архитектуры, скульптуры, живописи, письма, печати, археологии, прикладного искусства, музыки, фольклора... но и явления, такие как традиции и навыки в области искусства, науки, образования, поведения, обычаев, культурных индивидуальностей народов, групп населения, отдельных людей и т. д.»¹⁰.

Таким образом, взаимодействие русской провинциальной и массовой культуры разворачивается именно в ценностно-смысловой плоскости. Вопрос состоит в том, произойдет ли подмена традиционного семантического ядра русской народной культуры, воплощенной в настоящее время, в том числе и в культуре русской провинции, новыми ценностями и смыслами, которые активно продуцирует и транслирует массовая культура. Существует реальная опасность размывания уникального провинциального культурного ландшафта под воздействием самых низких образцов и проявлений массовой культуры. На наш взгляд, современная русская провинциальная культура содержит в себе значительную семантическую составляющую народной культуры. Несмотря на крайние точки зрения относительно судьбы народной культуры, которые сформировались в последнее время, именно она остается базовой частью современной культуры России. К радикальным взглядам можно отнести размышления Н. Н. Суворова: «Народная культура в условиях посткультуры XX века стала исключительно массовым явлением, а ее носители превратились в профессионалов, заполняющих своей деятельностью досуг усредненного человека... произошло перерождение народной культуры в массовую с естественной утратой родового содержания, с отсечением архаических корней природных циклов. Следовательно, народная культура может существовать в современных условиях только в превращенной форме как массовая культура с естественной утратой базового содержания, но с сохранением внешней зрелищности»¹¹.

Не соглашаясь с автором этого высказывания, обращаем внимание на то, что оно построено на традиционном противопоставлении морфологических единиц современной культуры. В современном социокультурном пространстве эти антиномии не так ярко выражены. Многообразие мира

культуры и проявляется в одновременном существовании, казалось бы, взаимоисключающих друг друга форм и видов культуры, которые оказывают значительное диалогическое влияние. Несмотря на активное вторжение продукции массовой культуры во все сферы жизни современного человека, она все же не может стать всепоглощающей формой современной культуры. Особенно это касается «растворения» в себе народной культуры. Их природа и механизм функционирования абсолютно различны.

По мнению Н. И. Князевко, в современной культуре различия между народной культурой и искусством, элитарными и массовыми формами заключаются в «нарушении четвертого закона»: если народное искусство органично вплетается в жизнь народа, то массовое искусство «навязывается» народу «всеми возможными способами и средствами воздействия»; народная культура и искусство занимают положение «стабилизатора, но не консерватора» в общем процессе социодинамики культурных процессов¹².

В современном мире возрастает роль массмедиа, которая «покоится на трех столпах: новости/репортажи, реклама, развлечения»¹³. Знания о мире и обществе приходят теперь в основном благодаря массмедиа. Таким образом, массовая культура заменяет собой традиционные, порождает новые механизмы адаптации и социализации личности.

Массовая культура обладает универсальными законами функционирования, которые проявляются в разнообразии и повсеместности выполняемых ей функций. Однако в каждой отдельно взятой стране, отдельном социокультурном пространстве она будет проявлять особое своеобразие. Связано это с тем, что местная культура, на почву которой «прививается» культура массовая, будет выступать своеобразным фильтром, пропускающим через себя образцы массовой культуры. Особо это проявляется на уровне ценностно-смысловых ориентаций, укорененных в определенном народе. Именно семантика местной культуры определяет приемлемость массовой культуры. Для русской культуры такую роль играет культура провинции, наиболее сильно на этнонациональном уровне связанная с локальным пространством, культурным ландшафтом. Именно здесь наиболее полно ощущается связь с землей, которая исключительно важна для русского человека и отражена в его менталитете.

Во взаимодействии с локальным культурным пространством массовая культура приобретает дополнительное своеобразие проявления и восприятия. Местные культуры призваны выступить своеобразными «контролерами» по отношению к продукции массовой культуры. Во взаимодействии с наступающей массовой культурой проявляется способность или отсутствие у провинциальной культуры потенциала традиционной народной культуры, ее внутренней способности динамичного развития.

В настоящее время наблюдается попытка произвести подмену ценностей и смыслов традиционной русской культуры заимствованными конструкциями, воплощенными в образцах массовой культуры, имеющих западное происхождение. Уже почти два десятилетия активно насаждается мысль о второсортности всего отечественного и превосходстве западного образа жизни и менталитета. Этот процесс связан с интенсивным распространением образцов массовой культуры, которая в своей основе содержит этику протестантизма с присущим ей стремлением к индивидуализации и личному материальному благополучию. Вместе с тем индивидуализм для русских не характерен, они тяготеют к общине, соборности. Таким образом, вступают в противоречие базовые культурные ценности, воплощенные в традиционной русской народной культуре, опирающейся на православие, и семантика массовой культуры, воплощающая идеалы западной протестантской этики.

Мы предполагаем, что, несмотря на активное вторжение образцов массовой культуры в социокультурное пространство русской провинции, локальные культуры способны сохранить свою целостность и сущностное единство. Дело здесь не только в необходимости поддержки региональных культурных программ государством. Традиционная народная культура, воплощенная в локальных формах, обладает природными характеристиками, позволяющими ей выживать и развиваться в самых сложных условиях. Она основана на ценностях, сформированных тысячелетней историей православного русского народа.

Некорректно преувеличение роли телевидения и Интернета в жизни современных малых городов России. Для русской провинции первостепенными остаются местные новости и события. По мнению Ж. Радвани, «маленький

город — не специфический русский феномен, но здесь он имеет свою особенность, состоящую в том, что малейшая новация, событие, выходящее за рамки обычного, немедленно комментируется, тщательно анализируется, гипертрофируется»¹⁴. Личные наблюдения за жителями малых средне-русских городов показывают, что в своей массе у них нет внутренней потребности и привычки смотреть новостийные программы общероссийского масштаба. Предпочтение отдается местным новостям, охотно смотрят и пересматривают в семейном кругу видеозаписи семейных событий. Также интерес проявляется и к телевизионным сериалам. В последнее время предпочтение все чаще отдается продукции отечественного кинорынка.

События в стране и мире проходят фоном местной жизни. Создается впечатление некоей обособленности и самодостаточности населения провинциальных городов. Здесь надеются только на себя, помощь со стороны родственников и друзей, слабо доверяют общественным институтам. А. Я. Флиер, обращаясь к анализу провинциальной жизни, традиционно противопоставляет ей столичную, при этом особо подчеркивая, что «подавляющая часть населения России... большую часть своей жизни просуществовала практически за рамками истории собственной страны, практически не принимая никакого участия в ней и мало что о ней зная, оставаясь разбитыми на микроскопические крестьянские мирки (верви) или полукрестьянские городские слободы, живущие только сиюминутными „витальными” ценностями». К провинции он относит и деревни, отмечая при этом, что «история страны протекала в столицах, на полях сражений (об этом в деревни приходила информация с отставными солдатами-инвалидами). О национальной истории провинция знала преимущественно „понаслышке”»¹⁵. Таким образом, в России наблюдался существенно больший, чем в странах Западной Европы, контраст между столичной и провинциальной жизнью.

Массовая и провинциальная культуры олицетворяют собой две разнонаправленные силы современной культуры, проявляющиеся в стремлении, с одной стороны, к глобализации, с другой — к локальному существованию. По мнению О. Н. Астафьевой, «„экспансия” массовой культуры направлена на размывание границ между субкультурами

внутри национальной культуры, т. е. на подмену системной целостности определенной картины мира на „разомкнутое множество” эклектично сосуществующих мирков и стилей, а также на формирование транснациональной культуры»¹⁶. Таким образом, массовая культура рассматривается как культура, вбирающая в себя и нивелирующая этнические ценности и этнокультурную самобытность.

Применительно к ситуации с русской провинциальной культурой можно говорить о все возрастающем стремлении массовой культуры подменить собой традиционные культурные парадигмы, сформированные в ходе исторического развития русского народа. Особенно ярко это воздействие проявляется в среде городских маргиналов, утративших связь со своей родовой культурой. Образовавшуюся лакуну способна заполнить массовая культура, обладающая легкодоступностью и дешевизной форм. Она не требует внутреннего напряжения для приобщения к ней. Не только в материальной, но и духовной сфере формируется классический образ потребителя, не стремящегося к активной творческой самореализации, самосовершенствованию. Таким образом, локальная культура (в нашем случае культура русской провинции) может утратить самобытность, являющуюся базовой характеристикой традиционной культуры.

Представляется, что ключевыми характеристиками, принципиально отличающими русскую провинциальную культуру, будут ее опора на традиции и проявление многообразия форм. Сохранение многовариантности русской провинциальной культуры лежит в основе сохранения культурного многообразия России, которое и позволит ей динамично развиваться. Самые серьезные и глубинные изменения, происходящие в современной культуре России, связаны со сменой (трансформацией) ее ценностно-смысловой составляющей. Транслируя и популяризируя ценности потребительского массового общества, массовая культура оказывает значительное влияние на семантику русской провинциальной культуры.

Пронизывая жизнь современного общества, массовая культура, однако, не является доминантой в социокультурном пространстве современной русской провинции. Провинциальная культура за счет глубоких традиций сдерживает процесс нивелировки, гомогенизации российского социо-

культурного пространства, которое могло бы произойти под воздействием массивированной экспансии массовой культуры. Однако этому противостоят многообразие и богатство локальных культур.

На наш взгляд, массовой культуре принадлежит роль внешнего координатора, обеспечивающего определенную знаково-символьную систему современного человека, что позволяет ему организовывать свою жизнь в стремительно изменяющихся условиях. В то же время большая часть населения малых и средних городов, в жизни которых воплощена русская провинциальная культура, является культурным маргиналом. Это население утратило связь со своей родной культурой, как правило, сельской, и не составило органичного единства с городской культурной средой. Такие жители, с одной стороны, являются носителями «осколков» родной крестьянской культуры, с другой — потребителями продукции массовой культуры.

Однако в настоящее время крестьянская культура, составлявшая основу культуры русского народа, прекратила свое существование и остается органичной традицией незначительной части сельского населения. При перемещении в город крестьянская культура утрачивает связь с землей, непосредственной средой своего формирования и развития. Таким образом, в культуре современной русской провинции присутствуют черты культуры крестьянской, которая «влилась» в нее вместе со своими носителями-переселенцами из сельской местности.

Именно в малых и средних городах России, рассматриваемых нами как носители культуры провинции, проявляется современная культура русского народа. К этим городам тяготеет и население сельских поселений, деревень, которое видит в них центр не только административно-хозяйственной, социальной, правовой, но и культурной жизни. Их значение не умалется и с развитием СМИ, Интернета, других средств связи и коммуникации. Отчасти это можно объяснить большими географическими расстояниями до крупных культурных центров. Но есть и еще один важный фактор — стремление жителей провинции (не всегда осознанное и сформулированное) к сохранению своей локальной культурной среды. Тогда особое внимание уделяется обычаям, традициям, промыслам своей провинции. История

развития общества показывает, что, несмотря на постоянный рост и усложнение его систем и форм, «сохраняются также наиболее глубинные первичные образования, имеющие свои собственные темпы и ритмы бытия, а потому — и формы своей автономности. Это — этносы, территориально-поселенческие, конфессиональные и другие „малые миры”, представляющие собой народ»¹⁷.

Массовая и провинциальная культуры олицетворяют собой две разнонаправленные силы современной культуры, проявляющиеся в стремлении, с одной стороны, к глобализации, с другой — к локальному существованию. Можно сделать ряд предположений относительно характера взаимодействия семантических кодов русской провинциальной и массовой культуры.

В русской провинциальной культуре есть органичные локусы социокультурного пространства для укоренения массовых семантических кодов, а также объективно существующие внутренние силы, противостоящие этому процессу. По многим параметрам русская провинциальная и массовая культуры выступают антиподами. Однако в лоне провинциальной культуры есть пространство, семантические предпосылки, ценностно-смысловые среды, которые релевантны массовой культуре. Между этими точками возможен культурный синтез. Это объясняется массовым характером народной культуры; крестьянской общинной жизнью; внедрением в провинциальное культурное пространство массовидных товаров, изготовленных кустарным и промышленным способом; массовидными формами праздничной и обрядовой составляющей жизни; стремлением к развлекательным и упрощенным формам и т. д.

До появления развитых форм массовой культуры роль активного распространителя традиционной культурной информации и регулятора общественных отношений играл фольклор. Специфическое фольклорное мировидение осуществлялось путем «художественной трансформации фактов», типизации, превращения в «стереотип значения, поведения, отношения» через систему оценочных кодов¹⁸. Фольклор в рамках традиционной народной культуры выполняет социорегулятивную функцию.

Имеется еще один убедительный феномен, указывающий на близость народной и массовой культуры. Это так называ-

емая «третья культура». Однако далеко не все семантические инновации принимаются провинциальной культурой. Часть из них отторгается сразу, а часть отмирает постепенно. В настоящее время массовые образы привносятся в провинцию в основном благодаря средствам массовой коммуникации, рекламе. Они значительно влияют на молодежь как наиболее подвижную и еще не сформировавшую окончательно свой ценностно-смысловой мир часть населения.

С середины XX в. русская провинциальная культура представляет собой современный вариант народной культуры. Предполагаем, что с разрушением культуры крестьянства, характерного для русских образа жизни, народная культура претерпела значительную трансформацию. Обретая новые виды и формы проявления, в настоящее время она локализована и воплощена в жизни населения малых и средних русских городов. Именно народная культура способна обеспечить взаимную согласованность традиционных семантических кодов и инновационных смысловых изменений современной культуры.

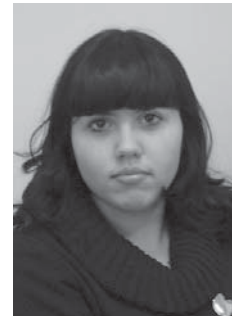
На наш взгляд, именно современная русская провинциальная культура — это большая составная часть народной культуры. Связываем это с тем, что крестьянская культура, ранее воплощавшая народное начало, как таковая почти прекратила свое развитие и сохраняется лишь «осколками». Этот процесс необратим и связан с постепенной трансформацией бывших крестьян в сельских товаропроизводителей. Люди, работающие на земле, больше не представляют неделимого семантического единства с ней, а являются, если не наемными рабочими, то производителями продукции (только сельскохозяйственной, а не промышленной), предназначенной для купли-продажи.

В связи с этим можно рассматривать современную провинциальную культуру малых и средних городов России как феномен, представляющий формы народной (крестьянской) культуры, ассимилированной городским образом жизни. Провинциальная культура находится на месте встречи двух культурных потоков: один — из столицы и крупных центров, тесно связанный с массовой культурой, ее ценностями; другой — из деревни, села, воплощенный в традиционных формах народной культуры.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См.: Орлова Э.А. Динамика культуры и целеполагающая активность человека // Мифология культуры: структура и динамика. М., 1994. С. 281—304.
- ² См.: Флиер А.Я. Культура для культурологов. М.: Академ. проект, 2002. С. 370—391.
- ³ См.: Муниципальные стратегии — сделано в России / общ. ред. А.Е. Балобанов, А.Н. Лукьянов. М.: Аспект-Пресс, 2004. С. 17—18.
- ⁴ См.: Лебедева Н.М. Введение в этническую и кросс-культурную психологию. М., 1999. С. 21.
- ⁵ Пименова М.В. Коды культуры и особенности концептуализации сердца в произведениях С.А. Есенина // Культура и текст — 2005: сб. науч. тр. Междунар. конф.: в 3 т. / под ред. Г.П. Козубовской. Т. 1. СПб.; Самара; Барнаул: Изд-во Барн. гос. пед. ун-та, 2005. С. 214.
- ⁶ Лотман Ю.М. О современном механизме культуры // Лотман Ю.М. Избранные статьи: в 3 т. Таллин: Александра, 1993. Т. 3. С. 328.
- ⁷ Культура и коммуникация: глобальные и локальные измерения / под общ. ред. Ю.В. Петрова. Томск: Изд-во НТЛ, 2004. С. 88.
- ⁸ Хесле В. Кризис индивидуальной и коллективной идентичности // Вопросы философии. 1994. № 10. С. 114.
- ⁹ Сорокин П.А. Кризис нашего времени // Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 429.
- ¹⁰ Лихачев Д.С. Декларация прав культуры // Лихачев Д.С. Раздумья о России. СПб.: Изд-во «Logos», 2004. С. 635.
- ¹¹ Суворов Н.Н. Элитарное и массовое сознание в культуре постмодернизма. СПб.: СПбГУКИ, 2004. С. 40—41.
- ¹² См.: Киященко Н.И. Массовая культура и массовое искусство: «за» и «против». М., 2003. С. 19.
- ¹³ Луман Н. Реальность массмедиа / пер. с нем. А.Ю. Антоновского. М.: Практика, 2005. С. 103.
- ¹⁴ Радвани Ж. Некоторые соображения об изучении малых российских городов // Город и горожане в России XX века. СПб., 2001. С. 75.
- ¹⁵ Флиер А.Я. Новая русская национальная идентичность // Современная трансформация российской культуры / отв. ред. И.В. Кондаков. М.: Наука, 2005. С. 245.
- ¹⁶ Астафьева О.Н. Этнокультурная идентичность в глобализирующемся мире // Проблемы этнокультурного развития русского народа: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Оренбург: Издат. центр ОГАУ, 2004. С. 33.
- ¹⁷ Родионова О.И. Народная культура в бытии российского общества: дис. ... канд. филос. наук. Волгоград, 2006. С. 47.
- ¹⁸ См.: Путилов Б.Н. Фольклор и народная культура. СПб., 1994. С. 122.

Поступила 12.03.09.

Т. В. ЮРКИНА

ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ, КУЛЬТУРНЫЙ КОНЦЕПТ И ПРОБЛЕМА САМОИДЕНТИЧНОСТИ

Ключевые слова: языковое сознание; мировидение народа; концепт; картина мира; самоидентификация; менталитет

Key words: language consciousness; national ideology; concept; worldview; self-identification; mentality

В последнее время большую популярность приобрела тема национальной идентичности. В России, где сосуществуют десятки различных культур и языков, одной из центральных представляется проблема культурных преемств и наследований.

Впервые зависимость языка и мышления, его обусловленность конкретным языком, заключающим в себе национальную самобытную классификационную систему, которая определяет мировоззрение носителей данного языка и формирует их картину мира, представлены в концепции В. Гумбольдта. Он считал, что человек, овладевая другими языками, расширяет «диапазон человеческого существования» и при помощи языка постигает картины мира другого народа¹.

Продолжая в целом заложенные Гумбольдтом традиции изучения языка в неразрывной связи с культурой конкретного народа, мы считаем, что в полиэтничном обществе наиболее благоприятна для человека биэтническая идентичность, так как «позволяет органично сочетать разные ракурсы восприятия мира, овладевать богатствами еще одной культуры без ущерба для ценностей собственной»². Под биэтнической идентичностью следует понимать осознание своей причастности к двум этническим группам: врожденной

ЮРКИНА Татьяна Валерьевна, преподаватель кафедры общегуманитарных дисциплин Мордовского гуманитарного института.

этнической принадлежности и общему культурному пространству своей страны. «Подобная идентичность является многослойной: внешний слой — соотнесение себя с нацией в целом (россиянин, русский), внутренний — соотнесение себя с конкретным этносом (чуваши, мордвин и т. п.)»³.

Региональное поликультурное пространство представляет собой не только сферу сосуществования различных этнических культур, но и возможность их диалогического взаимодействия. Для поликультурного пространства Мордовии характерен богатый опыт межкультурной коммуникации, а также имеет место длительность бесконфликтного сосуществования русских и мордвы. При этом поликультурность является важнейшей составляющей духовной жизни населения республики.

Одним из факторов диалога различных этнических культур является язык. По мысли Г. В. Ф. Гегеля, язык — это не столько средство самовыражения, сколько результат самораскрытия себя в Другом. Слово воплощает результат общения, взаимодействия множества сознаний людей. Чтобы достичь понимания, каждое «Я» готово пойти на принятие Другого «Я», стремясь сделать «чужой» язык «своим»⁴.

Язык, являясь основным коммуникативным средством, в то же время выполняет и сигнификативную функцию, выступая в качестве знака принадлежности его носителей к определенной этнической группе. Следовательно, пытаясь познать «чужой» мир через язык, человек познает другую культуру. В сознании «моя» культура соединяется с культурой, «принятой мною», и воплощается в тексте, который является результатом диалогического взаимодействия разных сущностей.

У мордовского народа есть свой язык. Как известно, каждый язык — самобытная система, накладывающая свой отпечаток на сознание его носителей и формирующая их картину мира. Следовательно, язык не только воспроизводит элементы и черты этнокультурного миропонимания, но и создает их. Каждый язык отражает определенный способ восприятия и концептуализации мира, у каждого народа разная природа, быт, история, ценности. Другими словами, картина мира представляет собой мироощущение и реализуется посредством языка. Следовательно, описать национальное самосознание представляется возможным путем описания национальной картины мира.

Если предположить, что любой язык эквивалентен определенной системе концептов, при помощи которых носители воспринимают, структурируют, классифицируют и интерпретируют информацию, поступающую из окружающего мира, то вся совокупность концептов нации представляет собой концептосферу языка, или национальное языковое сознание. Чем богаче культура нации, ее фольклор, литература, наука, изобразительное искусство, исторический опыт, религия, тем богаче концептосфера народа. Вся информация об окружающем мире содержится в нашем сознании в виде концептов, т. е. картина мира определенного человека представляет собой их совокупность, через призму которых он ее воспринимает. Именно «концепты связывают мысль с языковым кодом и в силу этого свойства являются наиболее оптимальными единицами для представления структур знаний»⁵. Концепт включает в себя эмоциональную, оценочную, экспрессивную части, без которых невозможно представить ту или иную культуру, например, порядок важен для немцев; вежливость — для англичан; родина, судьба — для русского человека; семья — для мордвы.

Язык является одним из средств возможной идентификации, т. е. определяет принадлежность его носителя к той или иной этнической группе. В условиях совместного проживания нескольких народов на одной территории необходимостью становится «изучение» языков друг друга для объяснения и общения. В процессе изучения иностранного языка мы неизбежно сталкиваемся с особенностями культуры носителей данного языка. Чтобы понять другую нацию, необходимо погрузиться в ее культуру. В. И. Шаховский по этому поводу пишет: «Овладение иностранным языком невозможно без изучения культурных концептов иноязычной общности, включающих концепты языка — историю, традицию, гештальты, символы, мифы, которые и формируют этнические характеристики языка»⁶.

Из вышесказанного следует, что язык и культура находятся в неразрывной связи, а языковое сознание является значимым фактором формирования менталитета нации. С учетом этого следует выделить функции языкового сознания:

— *онтологическая*, «где слово выступает как коммуникативно-информационное сверхъединство, создающее то пространство, в котором некие базисные компоненты, формируют единый компонент национального характера»⁷.

При этом языковое сознание выступает эстетическим и политическим регулятором поведения, нормами и идеалами социальной активности человека;

— *гносеологическая*, включающая в себя процесс создания философско-богословских концепций, в результате которого появился язык, необходимый для формирования и последующей передачи народам мировоззренческих установок с доминированием возвышенной духовности и высших сакральных устремлений;

— *эстетическая*, помогающая получить целостную картину эстетического сознания и дающая возможность восприятия слова как средства объективизации мысли, в условиях ее метафоричности и реконструкции эстетического сознания в целом;

— *аксиологическая*, где языковое сознание определяется как основа социальной памяти народа (обычаи, традиции, культурные и другие ценности). Социальная память оказывает большое влияние на формирование мировосприятия индивида.

Актуальной проблемой является подмена ценностных понятий. Превалирование материального над духовным обуславливает наделение иным, вплоть до противоположного по отношению к истинному, содержанием таких понятий, как духовность, нравственность, патриотизм, семья, любовь, вера и т. д. В связи с этим происходит нивелирование духовной основы языка, что влияет на состояние ценностной системы общества. Этот процесс начался давно и идет непрерывно: «у нас на Руси давно, сначала как бы вкрадчиво и мало-заметно, с осторожностью, но поступательно и неотступно началось вытеснение славянской речи, с ее оболочки, со шрифта»⁸. Традиционные для русской культуры христианские ценности милосердия, смирения, нестяжания исчезают, замещаясь агрессией, эгоизмом. Последствием такого явления становится еще больший отрыв от традиционных ценностей, проявляющийся в процессе исчезновения культурных концептов, ранее способствовавших формированию и воспроизводству традиционных ментальных структур.

В связи с этим проблемы сужения духовных смыслов жизни современного человека, обеднения его языкового сознания привели к утрачиванию широкого спектра значений слов, сложившихся в контексте духовно-религиозной традиции и ставших основой социальной памяти — своеобраз-

ного хранилища социально значимой информации и опыта, зафиксированных с помощью языковых и знаковых систем. Именно социальная память формирует сознание личности любой национальной культуры, частично воспроизводя ее на новом уровне.

В сложившихся условиях особое значение приобретает идея возвращения к национальным корням, к этнической нравственности, т. е. к такой системе концептов, которая основывалась бы на традиционном национальном мировоззрении. При этом язык в данном контексте выступает не только как средство общения, но и как философская концепция нации, ее творческий потенциал, система мировосприятия и самосознания.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Гумбольдт В. О различии строения человеческих языков и его влияния на духовное развитие человечества // Избр. тр. по языкознанию. М.: Изд-во Прогресс, 1984. 400 с.

² Стефаненко Т.Г. Социальная и этническая идентичность // Идентичность: хрестоматия / сост. Л.В. Шнейдер. М.; Воронеж, 2003. С. 217.

³ См.: Бесков А.А. Национальная идентичность и православие // Русское православие как основа сохранения национальной идентичности: XVI Рождественские православно-философские чтения / Нижегород. епархия, Пред-во Президента РФ в Приволжском федеральном округе, Администрация Нижегород. области, Администрация Н. Новгорода, Нижегород. гос. пед. ун-т, Арзамас. гос. пед. ин-т. Н. Новгород: Нижегород. гуманитар. центр, 2007. С. 360—364.

⁴ См.: Гегель Г.В.Ф. Философская пропедевтика // Работы разных лет: 2 т. / сост., общ. ред. А.В. Гулыги. М.: Мысль, 1971. Т. 2. 630 с.

⁵ Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Курс лекций. Тамбов: Изд-во ТГУ, 2000. С. 23.

⁶ Шаховский В.И. Эмоциональные культурные концепты: параллели и контрасты // Языковая личность: культурные концепты. Волгоград: Волгогр. гос. пед. ун-т, 1996. С. 43.

⁷ Грыжанкова М.Ю. Категория «языкового сознания» в контексте ранне-византийского менталитета // Verbum. Вып. 3. Византийское богословие и традиции религиозно-философской мысли в России: материалы Междунар. конф., 26—30 сентября 2000 г., Санкт-Петербург. СПб., 2000. С. 17.

⁸ Троицкий Н. Славянский язык как национально священный // Богослужебный язык русской церкви. История. Попытки реформации. Изд-е Сретенского монастыря, 1999. С. 134.

Поступила 15.05.09.

Г. С. ПОПОВА

**АНИМА, ТОТЕМ, ФЕТИШ
В КОРНЕВОЙ КУЛЬТУРЕ —
ТРИЕДИНСТВО ДУХОВНОЙ
СВЯЗИ ПРИРОДЫ И ЧЕЛОВЕКА**

Ключевые слова: анима; тотем; фетиш; корневая культура; триединство; духовная связь; природа и человек

Key words: anima; totem; fetish; root culture; trinity; moral tie; the nature and the human being

Триединство анима-тотем-фетиш сохранено в культуре саха в своем корневом значении и смысле. Особенно оно актуально в условиях возрождения традиционного и духовного. Триединая категория натурфилософии саха Кут (Ийэ кут, Буор кут, Салгын кут) соответствует понятию психической субстанции аналитической психологии К. Г. Юнга. По поводу предположения анималькулистов следует заметить, что этнографические материалы свидетельствуют о существовании похожего мнения (предзнания) у саха — априорного. Считается, что субстанцию Кут будущего ребенка Творцы-Айыы вдувают в темя его будущего отца. Такие факты из практики первобытного в культуре не следует отбрасывать, а хранить до тех пор, пока в науке не откроется их истинный смысл. Есть уверенность, что первобытное знание есть истинное знание. Тело содержит информацию Буор кут, дух — информацию Ийэ кут, душа — информацию Салгын кут. Верно и обратное: информация, заложенная в теле, называется на языке саха Буор кут, в духе — Ийэ кут, в душе — Салгын кут.

Анима — это Дух (по-якутски Тыын), он приходит к человеку из трансцендентного. Иччи — тоже Дух, но Иччи присутствует в этом мире. Значит, Иччи также относится к аниме, но анима — это и душа. Иччи, следовательно, также

ПОПОВА Галина Семеновна, доцент кафедры культурологии Якутского государственного университета.

относится и к душе. Анима-дух у саха имеет дуальность и бинарную оппозиционность «белое-черное»=юрюнг-хара тыын. Это есть отражение мужского и женского начал в психическом, объяснением чему служат существующие в науке о человеке и духе теории. Анима и анимус — это контрсексуальные составляющие психической субстанции человека. Анима — это женское в мужчине, анимус — это мужское в женщине. Своего рода контрвес, уравнивание природы. Анима и анимус предшествуют самым интимным тайникам человеческого бытия: «духовному» — в мужчине и «материальному» — в женщине. Это самый глубинный, последний источник психической субстанции мужчины и женщины — тот первичный образ, из которого сформировалась психическая субстанция. Иными словами, на языке и понятии саха — это то, из чего формируется Кут. Когда как анима и анимус — это «образ души» мужчины и женщины, то духовное начало мужчины — это архетип мудрого старца, персонифицирующий духовное начало. У женщин аналогией этому архетипу служит великая мать — Мать-Земля, представляющая холодную, внеличностную правду природы. Есть контрприрода, и есть самый интимный тайник. Это знание присутствует в культуре саха под названием «Ийэ кут» и «Ага кут», а анима и анимус — под названием «Эр киси Ийэхситэ», «Дьахтар киси Айыысыта».

Исследователи отмечают, что «мудрый старец» и «великая мать» могут принимать бесконечно разнообразные формы. «С их добрыми и злыми, светлыми и темными сторонами мы сталкиваемся в представлениях первобытных народов и во всех без исключения мифологиях. Обе фигуры излучают настолько непреодолимое обаяние, что каждый человек, сталкивающийся с ними лицом к лицу, подвергается соблазну впасть в самовосхваление и манию величия; избежать этого можно только при условии, что этот человек сумел различить и опознать их и, таким образом, избавился от опасности самоотжествления с их обманчивым образом. В качестве примера воздействия этих архетипов приведем Ницше, безоговорочно отождествившего себя с фигурой Заратустры»¹.

По аналогии с этим в мифологии саха можно считать архетипами «Духа» и «Материи» фигуры Сээркээн Сэсэн и Аан Алахчын Хотун в мифологии саха. К. Г. Юнг именует эти архетипические фигуры бессознательного «мана-лич-

ностями» (Mana-Personlichkeiten). Мана означает надприродную силу. Обладать маной — значит иметь власть над другими, но это обладание чревато опасностью впасть в самонадеянность и тщеславие. Полноценное осознание того содержания, которое составляет архетип мана-личности, означает для мужчины «второе и реальное освобождение от отца, тогда как для женщины — освобождение от матери. После того, как это произошло, к индивиду впервые приходит настоящее, полное ощущение собственной истинной личности»². Поэтому старину совершали ритуалы-инициации посвящения в мужчины. Ритуал посвящения в женщины забыт, но думается, что такой ритуал был. Ибо без подобной инициации невозможно избежать душевного расстройства и перейти в новый для себя статус, дающий возможность стать мужем и женой, отцом и матерью.

Бывает «родовой», «индивидуальный», «половой», «племенной», «территориальный» и другой тотемизм³. Наука выработала три подхода к проблеме происхождения тотема: номиналистический, социологический и психологический. З. Фрейд различал три тотема: тотем племени, в почитании которого принимает участие племя и который передается по наследству от одного поколения к другому; половой тотем, которому принадлежат все мужчины или все женщины племени, исключая лиц другого пола; индивидуальный тотем, присвоенный отдельному лицу и не переходящий на его потомство⁴.

Первопричиной тотемизма, по мнению Э. Дюркгейма, является признание священного: «Тотемизм — это вера не в каких-то животных, каких-то людей или какие-то изображения, а в некую безымянную и безличную силу, обитающую в каждом из этих существ, не смешиваясь при этом ни с кем из них. Никто не обладает ею целиком, но все имеют к ней отношение. Она настолько независима от отдельных субъектов, в которых воплощается, что и предшествует их появлению, и живет после них. Умирают индивиды: одни поколения сменяются другими. Но эта сила по-прежнему остается современной, живой и неизменной. Она одушевляет сегодняшнее поколение как одушевляла и все предыдущие и как будет одушевлять завтрашние»⁵.

А. А. Радугин отмечает, что можно согласиться с мнением Э. Дюркгейма, что первопричиной тотемизма является при-

знание священной силы, заимствованной у коллектива, силы коллективного начала, превосходящей индивидов. По-нашему мнению, Дюркгейм имел в виду отнюдь не коллективное начало, а «некую безымянную и безличную силу, обитающую в каждом из этих существ, не смешиваясь при этом ни с кем из них». Он указывает на потусторонность тотема, заключающегося в Духе, передаваемого ему Оттуда, от Айыы. Как отмечается в культуре саха, «коллективное бессознательное» закладывается в Кут также Оттуда — человеческая сущность не приходит в этот мир пустотелой.

Каждый якутский род считал своим священным предком и покровителем какое-нибудь животное или птицу, и при строении жилища-балагана и коновязи-сэргэ тотемы использовались строго по их функциональному назначению и смыслу. Так, в строении якутского балагана в передней и задней части расположение изображений шаманских тотемов не меняется (ворон и кукушка). А изображение родовых тотемов меняется в зависимости от рода и служит информационно-коммуникативным элементом культуры. В строении сэргэ (ритуальных столбов) изображение тотемных животных располагается также по канону: передняя коновязь — тотем, назначенный для связи с Верхними божествами-Айыы, средняя — родовой тотем, задняя — шаманский тотем (обязательно кукушка)⁶.

Отмечаемые тройки тотемов свидетельствуют о духовном происхождении тотема. Мы предполагаем, что в тотем вкладывается та же сущность в виде духа, что и в Буор кут человека. Этот дух есть так называемый «хара тыын», исходящий из Нижнего мира. Иными словами, тотем непосредственно связан через «хара тыын» с Буор кут человека.

Фетиш — идол, талисман, амулет, волшебство. Это неодушевленный предмет, который, как представляется верующим, наделен чудодейственной силой и служит объектом религиозного поклонения; предмет слепого поклонения. Следовательно, фетишизм — культ неодушевленных предметов (фетишей), наделенных сверхъестественными свойствами. Он характерен для первобытных религий, сохраняется в форме веры в амулеты, обереги, талисманы. Это также слепое поклонение предметам, в том числе половое извращение, при котором объект, вызывающий половое влечение, — неодушевленный предмет (чаще всего детали туалета женщины).

Последнее, безусловно, является девиантным поведением, контркультурным явлением.

Фетиш в переводе на язык саха — ымыы, а не ытык мал=предмет поклонения и почитания. Но служит в качестве ытык мал. Ымыы также означает оберег. В смысловом переводе фетиш выступает как предмет, на который пал отблеск образа, изображение Айыы или иччи. Фетиш имеет природное происхождение, но обладает сверхъестественной силой. Саха считают, что фетиш также предназначается человеку, как и тотем. Впоследствии стали полагать, что тотем и фетиш можно выбирать.

Сказанное также касается любви и судьбы. Саха и теперь верит в то, что любовь — это предназначение (анал). Двух людей соединяет не любовь, а анал и Кут будущих детей. Чувство радости, счастья, удовлетворения приходит позже. Это чувство и осознание люди стали называть словом «любовь». В словарном запасе саха такого слова нет, а слово «таптал» производно от смысла выбора и возникло много позже, по аналогии с западными культурами. Анал никак не связан с выбором — это предназначение, которое при правильном и благополучном сложении судьбы находит человека, исполняется. Человек не должен искать, а лучше должен уметь ждать этот момент жизни — ждать в целостности и сохранности, в чистоте духа и тела и в глубине души верить, что оно придет. Утерявшие веру в это придумывают необходимость поиска счастья, выбора, пробования совместимости с партнером и т. п.

Со слов народных целителей, фетиши им посылают специально и об этом им сообщают во сне. В указанное время, в указанном месте целитель находит этот предмет и начинает с его помощью исцелять больных, помогать людям в решении их земных проблем. Фетишем целителя могут быть всевозможные предметы — физические тела, части тел птиц или зверей, растений. Целитель может указать человеку его фетиш, который может прийти к человеку сам при разных обстоятельствах. При простештии времени человек обязательно понимает их сверхъестественность. Конечно, в XXI в. говорить об этом следует в контексте возрождения духовности и корневого в культуре и практики культурной жизни народа. Духовное неистребимо и дает о себе знать через архетипы.

Таким образом, анима, тотем и фетиш — это духовное триединство, предназначенное человеку для поддержания духовной связи с Абсолютным Духом, с Творцами-Айыы.

Одна априорная мысль из первобытия не дает покоя, требует разъяснения, словесного выражения, т. е. вербализации. Это не всегда можно сделать не на родном языке. Человеку вручается из Абсолюта Высший Дух=Юрдюк Тыын. Этот Высший Дух, приходя на землю — Срединный мир — в виде Белого и Черного Духа=Юрюнг-Хара Тыын, проникает в человека, вдвухается в него — человек вдыхает этот дуальный Дух. Видимо, существует некая инстанциональная субстанция Тыын Кут=Анима. Вот такой единый, один Дух внедряется одновременно, синхронично сразу в три сущности — во-первых, в человека, во-вторых, в животное или птицу (тотем), в-третьих, в какой-нибудь неживой предмет (фетиш) — вводя их всех троих в устойчивую вертикальную связь=туруору ситим. В человека этот Дух вселяется, объединяя его со своими сородичами по кровному родству и племенному роду. Поэтому существует родовой тотем=ийэ кыыл, родовой фетиш=ымыы, ытык мал, ытык эт (эттик).

В тот же миг устанавливается системная связь человека с природой: Дух=Тыын (Анима) — Человек=Киһи (Анима-Анимус) — Живое существо=Тыынар тыыннаах айылга (Тотем) — Неживое природное тело=Тыыммат этик (Фетиш). Эту систему пронизывает единый Дух, держит воедино. Элементы этой системы едины духом. Поэтому все реальные и действительны. Все явственно знают, осознают, чувствуют, интуитивно узнают существование этого единения по духу и стремятся сохранить, удержать его. Это состояние является экзистенцией. Саха не просто представляет себе это, им не кажется, что мир одухотворен — они знают это априорно, этот когнитив в саха сидит изначально.

Человек никогда не признает своим фетишом случайную вещь, никогда не будет считать своим тотемом случайное животное или растение. Именно это априорное, имманентное знание об едином Духе позволяет человеку безошибочно почувствовать, узнать, признать, осознать свой тотем и фетиш. У саха и теперь каждый род знает свой тотем. В народе говорят, что они родом от волка, орла, медведя и т. п. Этих животных часто боготворят: хангаласцы, например, признают орла своим божеством. Это признание-

припоминание (анамнесис) на уровне символов происходит безошибочно.

Есть место обитания, духовное пространство, или жизненная среда духа. Чудо творения — это то, что отправляет человека в срединный мир не одного, а в триединстве с живой и неживой природой. Это чудо всеобщей связи в природе поражает откровением каждого, кто познал эту связь и удерживает ее. А тот, кто не знает этого чуда, не может его познать, не прозреет.

Зверя или птицу саха также нарекает именем, называет своим тотемом, и он становится им, откликается на это имя. Никто не знает, слышат, понимают ли они нас — просто есть вера тотему.

Исследования тотемного мира саха могут прояснить происхождение якутских родов. Тогда прекратятся псевдонаучные заблуждения и безосновательные умозаключения насчет этногенеза саха и других коренных, аборигенных народов. Тотемные животные богатырей олонхо местного происхождения. Также и фетиши, целительные природные тела, — олицетворение местной природы. Это свидетельствует о корневой культуре и аборигенности народа.

Таким образом, мы имеем все основания утверждать явленное триединство Анима-Тотем-Фетиш, которые в отдельности связаны с каждым из трех Кут человека: Ийэ Кут, Буор Кут, Салгын Кут. Анимизм, тотемизм и фетишизм как формы мировосприятия и феномены корневой культуры продолжают выполнять свои функции и связывают человека с окружающим живым и одухотворенным миром.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Якоби И. Психологическое учение К.Г. Юнга. М.: Практика, 1998. С. 510.

² Там же. С. 511.

³ См.: Токарев С.А. Ранние формы религии. М.: Изд-во полит. лит., 1990. С. 542.

⁴ См.: Фрейд З. Тотем и табу. Психология первобытной культуры и религии. СПб.: Изд-во «Алетейя», 2000. С. 36.

⁵ Цит. по: Радугин А.А. Введение в религиоведение: теория, история и современные религии: курс лекций. М.: Центр, 2000. С. 69—70.

⁶ См.: Босикова П. Тотем в традиционной культуре: дипломная работа. Якутск: ФГНУ «ЯГУ им. М.К. Аммосова», 2008. С. 70.

Поступила 25.06.09.

Р. М. ШАРИПОВА

ТАТАРСКАЯ ХОРОВАЯ КУЛЬТУРА В 1917—1930 гг.

Ключевые слова: татарская песня; хор; революционные песни; творческий коллектив; концерт; хоровая культура; музыкальная культура

Key words: Tatar song; chorus; revolution songs; group; concert; chorus culture; musical culture

События Октября 1917 г. стали «переворотом» в мышлении широких слоев татарского народа, которых в силу многих причин не затронули преобразованиями татарского общества после 1905 г. Тем не менее это время можно рассматривать как продолжение трансформации общественного бытия татарского народа в первые годы XX в. Так, продолжилась начавшаяся еще со времен новометодных — джадидистских медресе смена текстов старинных татарских песен на новые, соответствующие современным реалиям. Как указывает З. Н. Сайдашева, «к мелодиям „Галиябану“, „Абау Алла, уф Алла” и другим придумывались новые слова, например, „Красное знамя — красная звезда” звучали на мелодию песни „Галиябану”»¹.

Возникали государственные организации, своими названиями и предназначением подчеркивавшие связи с национальным менталитетом татар, — Отдел Просвещения, Научная коллегия центрального мусульманского комиссариата Казанского Совета. Как пишет Г. К. Вайда-Сайдашева, они сыграли важную роль в открытии татарских клубов, народных домов, библиотек в рабочих районах, в организации музыкальных кружков и концертов, на которых выступали известные татарские артисты².

В 1920 г. была образована Татарская автономная советская социалистическая республика (ТАССР) с четко вы-

ШАРИПОВА Розалия Мугтасимовна, старший преподаватель кафедры социально-культурной деятельности Набережночелнинского государственного педагогического института.

строенной системой органов государственной власти. В ее структуре был создан Народный комиссариат просвещения ТАССР с входившими в него подразделениями — Политпросветом, Художественным отделом (с секциями). С этого времени деятельность клубов и других подобных учреждений строго регламентируется, что не могло не сказаться на их деятельности. Клубы оставались важнейшей формой просвещения народа, его приобщения к культуре, в том числе музыкальной. Самой доступной формой работы стали хоры. В их репертуаре были революционные песни на татарском языке. Участниками таких коллективов являлись рабочие, поэтому хористы пели на слух, одностроением. Существование хоров строилось на энтузиазме участников, качество звучания таких хоров требовало элементарной подготовки их организаторов.

Концертная жизнь в этот период наряду с привычными формами приобретала и другой вид. Это были концерты традиционного типа, проводимые различными творческими коллективами. Таковыми являлись, например, концерты симфонического оркестра, организованные при клубе Татарского профсовета. Симфонический оркестр был создан и из музыкантов бывшего Русского музыкального общества. Перед широкой публикой оркестр исполнял произведения русских композиторов. В тех случаях, когда в концертах принимали участие татарские музыканты (певцы Г. Альмухамедов, Ф. Латыпов, К. Мутыги и др.), эти концерты назывались «Вечера восточной музыки». Вместе с тем нередко концерты получали форму концертов-митингов в присутствии многих сотен слушателей. Из архивов Татарского Рескома следует, что только за три неполных месяца 1920 г. было проведено 35 концертов-митингов на русском, татарском и других языках. Об этих мероприятиях Г. К. Вайда-Сайдашева пишет: «В честь празднования Первого мая в 1920 году в Казани были организованы концерты-митинги для татарских рабочих на Юнусовской площади, где выступили Ш. Усманов, В. Шафигуллин, а в Ново-Татарской слободе — М. Конов, Х. Гайнуллин. В концертной части звучали революционные песни в исполнении хора под управлением молодого композитора С. Габяши»³.

Статус первого татарского композитора С. Габяши (1891—1942) получил в татарской общественной среде в 1917 г., когда он сочинил музыку к драме Г. Исхаки «Зеләйха» (по

словам Габяши, «...музыкально-иллюстрированную мною»), а в 1918 г. — к драме Ф. Бурнаша «Тахир и Зухра». К этой пьесе он написал несколько номеров для пения с хором. Один из этих номеров стал известен по всей России под названием «Хан кызлары» («Дочери хана»).

В послеоктябрьский период С. Габяши активно участвует в формировании татарской музыкальной культуры нового государства. В 1918/19 учебном году он преподает хоровое пение и теорию музыки в школе им. М. Вахитова в Казани. С этого времени Габяши руководит татарскими хоровыми коллективами ряда учебных заведений. С 1919 г. он работает преподавателем Мусульманских педагогических курсов, впоследствии преобразованных в Педагогический техникум. С начала 20-х гг. Габяши преподает (с перерывами) в главном музыкальном учебном заведении Казани — музыкальном училище, которое за два года несколько раз меняет свой статус: Центральная Восточная музыкальная школа, Высшая Восточная музыкальная школа, Восточная консерватория, Восточный музыкальный техникум и позже, в 1930 г., Татарский техникум искусств. Кроме занимаемых административных должностей, С. Габяши в этом учебном заведении также ведет хоровое пение и теорию музыки, организует в нем татарский хор, ставший первым профессиональным татарским хоровым коллективом смешанного типа, несмотря на свой ученический статус. Для этого хора и других «своих» хоровых коллективов Габяши пишет хоровые произведения и осуществляет хоровые обработки народных песен, предназначенные для многоголосного исполнения. Хор Казанского музыкального училища под руководством С. Габяши принимал участие в постановке первых татарских опер «Сания» и «Эшче», создателем которых наряду с Г. С. Альмухамедовым и В. И. Виноградовым он являлся.

В 1923—1924-х гг. Габяши является руководителем хора в Татарском коммунистическом университете и объединенного хора студентов Казани. Наряду с этим С. Габяши работает хормейстером в Татарском государственном академическом драматическом театре (1929—1932 гг.). «В этом театре существовала также музыкальная часть (которая в изданиях той поры именовали даже „оперой“) небольшой оркестр, певцы, силами которых были поставлены первые татарские оперы»⁴. С 1917 по 1928 г. он пишет музыку к двенадцати спектаклям, в том числе и хоровые эпизоды. После переезда

в Уфу Габяши принимает активное участие в организации хоровых коллективов в этом городе.

После 1917 г. продолжилась творческая деятельность С. З. Сайдашева (1900—1953). Сайдашев с пятнадцатилетнего возраста пребывал в «эпицентре» городской татарской культуры, работая пианистом в инструментальном ансамбле труппы «Сайяр». По воспоминаниям М. А. Музаффарова, он в те годы вносил фактурные новшества в звучание татарской мелодики, оснащая ее поддерживающими голосами². С 1917 по 1922 г. Сайдашев занимался музыкальной деятельностью вне Казани. В Буинске он организовал музыкальную студию, в том числе татарский хор, которым и руководил. Будучи призван в Красную армию, он как музыкант принимал участие в Татарской драматической труппе Туркестанского фронта. Затем в Оренбурге работал в открывшейся Восточной музыкальной школе. В 1922 г. стал дирижером и заведующим музыкальной частью Татарского драматического театра. С 1922 по 1930 г. С. Сайдашев написал музыку к тридцати четырем спектаклям, что свидетельствует об огромном творческом потенциале композитора, его высоком мастерстве, востребованности его музыки профессионалами театрального дела и публикой. Значительное место в музыке к спектаклям (разного содержания) занимали хоровые эпизоды.

Таким образом, 20—30 гг. XX в. явились для композиторов Татарстана важнейшей вехой в их жизни и творчестве. В глазах татарской общественности и С. Габяши и С. Сайдашев были первыми профессиональными создателями татарских музыкальных произведений, в том числе хоровых. В их творчестве со всей определенностью проявилась индивидуальность их композиторского метода.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Сайдашева З.Н. Песенная культура татар Волго-Камья. Казань, 2002. С. 84.

² См.: Вайда-Сайдашева Г.К. Звуки времени. Казань, 1991. С. 13.

³ Там же. С. 46.

⁴ Султан Габяши: Материалы и исследования / сост. Г.В. Губейдуллина. Казань, 2000. С. 30.

⁵ См.: Салих Сайдашев: материалы и воспоминания. Казань, 1970. С. 58—59.

Поступила 24.02.09.

Е. Ю. КУЛЯЕВА ХУДОЖНИКИ РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ: И. С. ГОРЮШКИН-СОРОКОПУДОВ И Ф. В. СЫЧКОВ

Ключевые слова: культура и искусство провинции; изобразительное искусство XX в.; образ российской провинции в искусстве

Key words: culture and art of the province; visual art of the XXth century; Russian province image in the art

Интерес к национальным и культурным корням, многоликости отечественного искусства обуславливает необходимость исследования российской провинции. Наметила позитивная тенденция к рассмотрению провинциальной культуры и искусства как составной части культурного и художественного наследия в целом, сопоставлению ее с мировой культурой, а также активизации исследований по изучению отдельных аспектов истории их развития. По мнению А. И. Мазаева, «историю отечественного искусства XX века никак нельзя сводить, хотя так нередко делается, только к деятельности отдельных гениальных личностей. В создании этого искусства... принимали участие десятки и сотни „вполне хороших“, говоря словами Маяковского, художников, наделенных иным, более скромным дарованием... Их имена и дела, их творчество и эстетические взгляды должны знать современное и будущее поколения»¹. К числу таких художников относятся И. С. Горюшкин-Сорокопудов (1873—1954) и Ф. В. Сычков (1870—1958).

И. С. Горюшкин и Ф. В. Сычков прожили долгую, полную испытаний, но плодотворную творческую жизнь. У них было много общего: почти ровесники, оба родились в средней полосе России в беднейших семьях крестьян-бурлаков: Горюшкин — в с. Наши (Тамбовская губерния), Сычков — в с. Кочелаево (тогда Пензенская губерния, ныне Ковылкинский район Республики Мордовия). Оба рано остались сиротами (Сычков потерял отца, Горюшкин — обоих

КУЛЯЕВА Елена Юрьевна, соискатель кафедры культурологии Мордовского государственного университета.

родителей). В детстве и юности они познали много горя, нужды, лишений, унижений и обид, жизнь «в людях». У обоих рано проявились художественная одаренность и невероятная тяга к искусству, красоте, позволившие им, несмотря на все препятствия, приехать в столицу и поступить в самое престижное художественное учебное заведение тогдашней России — Академию Художеств.

Начальные этапы жизни и путь творческого самоопределения художников сопоставимы с дорогой в большое искусство многих их современников: например, дружившего с Сычковым муромского художника, академика живописи И. С. Куликова (1875—1941)², мордвина С. Д. Эрьзи (1876—1959)³, чуваша А. А. Кокеля (1880—1956)⁴ и др. Сравнительный анализ их биографий приводит к выводу о том, что выходцы из низших сословий России конца XIX — начала XX в., бедные крестьяне из провинциальной глубинки, одаренные от природы, имели возможность осуществить свою мечту (стать профессиональными художниками высокого уровня), только попав в одну из российских столиц: Москву или Петербург. В сельской местности художественной среды, за исключением регионов, где были развиты традиционные народные художественные промыслы, не было. В небольших провинциальных городах она в основном ограничивалась иконописными мастерскими, в более крупных — частными художественными студиями. Деревня и малый провинциальный город не могли выполнять функцию социокультурной среды в той степени, которая необходима для полноценного формирования профессионального художника, что обуславливало переезд талантливых выходцев из народа для обучения в крупные художественные центры.

Однако в этот период и в селе, и в малом провинциальном городе были представители интеллигенции, способные создать вокруг себя некоторую культурную среду и поддержать юный талант. В крестьянской среде, занятой хозяйственными работами, художественный талант, как правило, не поощрялся, считался излишеством, «баловством». Будущим художникам нередко приходилось терпеть насмешки со стороны односельчан. Распространение общего начального образования способствовало выявлению художественных талантов. Как правило, первым, кто поддерживал юное дарование, был учитель начальной школы: провинциальный интеллигент-

разночинец (П. Е. Дюмаев, поддержавший талант Сычкова) или учитель-священнослужитель (А. И. Михайловский, заметивший способности С. Нефедова (Эрьзи)), или преподаватель уездного училища (учитель рисования и черчения Муромского уездного училища Н. А. Товцев, обративший внимание родителей Куликова на необходимость получения их сыном художественного образования).

На следующем этапе художественно одаренным выходцам из народа оказывали поддержку представители более высоких и материально обеспеченных слоев общества: поместного дворянства (крупный помещик генерал И. А. Арапов, способствовавший переезду Сычкова в Петербург и устроивший его в школу Общества поощрения художеств), провинциального образованного купечества (алатырский купец Н. Н. Серебряков, пославший рисунки Нефедова в Строгановское центральное художественно-промышленное училище), демократически настроенной столичной научной и художественной интеллигенции (врач и художник-любитель П. Я. Пясецкий, посоветовавший Горюшкину поступать в рисовальную школу в Астрахани, и инженер Н. П. Петров, помогший ему устроиться в столицу; художник А. И. Морозов, порекомендовавший родителям Куликова направить его в школу Общества поощрения художеств; управляющий Тархановским удельным имением коллежский советник И. П. Левченко, поощрявший талант юного Кокеля, а также ученый-лесовод, титулярный советник В. Ю. Раубе и его жена — художница-любительница, которые помогли ему перебраться в Петербург для поступления в нормальную школу рисования при высших педагогических курсах Академии Художеств).

Талант, впечатлительность, художественное воображение будущих художников (выходцев из провинции) питали неброская, задушевная красота родной природы, сельские пейзажи, иконы и росписи сельских церквей, облик старинных русских городов. Представление об образцах профессионального светского искусства они получали по репродукциям из книг и получивших массовое распространение журналов «для народного чтения» («Нива» и др.), с которыми их знакомили представители провинциальной интеллигенции. Первый профессиональный опыт они получили в провинциальных иконописных мастерских (Сычков — в Сердобске, Эрьза — в Алатыре, затем в Казани), частных художе-

ственный студиях (Горюшкин — в студии П. А. Власова в Астрахани), художественных школах, начавших открываться в крупных провинциальных центрах (Эрзя посещал воскресные классы Казанской художественной школы).

Несмотря на неординарность судеб Горюшкина и Сычкова, кроме конкретных биографических «совпадений», в них прослеживается определенная историческая закономерность. В конце XIX — начале XX в. выходцы из «глубинки» при наличии таланта и целеустремленности имели возможность получить начальное, среднее и даже высшее художественное образование, попав в столицу или крупный провинциальный центр, что свидетельствует о демократизации общества в целом и, в частности, системы художественного образования, достаточно высоком уровне развития меценатства и благотворительности (если не как системы, то как умонастроения, распространенного в среде дворянства, образованного купечества, разночинной интеллигенции), что свидетельствует о высоком статусе искусства и художественного таланта в просвещенных кругах общества.

Определяющую роль в творческом становлении художников сыграла Петербургская академия художеств, находившаяся в этот период под влиянием идей передвижников, считавших своей главной целью не только профессиональное обучение художника, становление его как личности и гражданина, но и формирование его мировоззрения, идейных взглядов и убеждений. Под влиянием передвижничества у Горюшкина и Сычкова формируется интерес к жанровой картине, требующей знания народной жизни, а также реалистическому пейзажу, в котором ценится подлинная, не приукрашенная красота русской природы (у Горюшкина — также и к исторической картине).

Горюшкин и Сычков читали главным своим учителем И. Е. Репина. У них был общий круг знакомств, они стали большими друзьями. Ко времени окончания Академии оба были признанными, вполне обеспеченными мастерами. Горюшкин работал в Пензенском художественном училище, жил в с. Ивановка под Пензой, выезжая в другие города русской провинции; Сычков до 1917 г. оставался в Петербурге, выезжая в Европу, летом работая в с. Кочелаеве.

Оба мастера достигли художественной зрелости до 1917 г. Сформировавшись на образцах передвижнического искусства,

они не остались равнодушными к живописным новациям современности. В их произведениях просматриваются черты «обновленного» реализма, испытавшего влияние французской пленэрной живописи (Сычков), модерна и символизма (Горюшкин). От академистов обоих художников отличают интерес к «живой жизни», обращение к изображению повседневности, от передвижнического реализма — отказ от внеэстетических критериев «пользы и блага». Социальная критика прослеживается в их творчестве нечасто («Христославы» Сычкова; обращение Горюшкина к политической карикатуре в период революции 1904—1907 гг.). Для них характерен «музыкализм», проявляющийся в свойствах художественного языка: стремление к гармоничности, значимость декоративно-орнаментального фактора.

В искусстве рубежа XIX—XX вв. продолжала господствовать тема народа, России: с одной стороны, мрачные экспрессивные образы униженных и оскорбленных (А. Е. Архипов, С. В. Иванов, И. Е. Репин, И. Н. Крамской и др.), с другой — почвенно-романтические и лирические полотна В. М. Васнецова, А. П. Рябушкина, Б. М. Кустодиева, Н. К. Рериха. Необыкновенно влиятельным было народно-национальное направление (исторические картины В. И. Сурикова, символические — М. В. Нестерова). Обратившись к этой теме, Горюшкин и Сычков обретают неповторимое «собственное лицо». Для обоих Россия — это прежде всего ее провинция. Для Горюшкина жизнь народа — это русская история, повседневность средневекового города, посада; его основной жанр — историко-бытовой. Поездки художника в Углич, Ростов-Ярославский и другие провинциальные города позволяют накопить большой запас впечатлений и этюдов. Ему близка национально-романтическая линия русского модерна, ориентированная на эстетизацию исторического прошлого, «преданий старины глубокой», стилизацию и идеализацию патриархальных сторон старого быта («Базарный день в старом городе», «Женщина времен тишайшего царя», «Уголок прошлого», «Из боярской семьи» и др.). Художник подчеркивает, что русская культура — это культура-вера, ее стержнем является православие («Княже у обедни», «Канун Пасхи в старину», «Раздача милостыни в святую ночь в старой Руси», «Приезд боярина в монастырь» «Игуменья на молитве», «По старой вере», «В храме» и др.). Художник

уделяет большое внимание архитектурному пейзажу, основываясь на натуральных эскизах сохранившихся древнерусских храмов. Известны его «картинки» с рождественскими и пасхальными мотивами.

Для Сычкова российская провинция — это прежде всего русская деревня, «крестьянский космос» с его традиционным укладом, чередованием трудовых будней и праздников, обусловленным природным циклом («Возвращение с сенокоса», «Мяльщицы льна», «Пряха», «В цветущем огороде», «На базаре весной», «С гор» и др.) и православным календарем («Водосвятие», «Возвращение из церкви», «Христославы», «Катание яиц. Праздник в деревне»). Его основной жанр — пейзажно-бытовой, в котором жизнь человека неразрывно связана с жизнью природы родного края.

Оба мастера успешно работали в жанре портрета. Горюшкин создает замечательные портреты представителей культуры российской провинции: актрисы А. Н. Соболюшиковой-Самариной, преподавателя Пензенского художественного училища скульптора К. А. Клодта, пензенской княжны Н. В. Мансыревой. В творчестве Сычкова выделяются заказной портрет (представителей семейства Араповых, Пушкиных и др.), портреты русских крестьянок и крестьянских детей, которые он создавал как портреты-картины с элементами бытового и пейзажного жанра («Пастушка», «Подружки. Дети» и др.). Этапными для Сычкова являются автопортреты. Любимой моделью каждого из двух художников являются собственные жены: для Сычкова — Лидия Васильевна Сычкова, для Горюшкина — Клавдия Петровна Горюшкина-Сорокопудова.

Горюшкин и Сычков принадлежали к той части художественной интеллигенции, которая лояльно отнеслась к революции, несмотря на то, что ее отдельные события доставили им немало разочарований. Мастерская Сычкова в Петрограде была разгромлена, и в 1918 г. он вернулся в родное Кочелаево. Нужда и голод заставили его обратиться к привычному крестьянскому труду. Горюшкин пострадал от деятельности «левых» художников, разгромивших его живописную мастерскую в художественном училище. Многие потеряв, терпя притеснения новой власти, они все же сделали самый важный в жизни выбор — в отличие от многих своих коллег, друзей, знакомых, родственников

остались на родине. Сложен и противоречив был процесс «вхождения» сложившихся русских мастеров (со своей тематикой, влюбленностью в «Русь уходящую») в новую советскую культуру. В основном они остались верны себе, продолжая и в новой культурно-исторической ситуации лучшие традиции русского реалистического искусства, чувствуя свое внутреннее одиночество, «отчужденность» от «нового», «советского».

Однако оба были захвачены энтузиазмом революционной эпохи: они оформляют советские учреждения, пишут портреты вождей пролетариата, прежде всего В. И. Ленина, работают над символично-аллегорическими полотнами. Сычков создает картину «В. И. Ленин освобождает из тюрьмы угнетенных пролетариев всего мира» и (совместно с К. А. Вещиловым) картину на библейский сюжет «Разрушение храма Ваала» (изображение российских пролетариев, рушащих твердыни царизма), Горюшкин — полотно «Революция». Если Сычков вскоре возвращается к своим любимым темам (портретам крестьянских детей и девушек, пейзажам), то Горюшкин развивает новую тематику в реалистических полотнах второй половины 1920-х гг.: «Выступление В. И. Ленина», «Торжество революции», «Похороны В. И. Ленина».

Для 30—50-х гг. XX в. характерны противоречия в мировоззрении и творчестве художников, остро переживающих конфликт между «старым» и «новым», хотя обоих привлекает красота родного края (пейзажи) и ясное, оптимистическое отношение людей к жизни («На родине весна», «Яблони цветут» Горюшкина; «У изгороди» и «У изгороди. Лето» Сычкова).

Горюшкин в середине 1930-х гг. работает над тематическими композициями на политические темы («Провозглашение В. В. Куйбышевым Советской власти в Самаре», «Похороны Кирова») и картинами, отражающими трудовые будни провинции («Фабрика „Красный Октябрь»» (1934), «Студенты мордовского агропедтехникума за учебой» (1934), «Бригада на сложной молотилке» и др.). Однако художник не может расстаться с милой его сердцу патриархальной стариной, которую безжалостно разрушает новая действительность, — красотой архитектуры древнерусских городов, красочностью икон, нарядностью костюмов. Он пишет две картины под названием «Сцена из XVII столетия». Не-

скрываемой грустью овеяна картина «Упавшие колокола», которую сам художник назвал «Из века в век», настаивая на непреходящей значимости традиционных православных ценностей для русской культуры.

Сычков в эти годы разделяет свои работы на написанные «для денег» (т. е. по государственным заказам) и «для искусства». К первым относятся «Колхозный базар», «Праздник урожая» и др., оптимистический тон которых в контексте времени создания звучит достаточно фальшиво (письма Сычкова свидетельствуют, что он работал над ними неохотно); ко вторым — картины, мотивы которых разработаны в начале XX в. («Трудный переход», «Молодая», «Катание с гор»), детские и женские портреты.

Неслучайно с 1934 г. возобновляются дружеские отношения двух художников, прерванные незадолго до революции. Они испытывают потребность в общении с людьми своего поколения, представителями «старой» культуры. Примечательно, что в середине 1930-х гг. они создают портреты друг друга, которые можно считать последним взлетом в их творчестве.

В дальнейшем возрастные изменения приводят к ухудшению качества их живописи, образы повторяются. Если Сычков продолжает работать, откликаясь, в частности, на события Великой Отечественной войны, то Горюшкин приходит к полному творческому кризису в 1939 г. Одна из его последних незавершенных работ названа «Муки творчества». Последние годы его жизни почти целиком посвящены педагогической работе. В годы Великой Отечественной войны его назначают на должность директора Пензенского художественного училища. Будучи уже в преклонном возрасте, он не теряет живого общения с учениками, приезжает в Пензу на обсуждение выставок, консультирует дипломные работы, помогает советами педагогам.

Несмотря на то, что Сычков не занимался преподавательской деятельностью, он сыграл ключевую роль в становлении профессионального изобразительного искусства Мордовии: стал инициатором создания художественного училища в Саранске, участвовал в выставках, консультировал молодых художников, оказал непосредственное влияние на ряд художников молодого поколения, считавших себя его учениками (А. Мухин, Е. Ноздрин).

Последние годы жизни Горюшкина были трагическими. Кроме личной трагедии (смерти жены), он испытал несправедливое отношение к себе со стороны руководства училища: был отстранен от преподавательской работы теми, кто считал его художником, воспевающим прошлое и не понимающим советской действительности; жил одиноко в Ивановке. Последние годы жизни Сычкова были значительно более благополучными: он переехал в Саранск и пользовался в столице Мордовии заслуженным уважением.

В работе двух художников российской провинции отчетливо прослеживается основополагающий традиционный, народный характер: они создавали нечто важное, незаменимое, исходящее из «почвы» в виде родников, истоков. Их творческие порывы определялись любовью к родине, культом трудовой нравственности, кровной связью с природой, желанием родному миру красоты и гармонии. Горюшкин и Сычков внесли огромный вклад в развитие культурной среды региона и формирование новых поколений художников провинции.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Мазаев А.И. Искусство и большевизм (1920—1930-е гг.). Проблемно-тематические очерки и портреты. М.: Едиториал УРСС, 2004. С. 228.

² См.: Хлебов Г.В. Жил академик в провинции... (И.С. Куликов в Муроме): популярный очерк. Владимир, 2000. 72 с.

³ См.: Ключева И.В. Художественно-педагогическая деятельность Степана Эрзи. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2007. 212 с.; Ключева И.В., Лысова Н.Ю. Грани скульптурной вселенной: произведения Степана Эрзи в музеях Саранска. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2008. 292 с.

⁴ См.: Васильев В.А. Алексей Афанасьевич Кокель, 1880—1956: жизнь и творчество. Чебоксары, 2008. 334 с.

Поступила 18.11.09.

АННОТАЦИИ

В. И. Сухарев. Проблемы и перспективы развития государственной промышленной политики Российской Федерации в условиях кризиса.

В статье осуществлена попытка анализа проблем и перспектив развития государственной промышленной политики Российской Федерации в условиях кризиса, определены ее основные направления на среднесрочную и долгосрочную перспективы.

М. Э. Рябова. Формирование новых идентичностей: диалектика глобального и регионального.

Анализируется проблема формирования новых идентичностей в условиях глобализирующегося пространства, рассмотрены взаимоотношения центра и региона как целого и части, сделан вывод о необходимости замеров общероссийской идентичности для выявления факторов, которые могут повлиять на становление целостного образа России.

И. В. Бахлов, О. П. Березина. Отечественный опыт конструирования государства с автономными образованиями как типа федерации.

В статье анализируются концепции отечественных ученых, политиков, в которых предпринимались попытки конструирования особого типа федерации — государства с автономными образованиями. Прослеживается связь теоретических взглядов с объективными условиями развития российской территориальной системы.

Е. В. Головацкий. Ресурсное оснащение политических новаций: региональное измерение.

В статье осуществлена попытка анализа некоторых направлений ресурсного оснащения политических новаций в Кемеровской области. Используются результаты социологических исследований.

О. В. Бахлова. Межрегиональное сотрудничество как фактор российско-белорусской интеграции.

В статье анализируются основные направления и формы сотрудничества регионов Российской Федерации и Республики Беларусь с точки зрения его влияния на развитие процесса двусторонней интеграции. Особое внимание уделяется сопоставлению альтернативных векторов межрегионального сотрудничества с участием белорусских областей и г. Минска в контексте эволюции европейской политики Республики Беларусь и отношений с Российской Федерацией.

Л. Н. Рузавин. Технологии формирования имиджа субъекта Федерации в условиях современной территориальной организации России.

Статья посвящена изучению имиджевой составляющей развития субъектов РФ в условиях трансформации территориальной организации государства, описываются примеры политико-административных технологий формирования имиджа региона, раскрывается их сущность, а также анализируется деятельность государственной власти Республики Мордовия по продвижению регионального имиджа.

Э. Р. Янборисова. Внедрение социальной технологии механизма антикризисного PR в регионе.

Статья посвящена рассмотрению внедрения механизма PR в период трансформации социальных процессов в муниципалитете во время кризиса, рассматриваются этапы его внедрения, анализируются различные подходы по оценке результативности, проводимых PR-кампаний и мероприятий.

Р. А. Абрамов. Проблемы формирования антикризисных региональных инновационных программ.

В статье рассматриваются особенности различных подходов к формированию региональных инновационных программ в период экономического кризиса. Проанализирована государственная составляющая в инновационном развитии регионов, предложены рекомендации по механизму формирования инновационных программ, дана оценка индустриальной экономики прошлого, представлено ее сопоставление с некоторыми инновационными проектами зарубежья.

А. В. Акишева. Инновационный подход в сотрудничестве коммерческого банка и предприятия-заемщика в минимизации кредитного риска.

В статье раскрыты инновационные преобразования во взаимодействии банковского и реального секторов экономики Мордовии, обосновывается необходимость внедрения устойчивого партнерства во взаимоотношениях коммерческих банков и предприятий с использованием кластерной методики для минимизации кредитного риска.

С. А. Барганов. Влияние энергетического потенциала на экономику регионов Приволжского федерального округа.

В статье раскрывается влияние экономического потенциала регионов Приволжского федерального округа на развитие их экономики. На основе кластерного подхода определено современное состояние экономического потенциала регионов.

А. Ч. Коков, А. М. Апеков. Проблемы и перспективы развития ценовой политики в электроэнергетическом комплексе Северокавказских республик.

В статье анализируется современное состояние электроэнергетического комплекса республик Северного Кавказа, рассматриваются вопросы ценообразования на электроэнергию, предлагаются меры по его оптимизации.

З. А. Шарафутдинова. Рентные отношения в землепользовании региона.

Рассматриваются проблемы земельной реформы, предполагающей формирование многоукладности сельского хозяйства для обеспечения условий равноправного развития различных форм хозяйствования на примере Республики Башкортостан.

Н. Н. Семенова. Бюджетное финансирование сельского хозяйства региона.

Рассмотрен механизм государственной поддержки сельского хозяйства Республики Мордовия, осуществлен анализ особенностей и уровня государственного финансирования отрасли из различных источников.

Л. С. Раужина. Послевоенное развитие кооперативной промышленности в регионе.

Анализируется опыт послевоенного развития различных направлений кооперативной промышленности Мордовской АССР, значительное внимание уделено процессу достижения довоенного объема производства.

Т. А. Кузнецова, А. А. Ташкинов, С. И. Нахомов. Межвузовская кооперация при реализации программ подготовки научных кадров.

В статье осуществлен анализ принципов, механизмов, методов и организационных форм межвузовской кооперации как основы эффективного образовательного и исследовательского взаимодействия вузов при реализации программ подготовки научных кадров. Определяются виды и типы межвузовской кооперации, рассмотрены формируемые компетентностные модели выпускников вузов. Произведено исследование эффективности воз-

действия типов и видов межвузовской кооперации на качество подготовки научных кадров с применением компетентностного подхода.

Н. А. Чеканина. Региональные аспекты финансирования высшей школы.

В статье рассматривается система финансирования высших учебных заведений Республики Мордовия, анализируется проблема децентрализации финансирования высшей школы, предлагаются пути решения проблем финансирования вузов в регионе.

А. В. Макаркин. Динамика трудоустройства выпускников вуза.

Представлены результаты исследования трудоустройства выпускников Мордовского государственного университета, осуществлен анализ динамики трудоустройства выпускников по пяти показателям занятости: общая занятость, трудоустройство по специальности, трудоустройство не по специальности, официальная безработица, выезд за пределы региона. По степени значимости изменения показателей трудоустройства с 2002 по 2008 г. выявлены основные тенденции развития рынка труда, а также обоснованы подходы к решению выявленных проблем в области трудоустройства выпускников университета.

Е. В. Еремина. Предметная область и проблематика социологических исследований в регионе.

В статье рассмотрены различные подходы к определению предметной области и проблематики исследований социологии региона, а также соотношение понятий «социология региона» и «социология в регионе».

А. С. Плигузов. Некоторые проблемы развития человеческого капитала.

В статье раскрывается ряд аспектов концепции человеческого капитала, обозначается категория социального иждивенчества, рассматриваются особенности формирования иждивенческой психологии в связи с распространением концепции общества потребления.

А. Н. Ершов, О. С. Ивлева. Проблема гендерного равенства в социальном управлении: региональный аспект.

Анализируется роль женщин в государственном управлении. Опровергается устоявшееся мнение о том, что женщина в силу различных причин не может заниматься государственной управленческой деятельностью.

Ю. Ю. Кудашкина. Устойчивое развитие и качество жизни населения региона.

В статье осуществлен анализ социальных индикаторов, рассчитана интегральная оценка социального положения населения Республики Мордовия, сделана попытка построить регрессионные математические модели взаимосвязи динамики занятости населения с основными социально-экономическими показателями региона.

А. А. Аношкин. Развитие предпринимательства в регионе.

Анализируются результаты глубинного интервью предпринимателей г. Перми, выявлены некоторые проблемы развития малого и среднего бизнеса в регионе.

М. С. Третьяков. Молодежь на региональном рынке труда.

В статье анализируется проблема занятости молодежи на рынке труда Курской области, выявлены некоторые противоречия в функционировании регионального рынка труда и попытках преодоления молодежной безработицы.

В. А. Смирнов. Развитие молодежных общественных объединений в регионе.

В статье рассмотрены проблемы молодежных общественных объединений, действующих в Костромской области. Деятельность молодежных объединений анализируется как один из важнейших механизмов социализации молодого поколения, инструмент развития гражданской, социальной, политической активности молодежи. Предлагается оптимизировать их деятельность.

М. М. Гудов, Э. Р. Цулая. Оценка характера развития социальной инфраструктуры села региона.

Осуществлен анализ состояния социальной инфраструктуры села Республики Мордовия, выделены основные причины проблем ее развития, определены задачи, направленные на улучшение объектов социальной инфраструктуры сельской местности региона.

Г. А. Вознюк. Влияние элементов социального страхования на качество жизни работников промышленного предприятия региона.

В статье исследуется влияние некоторых элементов социального страхования на качество жизни работников ОАО «Нижнекамскнефтехим» Республики Татарстан, дана субъективная оценка социальной значимости отдельных форм социального страхования, определены основные направления совершенствования социального страхования, влияющие на уровень жизни работников промышленного производства.

Е. В. Рязанцев, В. Е. Рязанцев. Организационно-методическое и кадровое обеспечение урологической службы.

В статье анализируются административные аспекты регулирования урологической службы в контексте доступности и качества оказания соответствующей медицинской помощи, организационно-методические, организационно-правовые аспекты видов, объемов и преемственности врачебной деятельности. Делается вывод о необходимости пересмотра устаревших штатных нормативов нагрузки.

К. А. Антонов. Постановка повестки дня региональными средствами массовой коммуникации.

В статье раскрываются механизмы формирования информационной повестки дня новосибирскими телекомпаниями, рассматривается комплекс механизмов, зависящих от институционального статуса СМК, их технико-технологической специфики, профессиональной традиции. Материал статьи построен на использовании данных контент-анализа.

А. А. Кошелев. Региональные особенности восприятия телевизионной рекламы молодежью.

Статья посвящена изучению проблем отношения молодежи к рекламным коммуникациям. На основе результатов социологического исследования анализируется специфика восприятия телевизионной рекламы молодым поколением, рассматриваются требования к видеопродукции, обеспечивающие эффективность и коммерческий эффект.

С. А. Туменова. Конкурентные преимущества рекреационного комплекса региона.

В статье представлена характеристика потенциала рекреационного комплекса Кабардино-Балкарской Республики как одного из действенных инструментов оживления экономической активности, способного осуществить

эффективное включение региона в территориальное разделение труда и решение внутрорегиональных проблем, обеспечивающих последовательное развитие социальной сферы.

Э. Р. Сафаргалиев. Субстрат культуры как фактор динамических трансформаций в условиях полиэтничности региона.

Выявлены особенности культурного развития полиэтничного общества, отмечается усиление конфликтного потенциала внутри отдельных обществ и между различными культурами, конфессиями. В качестве субстрата культуры в условиях полиэтничности региона выделяются не только социум или этнос в целом, но и отдельные организации (деловая культура) и профессиональные сообщества (профессиональная культура).

И. А. Купцова. Ценностно-смысловое взаимодействие русской провинциальной и массовой культуры.

В статье рассматриваются различные подходы к анализу русской провинциальной и массовой культуры на уровне их ценностей и смыслов. Дано определение сущности провинциальной и массовой культуры, назначения культурных кодов, их функций в современном культурном пространстве. Рассмотрена роль провинциальной и массовой культуры в динамике механизмов культурных традиций и инноваций.

Т. В. Юркина. Языковое сознание, культурный концепт и проблема самоидентичности.

В статье анализируется языковое сознание как отражение мировидения народа. Язык, представляя собой систему концептов, вербализует картину мира и является одним из средств самоидентификации. Языковое сознание рассматривается значимым фактором формирования менталитета нации, выполняющим онтологическую, гносеологическую, эстетическую и аксиологическую функции.

Г. С. Попова. Анима, тотем, фетиш в корневой культуре — триединство духовной связи природы и человека.

В статье раскрывается содержание понятий «анима», «тотем» и «фетиш» в традиционной культуре саха. Они рассматриваются как формы мировосприятия и феномены традиционной культуры народа саха, связывающие человека с миром природы.

Р. М. Шарипова. Татарская хоровая культура в 1917—1930 гг.

В статье на примере творчества С. Габяши и С. Сайдашева анализируется процесс создания и развития хоровой культуры татарского народа в 1917—1930 гг.

Е. Ю. Куляева. Художники российской провинции: И. С. Горюшкин-Сорокопудов и Ф. В. Сычков.

Осуществлен сопоставительный анализ биографий и творчества художников российской провинции И. С. Горюшкина-Сорокопудова (1873—1954) и Ф. В. Сычкова (1870—1958). Выявлено общее и особенное в их судьбе и творчестве, прослежены траектории творческого самоопределения, показана роль Петербургской академии художеств в их профессиональном и личностном становлении, раскрыты основные смысловые константы и особенности моделей национально-культурного сознания в их искусстве.

ANNOTATIONS

V. I. Sukharev. Problems and Perspectives for Development of State Industrial Policy of the Russian Federation in Crisis Conditions.

An attempt to analyse problems and perspectives for the development of state industrial policy of the Russian Federation in crisis conditions is made in the article. Main trends for mid- and long-term perspective are determined.

M. E. Ryabova. Formation of New Identities: Dialectics of the Global and the Regional.

The problem of formation of new identities in the conditions of the global space is analysed. Relations between the centre and the region as those between the integral and its components are treated. The conclusion on the necessity of determination of all-Russian identity for educing factors which can possibly influence the formation of integral image of Russia is made.

I. V. Bakhlov, O. P. Berezina. Domestic Experience of Developing State with Autonomous Entities such as Federations.

Conceptions of domestic scientists and politicians for developing a special type of federation — the state with autonomous entities — are analysed in the article. The connection between theoretical views and objective conditions of the Russian territorial system development is traced.

E. V. Golovatsky. Resource Equipage of Political Novelties: Regional Dimension.

An attempt to analyse some trends in the resource equipage of political novelties in the Kemerovo Region is made in the article. The results of sociological researches are applied.

O. V. Bakhlova. Interregional Co-Operation as Factor for Integration of Russia and Byelorussia.

Main trends and forms of co-operation between regions of the Russian Federation and the Republic of Belarus from the point of view of its influence on the development of the process of bilateral integration are analysed in the article. Special attention is paid to the comparison of alternative vectors of interregional co-operation with participation of Byelorussian regions and Minsk in the context of evolution of European policy of the Republic of Belarus and the relations with the Russian Federation.

L. N. Ruzavin. Technologies for Formation of Constituent Entity of the Federation Image in the Conditions of Modern Territorial Organisation of Russia.

The article is devoted to the study of image component in the development of the Russian Federation constituent entities in the conditions of transformation of territorial organisation of the state. Examples of political and administrative technologies for the regional image formation are described, their essence is considered. Activities of state power of the Republic of Mordovia in the sphere of regional image formation are analysed.

E. R. Yanborisova. Implementation of Social Technology of Anti-Crisis PR Mechanism in the Region.

The article is devoted to the analysis of PR mechanism implementation in the period of transformation of social processes in a municipality in the

conditions of the crisis. Stages in its implementation are considered. Different approaches to evaluation of productivity of the carried out PR-campaigns and measures are analysed.

R. A. Abramov. Problems of Anti-Crisis Regional Innovative Programmes Formation.

Peculiarities in different approaches to the formation of regional innovative programmes in the period of economic crisis are considered in the article. State component in regional innovative development is analysed. Recommendations on the mechanism for innovative programmes formation are offered. Evaluation of industrial economics of the past is presented. It is compared with some foreign innovative projects.

A. V. Akisheva. Innovative Approach in Co-Operation between a Commercial Bank and a Borrower in Credit Risk Minimisation.

Innovative transformations in the relationship between banking and real sectors of Mordovia economics are described in the article. The necessity for implementation of sustainable partnership in the relations between banks and enterprises with application of cluster methodology for the purpose of credit risk minimisation is substantiated.

S. A. Bartanov. Influence of Energy Potential on Economics of the Volga Federal District Regions.

Influence of energy potential of the Volga federal district regions on the development of their economics is highlighted. On the basis of cluster approach present day state of economic potential of the regions is determined.

A. Ch. Kokov, A. M. Apekov. Problems and Perspectives for Development of Price Policy in Electric and Energy Complex of the North Caucasus Republics.

Present state of electric and energy complex of the North Caucasus Republics is analysed in the article. Issues for the formation of prices for electric power are considered, measures for its optimisation are offered.

Z. A. Sharafutdinova. Rent Relations in Land Utilisation in the Region.

Problems of agrarian reform presupposing the formation of diversification of agriculture for providing conditions for development of different forms of economy management after the example of the Republic of Bashkortostan are treated.

N. N. Semenova. Budget Financing of Agriculture in the Region.

Mechanism of state support for agriculture in the Republic of Mordovia is considered. The analysis of peculiarities and the level of state financing of the branch from different sources is carried out.

L. S. Rauzhina. Post-War Development of Co-Operative Industry in the Region.

Experience of post-war development of different trends of co-operative industry of the Mordovian Autonomous Soviet Socialist Republic is analysed. Special attention is paid to the process of attaining pre-war production volume.

T. A. Kuznetsova, A. A. Tashkinov, S. I. Pakhomov. Inter-University Co-Operation in the Course of Implementation of Scientific Personnel Training Programmes.

The analysis of principles, mechanisms, methods and organisational forms of inter-university co-operation as basis for efficient educational and rese-

arch interaction of universities in the course of implementation of scientific personnel training programmes is carried out in the article. Types of inter-university co-operation are determined, university graduates competence models are considered. The research on the efficiency of the influence of inter-university co-operation types on the quality of scientific personnel training with competence approach application is carried out.

N. A. Chekanina. Regional Aspects of Higher School Financing.

System of financing higher education institutions in the Republic of Mordovia is considered in the article. The problem of decentralisation of higher school financing is analysed. Ways for solving problems of regional higher education institutions financing are offered.

A. V. Makarkin. Dynamics of University Graduates Employment.

The results of the research on Mordovia State University graduates employment are presented. The analysis of the dynamics of university graduates employment on the five employment indices such as general employment, employment by profession, employment not by profession, official unemployment and departure outside the region is carried out. According to the degree of significance of employment indices changes occurred in the period of 2002—2008 main tendencies in the development of labour market are elicited. Approaches to the decision of the underlined issues in the sphere of university graduates employment are substantiated.

E. V. Eremina. Subject Field and Terms of Reference of Sociological Research in the Region.

Different approaches to the subject field and terms of reference of sociological research in the region determination as well as the correspondence between the notions «sociology of the region» and «sociology in the region» are considered in the article.

A. S. Pliguzov. Some Aspects of Human Capital Development.

A number of aspects of human capital conception are treated in the article. The category of social dependence is determined. Peculiarities of the formation of dependency psychology in connection with the conception of the consumption society outreach are considered.

A. N. Ershov, O.S. Ivleva. Problem of Gender Equality in Social Management: Regional Aspect.

The role of women in public management is analysed. Established opinion that woman due to various reasons cannot practice state managerial activities is denied.

Yu. Yu. Kudashkina. Sustainable Development and Life Quality of Population of the Region.

The analysis of social indicators is carried out in the article. Integral estimation of social status of the Republic of Mordovia population is presented. An attempt to create regression mathematical models of interrelation between the dynamics of population employment and basic social and economic indices of the region is made.

A. A. Anoshkin. Entrepreneurship Development in the Region.

The results of the profound interview of Perm businessmen are analysed. Some aspects of the development of small and medium entrepreneurship in the region are elicited.

M. S. Tretyakov. Youth on Regional Labour Market.

The problem of youth employment on the labour market of the Kursk Region is analysed in the article. Some contradictions in regional labour market operation as well as attempts to overcome unemployment among young people are brought to light.

V. A. Smirnov. Entrepreneurship Youth Public Associations of the Region.

Problems of youth public associations acting in the Kostroma Region are considered in the article. Activities of youth public associations are treated as one of the most important mechanisms of young degeneration socialisation, instrument for the development of the civil, social and political ambition. Optimisation for their activities is offered.

M. M. Gudov, E. R. Tsulaya. Evaluation of Development Character of Social Infrastructure of the Rural Area of the Region.

The analysis of state social infrastructure of the rural area of the Republic of Mordovia is carried out. Main reasons for the problems in its development are brought to light and targets aimed at the improvement of social infrastructural facilities in the rural area of the region are determined.

G. A. Voznyuk. Influence of Social Insurance Elements on Life Quality of an Industrial Enterprise Employees in the Region.

Influence of some elements of social insurance on life quality of employees of OJSC «Nyzhnekamskneftekhim» of the Republic of Tatarstan is under research in the article. Subjective evaluation of social significance of different forms of social insurance is presented. Main trends in the improvement of social insurance influencing the industrial production employees' level of life are determined.

E. V. Ryazantsev, V. E. Ryazantsev. Organisational, Methodical and Personnel Provision of Urologic Service.

Administrative aspects of urologic service regulation in the context of availability and quality of rendered medical assistance, organisational, methodical and legal aspects of types, volumes and succession of medical practising are analysed in the article. A conclusion on the necessity of re-consideration of outdated nominal ratio of assignment is made.

K. A. Antonov. Agenda Setting by Regional Mass Media.

Mechanisms for informational agenda setting by Novosibirsk TV-companies are described in the article. The complex of mechanisms depending on institutional status of mass media, their technical and technological specificity and professional tradition are considered. The material of the article is based on the content-analysis data application.

A. A. Koshelev. Regional Peculiarities of TV Advertisement Perception by the Youth.

The article is devoted to the research of problems of relation of the youth to advertisement communications. On the basis of the results of sociological research specificity of TV-ads perception by the young generation is analysed, demands to video-products providing efficiency and commercial effect are considered.

S. A. Tumenova. Competitive Advantages of Recreation Complex of the Region.

Characteristics of recreation complex potential of the Kabardino-Balkarian Republic as one of efficient instruments of economic activity revival capable

of implementing efficient inclusion of the region into territorial division of labour and solution of interregional problems providing consecutive development of social sphere are presented in the article.

E. R. Safargaliev. Culture Substrate as Factor for Dynamic Transformations in the Conditions of Poly-Ethnicity of the Region.

Peculiarities of poly-ethnic society cultural development are brought to light. Strengthening of conflict potential inside separate societies and between different cultures and confessions is pointed out. Separate organisations (business culture) and professional communities (professional culture) alongside with socium and ethnos as culture substrate in the conditions of poly-ethnicity of the region are marked out.

I. A. Kuptsova. Axiological and Conceptual Interrelation of Russian Provinciality and Mass Culture.

Different approaches to the analysis of Russian provinciality and mass culture on the level of their valuables and concepts are considered in the article. Definitions of the essence of provinciality and mass culture, cultural codes designation, their functions in modern cultural space are presented. The role of provincial and mass culture in the dynamics of cultural traditions mechanisms and innovations is considered.

T. V. Yurkina. Language Consciousness, Cultural Concept and Problem of Self-Identity.

Language consciousness as reflection of national ideology is analysed in the article. The language itself, representing the system of concepts, verbalises the worldview and is one of the means of self-identification. Language consciousness is treated as significant factor for the formation of national mentality, carrying ontological, gnoceological, esthetical and axiological functions.

G. S. Popova. Anima, Totem, Fetish in Root Culture — Trinity of Spiritual Interrelation between the Nature and the Human Being.

The contents of the notions «anima», «totem» and «fetish» in the traditional culture of Sakha are uncovered. They are treated as forms of perception of the world and phenomena of the traditional culture of the Sakha people, tying the human being with the world of nature.

R. M. Sharipova. Tatar Chorus Culture in 1917—1930.

On the example of the work of S. Gabyash and S. Saidashev the process of initiation and development of chorus culture of the Tatar people in 1917—1930 is analysed in the article.

E. Yu. Kulyaeva. Artists of Russian Province: I. S. Goryushkin-Sorokopudov and F. V. Sychkov.

Comparative analysis of the biographies and work of the artists of the Russian province I. S. Goryushkin-Sorokopudov (1873—1954) and F. V. Sychkov (1870—1958) is carried out. The common and the peculiar in their fates and creative work are brought to light; paths of creative self-determination are traced; role of Saint-Petersburg Academy of Arts in their professional and personal formation is shown; main conceptual constants and peculiarities of national and cultural consciousness model in their art are revealed.

Журнал распространяется по подписке.

Технические редакторы *Л. В. Калачина, О. В. Пьянзина*
Макет *Л. В. Калачиной*
Перевод аннотаций и ключевых слов *С. И. Лягущенко*

Журнал зарегистрирован в Министерстве Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № 77-16450 от 22 сентября 2003 г. Подписано в печать 30.12.09. Формат 60x84 1/16. Усл. печ. л. 16,28. Уч.-изд. л. 15,09. Тираж 1000 экз. I завод — 700 экз. Заказ № 39.

Адрес редакции: 430005 г. Саранск, ул. Б. Хмельницкого, 39а. НИИ регионологии ГОУВПО «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева». Тел. (834-2) 47-44-51, 48-07-00; факс (834-2) 47-39-95. E-mail: redreg@mail.ru
Интернет-сайт журнала: <http://regionsar.ru>

Макет выполнен в НИИ регионологии ГОУВПО «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева». 430005 г. Саранск, ул. Б. Хмельницкого, 39а.

Отпечатано в ГУП РМ «Республиканская типография „Красный Октябрь”». 430000 РМ г. Саранск, ул. Советская, 55а.